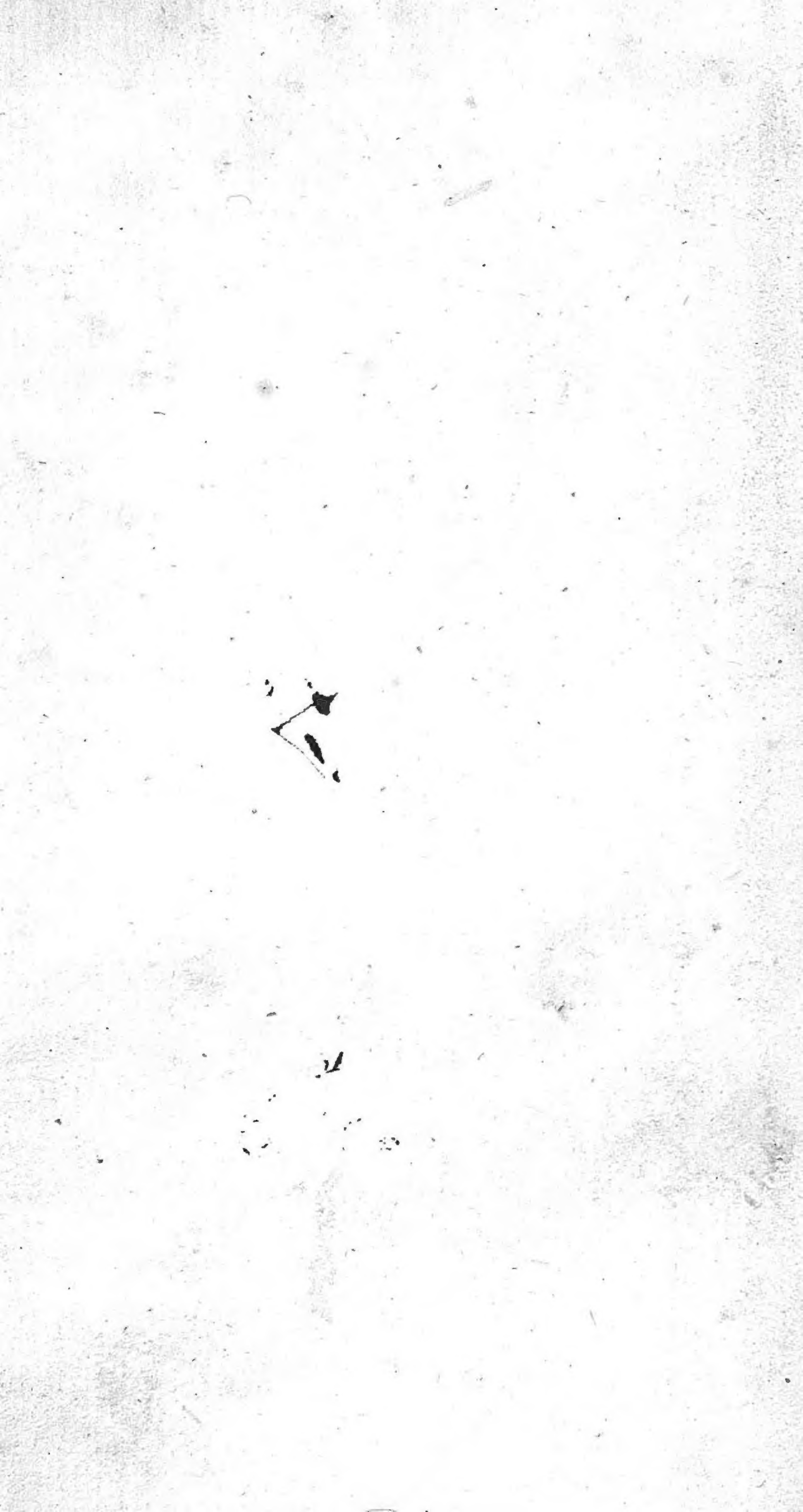
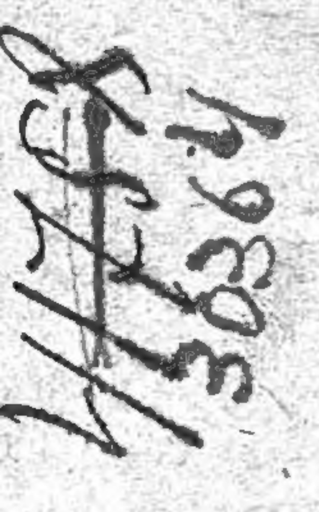

1ф
С-55
4
30364

СОБРАНІЕ ПЕРЕВОДОВЪ,

ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА ИЗДАННЫХЪ

Преосвященнымъ Ѳеофилактомъ Епископомъ Калужскимъ, что нынѣ Синодальный Членъ Архїепископъ Рязанскій.

ТОМЪ IV.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Святѣйшемъ Синодѣ

1812 года.

СОЗЕРЦАНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предисловіе.

Много теперь читаютъ; но читаютъ для виду; читаютъ, чтобъ убавить время, которое съ лишкомъ длиннымъ находятъ, переходя отъ одного удовольствія къ другому; читаютъ, дабы увѣрить себя, что не имѣютъ нужды въ чтеніи и наставлении. Ето суть посмѣянія и презрѣнія достойныя книги, всюду на показъ выставляемыя безстыдствомъ и обольщеніемъ, кои тщеславіе съ заботливою торопливостію покупаетъ, и украшаетъ свой кабинетъ ученымъ нарицаемый; ето суть такія книги, коихъ чтеніе наполняетъ пустоту отъ шумныхъ забавъ свѣта остающуюся для тѣхъ, которые вовсе не умѣютъ пользоваться драгоцѣнною кратковременностію сея жизни.

При появленіи на свѣтъ сочиненія о Религіи (слово сіе выходитъ нынѣ изъ употребленія, и скучнымъ становится въ бесѣдахъ,) пожима-

ютъ плечами, движутся состраданіемъ о писателѣ, сожалѣютъ о купующихъ оное, и часто даже издѣваются надъ ними.

Единственная причина порчи нравовъ есть незнаніе должностей и побужденій къ исполненію оныхъ. Супружества нещастны, поелику жены не знаютъ, что ихъ мужья, дѣти, домашніе суть такой предметъ, на которой должно быть обращено все ихъ вниманіе; поелику мужья не имѣютъ уваженія, и снисходительности къ своимъ женамъ, и не служатъ имъ подпорою. Семѣйства бываютъ соблазнительны потому, что отцы и матери не стараются дать дѣтямъ надлежащаго и благочестиваго воспитанія. Всѣ ихъ попеченія ограничиваются тѣмъ, чтобъ привесть ихъ въ состояніе жить безъ нужды. Но когда цѣлыя семѣйства размножаются въ невѣжествѣ; то какое познаніе принесутъ съ собою отдѣлившіеся отъ нихъ члены, для поступленія въ различныя общежительныя званія?

Но невѣденіе никогда бы не было причиною отступленія отъ истиннаго пути, когда бы не сопровождалось опаснымъ и ослѣпляющимъ насъ самолюбіемъ. Мы по-

гружены въ невѣжествѣ, и сему не вѣримъ; мы говоримъ, сами не зная что; и остаемся убѣжденными въ своихъ словахъ; читаемъ, вовсе не понимая ни разума, ни цѣли сочиненія, и весьма бы огорчились, когда бы въ томъ насъ обличили; мы слушаемъ проповѣдника, но замѣчаемъ одни только отборныя изреченія, и крайне бы раздражились, когда бы кто вздумалъ насъ вопросить: уразумѣлиль слышанное? мы читаемъ молитвы затверженныя въ младенчествѣ, и наше разумѣніе не простирается далѣе зримыхъ буквъ книги, или движенія губъ; но тотъ весьма бы худо былъ принятъ отъ сихъ нещастныхъ жертвъ самолюбія, кто вздумалъ бы открыть имъ глаза, или отважился сказать, что они слѣпотствуютъ, и слѣдовательно душа ихъ не можетъ быть проникнута чувствіями молитвы.

Сіе самолюбіе есть неисправимо, и гибельныя онаго слѣдствія неизлѣчимы, когда по нещастію дѣти, мало сказать, слѣпо чтутъ своихъ родителей, но даже ихъ боготворятъ. Когда изъ единаго доброжелательства даютъ имъ чувствовать несовершенство ихъ воспита-

нія; тогда они огорчаются до таковаго степени, что за сіе доброжелательство платятъ язвительнѣйшими выговорами, и самою безчинною запальчивостію. Щастливы дѣти, коихъ родители учатъ сомнѣваться, и вникать въ нравственное поведеніе давшихъ имъ жизнь; или къ которымъ приставлены надзиратели, умѣющіе, безъ ослабленія правъ родительскихъ, внушить имъ сію предосторожность отъ общаго всѣмъ дѣтямъ предубѣжденія!

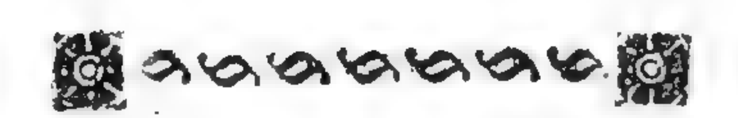
Вторая причина порчи нравовъ есть незнаніе побужденій, коими стараются поощрить людей къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей. Находятся такіе отцы и матери, кои дѣтей своихъ воспитываютъ въ уединеніи и трудѣ; но побуждаютъ ихъ къ дѣятельности обогащеніемъ, почестьми, чинами, или надеждою составить выгодное и лестное состояніе. Увѣщеваютъ дѣтей быть воздержными, дабы отворить имъ входъ въ нѣкоторыя легкомысленныя общества, однакожъ неприступныя распутству. Совѣтуютъ имъ быть вѣжливыми, дабы здѣлаться пріятными въ бесѣдахъ, и сообразоваться обычаю. Выхваляютъ дѣвамъ цѣломудріе и благопри-

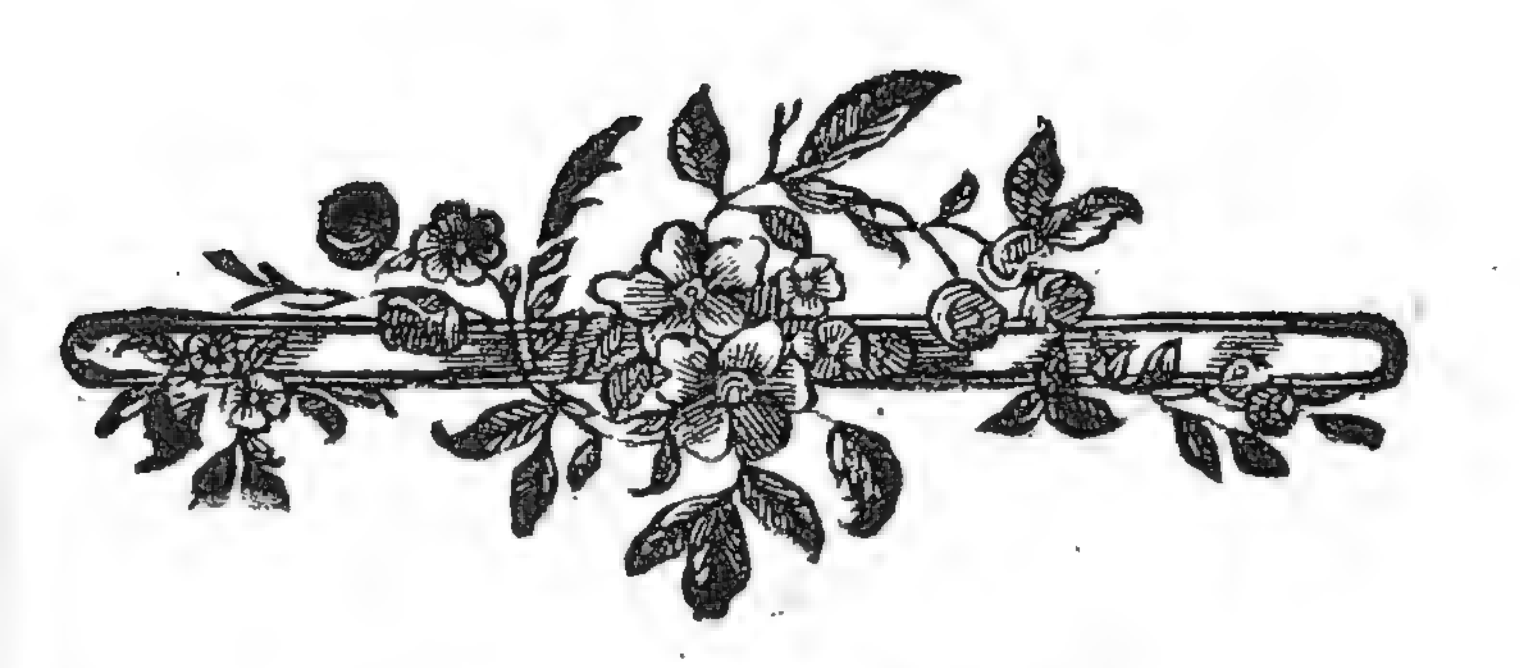
стойность, ибо съ противными симъ добродѣтелямъ пороками не могли бы онѣ ожидать желаемаго замужства. Словомъ сказать, законъ Божїй, наше истое совершенство и благополучїе, ни какой не занимаетъ черты въ планѣ воспитанїя; удовольствїя, богатство, знаменитость: вотъ единственная основа всей системѣ общенародной нравственности! и потому удивительно ли, что зданїе сей мнимой нравственности подлежитъ неизбѣжному паденїю?

Однакожъ не престанемъ поучать, не взирая на быстроту и буйность потоковъ растлѣнїя, тѣмъ меньше ощущаемаго, чемъ оно всероднѣе. Люди могутъ одуматься: не пренебрежемъ средствъ къ ихъ вразумленїю тѣмъ паче, что и Христїанская любовь къ тому насъ обязываетъ. Впрочемъ хотябы едина только изъ тысячи душа воспользовалася нашими наставленїями, для чего не потрудиться и для сей блаженной души?

Не давно читалъ я книгу подъ заглавїемъ *Созерцанїе Христїанства*, которая глубочайшее здѣлала во мнѣ впечатлѣнїе. Она сочинена Господиномъ *Женнингсомъ*, однимъ изъ славнѣйшихъ писателей и Госу-

дарственныхъ Министровъ Англіи. Сочинитель слегка касаясь пророчествъ и чудесъ, единственно занимается разсматриваніемъ всей вообще Христіанской Религіи, и изъ ея превосходства надъ всѣми прочими извлекаетъ яснѣйшее и для самыхъ закоснѣлыхъ невѣрцовъ убѣдительнѣйшее доказательство. Читатель, усердно ищущій истины, самымъ опытомъ въ томъ удостовѣрится; а притомъ найдетъ много новыхъ истинъ, кои скрывались отъ свѣденія другихъ защитниковъ естественнаго и сверхъестественнаго закона. Щастливы тѣ, кои съ должнымъ вниманіемъ прочтутъ сію книгу, возчувствуютъ святость содержимаго въ ней ученія, приложатъ его къ своему сердцу, и рѣшатся вѣчно послѣдовать спасительнымъ его внушеніямъ!

СОЗЕРЦАНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

ЧАСТЬ I.

Христіанская Религія вся вообще разсматриваемая.

Большая часть писателей, предпринимавшихъ доказать Божественность Религіи, прибѣгали къ симъ тремъ родамъ доказательствъ: къ пророчествамъ хранимымъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, къ чудесамъ повѣствуемымъ въ Новомъ, и къ очевидности насъ поражающей, когда мы созерцаемъ высокость сея Религіи, и отличительные знаки сверхъестественнаго посредства, знаки блещущіе со всѣхъ точекъ зрѣнія. Ученые

мужи съ довольною силою и ясностію изложили два первыя доказательства: но послѣднее, которое мнѣ кажется гораздо удостовѣрительнѣе, никогда, думаю, не было еще разсматривано съ достодолжнымъ вниманіемъ.

Я далекъ отъ намѣренія унизить цѣну доводовъ взятыхъ изъ пророчествъ или чудесъ; тотъ и другой имѣютъ свою силу и свой вѣсъ. Пророчества суть непрерывныя чудеса, коихъ важность утверждена событіемъ оныхъ: таковы суть различныя предсказанія, обрѣтающіяся въ различныхъ частяхъ Св. Писанія: о пришествіи Мессіи, о разореніи Іерусалима, и о томъ безпримѣрномъ состояніи разсѣянія и уничиженія, въ каковомъ жидовское племя всегда пребыло предъ очами всѣхъ народовъ. Всѣ сіи пророчества возвѣщаютъ событія свои съ такими обстоятельными подробностями, что кажутся больше повѣствованіемъ прошедшаго, нежели предсказаніемъ будущаго. Кто приметъ въ разсужденіе неизмѣримое пространство времени, которое протекло между ими и ихъ произшествіями; безпрерывную цѣпь, которая связуетъ ихъ вмѣстѣ продолженіемъ

своимъ чрезъ толикія тысячи лѣтъ; точность отношенія ихъ къ симъ самымъ произшествіямъ, невозможность приложить ихъ къ другому какомулибо человѣческаго дѣеписанія приключенію: тотъ никогда не увѣрится, чтобъ это было утокъ основанъ обманомъ, или прикладъ, спустя время сдѣланный; не будетъ сомнѣваться, чтобъ оныя не произтекали изъ чрезъестественнаго вдохновенія.

Чудеса, повѣданныя въ Новомъ Завѣтѣ и приписуемыя Іисусу Христу и ученикамъ его, конечно были убѣдительными доказательствами Божескаго ихъ посланія, для очезрителныхъ онымъ свидѣтелей. Множество сихъ свидѣтелей, достовѣрность ихъ показаній, толикожъ несомнительныхъ, какъ и прочія историческія дѣянія, а наипаче великость и дивность предмѣта, для котораго чудеса явлены; всѣ сіи причины, совокупно взятыя, весьма сильно могутъ дѣйствовать на разумъ. Но я думаю, что имовѣрность много зависитъ отъ истины Религіи; истины, которая и самыхъ чудесъ есть прямая цѣль. Такимъ образомъ, чтобъ доказать Христіанскую Религію, должны мы начать съ разсма-

тріванія Божескихъ качествъ, напечатлѣнныхъ въ ея нѣдрѣ. Отсюда зависитъ частію даже вѣрованіе самымъ пророчествамъ и чудесамъ. И дѣйствительно если единожды мы увѣрены, что сія Религія имѣетъ сверхъестественное происхожденіе; то получаемъ высочайшій степень вѣроятности, что сверхъестественному откровенію надлежало быть возвѣщену, надлежало совершиться также сверхъестественными средствами. Всякой умной человѣкъ обыкшій размышлять, и довольно уже изощрившій свой разумъ другими предмѣтами, ежели только изслѣдуетъ Христіанство со вниманіемъ и чистосердечіемъ, тотчасъ увидитъ въ полной ясности, что хотябы обманъ или вымыслъ и могли расти и съединиться съ онымъ, но никогда не могли своихъ вѣтвій привить къ томуже стеблію, ниже быть насаждены одною и тоюже рукою.

Изчислить, отразить всѣ клеветы, кои коварство и невѣжество въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ успѣли собрать на помраченіе сей Религіи, это было бы длинное и трудное занятіе, коего я не предпринимаю: но доказать невозможность,

чтобъ она была вмѣстѣ и дщерь мудрости и дщерь обмана, сїе есть дѣло, не требующее ни великихъ усилїй, ни дарованїй очень рѣдкихъ. Се, что предпрїемлю, и для исполненїя того, ограничу себя задачею, и потомъ изложенїемъ слѣдующихъ предложенїй: они суть толикожъ просты, какъ и неоспоримы...

1 е. Существуетъ нынѣ книга, имѣющая заглавїе: *Новый Завѣтъ.*

2 е. Изъ сей книги можно извлечь систему Религїи совершенно новой, какъ по предмѣту, такъ и по учeнїю ея; систему безконечно высшую, и совсѣмъ отличную отъ того, что когдалибо приходило на мысль человѣку.

3 е. Изъ сей и тойже книги можно равно составить систему нравственности, гдѣ каждая заповѣдь, основанная на разумѣ, доведена до высшаго степени чистоты и совершенства, нежели какъ-то было въ писанїяхъ умнѣйшихъ любомудровъ древности; гдѣ каждая заповѣдь, берущая основу свою отъ ложныхъ началъ, опущена и умолчена; гдѣ наконецъ находится множество новыхъ постановленїй, соотвѣтствующихъ новому предмѣту сея Религїи.

4е. На последокъ таковая система Религіи и нравственности никогда не можетъ быть твореніемъ ни одного человѣка, ни многихъ сложившихся между собою; а еще меньше твореніемъ худородныхъ и не просвѣщенныхъ людей, каковы открыли оную, и возвѣстили вселеннѣй. Слѣдовательно она есть дѣло Божїей силы, и Божїей премудрости; или другими словами сказать: Христїанство имѣетъ свое произхожденїе отъ самаго Бога.

I.

Не нужно входить въ длинныя разсужденія для подтвержденія сей истины; что есть книга отличенная заглавіемъ: *Новый Завѣтъ*, содержащая въ себѣ историческое сказаніе о рождествѣ, жизни, дѣяніяхъ, словахъ и смерти чрезвычайной особы; нарицаемой: *Іисусъ Христосъ*; которой въ царствованіе Кесаря Августа благовѣствовалъ новую Религію по всей Іудейской странѣ, и заключилъ при Тиверіи претерпѣніемъ столь же мучительной, какъ и поносной смерти; другое историческое сказаніе о путешествіяхъ, дѣяніяхъ и словахъ не большаго числа худородныхъ и неученыхъ людей, извѣстныхъ подъ

именемъ Апостоловъ, коимъ заповѣдалъ онъ разпространять Религїю по своей смерти, о коей предреклъ имъ, яко о необходимо нужной для утвержденїя истины благовѣствованїя; и еще нѣкоторыя сочиненїя въ видѣ писемъ, Апостолами посыланныхъ къ ихъ споспѣшникамъ въ семъ великомъ подвигѣ, или надписанныхъ на имя разныхъ Церквей, или Христїанскихъ обществъ, учрежденныхъ ими въ тѣхъ городахъ и селахъ, чрезъ кои проходили.

Легко бы доказать, что сїи книги были писаны почти въ слѣдъ за необычайными событїями, о коихъ повѣствуется въ нихъ: начиная съ сей Епохи даже до нашихъ временъ писатели непрерывно объ оныхъ упоминаютъ, и на нихъ ссылаются. Не трудно также доказать, что истину всѣхъ сихъ произшествїй не больше можно оспоривать, какъ и всякое другое историческое дѣло. Сомнѣваться, что былъ человѣкъ, именуемый Христосъ, который училъ, дѣйствовалъ и страдалъ точно такъ, какъ о немъ сказуютъ, стольжожъ безумно, какъ еслибъ кто сталъ сомнѣваться о бытїи Тиверїя, Ирода, или Понтїйскаго Пилата, его современниковъ. И ежели не вѣрятъ,

что Петръ, Павелъ и Іаковъ писали посланія, Церковію имъ приписуемыя; равно должно не вѣрить, чтобъ Цицеронъ и Плиній были творцы присвояемыхъ имъ писемъ. Въ такой же ясности можно бы представить, что, когда книги сіи были писаны въ разныя времена, разными особами, въ мѣстахъ одно отъ другаго отдаленныхъ; то невозможно имъ быть произведеніемъ какого либо обманщика, или многихъ сложившихся плутовъ: ибо каждое изъ сихъ писаніе носитъ на себѣ очезрительную печать образцовыхъ сочиненій, и каждое изложено особливымъ слогомъ.

II.

Второе мое предложеніе не совсѣмъ просто; но не думаю, чтобъ оно было меньше неоспоримо нежели первое. Вотъ оно: изъ сихъ писаній, изъ сей книги, названной *Новымъ Завѣтомъ*, можно извлечь систему религіи совершенно новой какъ по предмѣту, такъ и по ученію ея; систему безконечно высшую, и во всемъ отличную отъ того, что когда либо приходило ѣ мысль человѣку.

Сказалъ я, *извлечь*, потому что всѣ постановленія сей религіи,

были обнародованы въ разныя времена, въ различныхъ случаяхъ, и внесены въ сїю книгу не иначе, какъ въ образѣ историческихъ сказанїй; слѣдственно не надобно тутъ искать правильной и связной системы Богословїи; и, можетъ быть гораздо бы лучше, когда бы ученые не предпринимали на себя труда съединить сїи Божескїя вещесловїя сообрaзно чертежу земнаго мудрованїя, и дать имъ видъ несвойственный, который отнюдъ не входилъ въ намѣренїя высочайшаго оныхъ Творца. Неизвѣстно намъ, почему онъ не предпочелъ сей правильной и учебной методы; можетъ быть для того, что ограниченности человѣческой несовмѣстно было объять таковую систему, и что удобнѣе и надежнѣе руководимы будемъ сими изрѣдка разсѣянными лучами, нежели помрачающимъ сїянїемъ Божественнаго освѣщенїя. Iоаннъ въ гл. 3. ст. 12: *Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, вѣруете?* То есть: ежели наставленїя мои, какимъ образомъ долженствуете провождать жизнь сїю, чтобъ изъ виду не упустить грядущей, кажутся вамъ невразумительны и неимовѣрны; то какую

будете къ словамъ моимъ имѣть довѣренность, когда бы потщился изъяснить вамъ природу существъ небесныхъ, пути промысла и таинства, для уразумѣнія коихъ не достаетъ вамъ понятія, а для выраженія языка?

Вопервыхъ, предмѣтъ сей Религіи есть совершенно новой: онъ состоитъ въ приуготовленіи насъ къ небесному царству чрезъ искусъ, продолжающійся по самую смерть. Богочеловѣкъ и его Апостолы повсемѣственно изъясняются, что тамъ-то ожидаетъ насъ главный конецъ Христіанскаго житія; тамо вѣнецъ благихъ дѣлъ; тамо цѣль, коей мы достигать должны; тамо жатва, для которой не надобно ни отъ какихъ трудовъ отрицаться. До сей проповѣди ни въ какое время не было подобной награды предложено человѣчеству; ни когда не предписано, ниже показано средствъ къ полученію оной.

Нѣкоторые изъ древнихъ любомудровъ, правда, имѣли понятіе о будущей жизни; но сіе понятіе съ какими сомнѣніями и неизвѣстностями не было смѣшано? Законодатели старались также внѣдрить чаяніе наградъ и наказаній по смерти;

но какой ихъ былъ предмѣтъ? чтобъ укрѣпить свои постановленія, и поощрить народъ къ дѣламъ общеполезнымъ. Ето была единственная ихъ цѣль. Христіанство же на семъ не останавливается; его планъ несравненно выше; оно воспитываетъ и образуетъ человѣка въ сей жизни на тотъ конецъ, дабы со временемъ могъ онъ учиниться небожителемъ. Во всѣхъ Религіяхъ, ему предшествовавшихъ, земное щастіе было признаваемо за главной предмѣтъ, которое въ очахъ вѣры есть только побочное. Первые, чтобъ больше еще усилить природное человѣка стремленіе къ оному, воскриляли его чаяніемъ грядущихъ благъ: Христіанство велитъ подвизаться въ добродѣтели, и поучаетъ, что безъ нея не льзя быть щастливымъ въ вѣчности. Такоежъ различіе должно находиться въ поведеніи и умораcположеніи дѣйствующихъ по симъ двумъ началамъ: одни ограничиваютъ себя справедливостію, воздержаніемъ и трезвостію ; а другіе къ симъ добродѣтелямъ одолжаются присоединить благочестіе привычкою сдѣлавшееся, вѣру , отверженіе самаго себя и презрѣніе всѣхъ красныхъ міра сего. Первое уложеніе можетъ

изъ насъ сдѣлать хорошихъ гражданъ; но никогда не сдѣлаетъ сносныхъ Христіанъ.

Вотъ для чего Христіанство такъ неотступно требуетъ чистоты сердца и благорасположительности; ибо безъ нихъ не льзя достигнуть того великаго конца, которой оно предположило. Языческія учрежденія, кои поприще добродѣтели заключили въ тѣсныхъ предѣлахъ сея жизни, и обольщали чаяніе низкими и чувственными возмездіями, не требовали никакого особеннаго пріуготовленія, дабы дать человѣку возчувствовать высокое его опредѣленіе, и учинить его способнымъ къ небеснымъ наслажденіямъ. Ето есть единственный предмѣтъ Христіанства; и сей предмѣтъ также новъ, какъ и начало, на которомъ онъ основанъ.

То и другое было можетъ быть превыше ума человѣческаго, которой самъ собою никогдабы оныхъ не открылъ: но по откровеніи, толикое сродство имѣютъ съ разумомъ, что мы ни на минуту не можемъ усумниться въ ихъ истинѣ. Ибо кто бы сталъ сомнѣваться, чтобъ н поящая жизнь не была время ис ушенія, и нѣкоторой родъ вос-

питанія, предуготовляющаго насъ къ другой жизни? Справедливость сего начала засвидѣтельствована всемъ насъ окружающимъ: ето есть единственный ключь разумѣнія таинственныхъ судебъ провидѣнія, единственная нить, руководящая насъ въ сей непроходной пустынѣ; единственный планъ, по которому свѣтъ могъ быть сотворенъ, и держась коего можно понять и изъяснить бытописаніе.

Міръ сей никогда не могъ быть созданъ по плану благополучія; онъ всюду усѣянъ безчисленными бѣдствіями; не могъ также быть устроенъ и по плану злополучія; ибо въ немъ еще остается очень много наслажденій и удовольствій. Не льзя въ немъ признать плана мудрости и добродѣтели; повѣсть рода человѣческаго есть только подробное описаніе сумазбродствъ его и злости; ниже плана порока: сей планъ есть истребитель всякаго бытія, слѣдовательно и своего собственнаго. Но держась системы Христіанства, удобно истолковать все здѣ долу зримое. Сія безпрерывная смѣсь благополучія и злополучія, порока и добродѣтели, есть необходимое послѣдствіе ученичества и воспита-

нія. Сіе состояніе естественно провождается искушеніями, страданіями и возможностію грѣшить, и всякое воспитаніе предполагаетъ особенныя нѣкоторыя наказанія за сіи погрѣшности.

Второе ученіе сей Религіи есть столь же ново, какъ и предмѣтъ ея: она замыкаетъ въ себѣ высочайшія понятія о Богѣ, о человѣкѣ, о жизни настоящей и будущей, и объ отношеніяхъ ихъ связующихъ; понятія вовсе неслыханныя прежде, и ни въ чѣмъ не сходствующія съ тѣмъ, что было вымышлено до возвѣщенія Христіанства. Никакая другая Религія столь живо не изобразила ничтожности сего свѣта, и столь въ приманчивыхъ и разительныхъ краскахъ не представила блаженства другаго свѣта, воскресенія мертвыхъ, страшнаго суда и торжества праведныхъ; 1 Кор: 15, 54. *Егда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе.* Никакая другая не открыла, что Богъ есть единъ, но тройственъ въ лицахъ; никакая другая не умѣла свободу человѣка согласить съ предвѣденіемъ; никакая другая не изъяснила поползновенности ко грѣху съ показаніемъ средствъ сопротивляться ей; никакая другая

не истолковала всеобщаго поврежденія человѣчества, и не отважилась объявить, что всякой грѣхъ не простителенъ безъ ходатайства Всевышняго Существа, очищающаго оной своею вольною страстію. Ибо что Богочеловѣкъ пострадалъ, и умеръ за грѣхи міра сего, єто есть неоспоримая истина, и столь часто повторяемая *въ Новомъ Завѣтѣ*, что кто будетъ внимательно читать его и отрицать событіе, тотъ, по прочтеніи *Θукидида* и *Тита Ливія*, равно можетъ утверждать, что оба они не упоминаютъ ни о какомъ происшествіи, относящемся къ Греческимъ и Римскимъ дѣеписаніямъ.

Сіи столь удивительные догматы заслуживаютъ ли нашу имовѣрность? Сіе зависитъ отъ мнѣнія о тѣхъ особахъ, кои ихъ возвѣстили вселеннѣй. Судя по высокости оныхъ и ограниченности ума человѣческаго, кажется равною невозможностію, чтобъ они были плодомъ просвѣщенія, или утонченнаго обмана.

Были люди, кои исказивъ общепринятое значеніе словъ, отважились изъ Священнаго писанія изгладить всѣ догматы безъ всякой другой причины, выключая невозможность ихъ понять. Вотъ какъ они умству-

ютъ : Св. Писанiе есть слово Божiе; въ словѣ Божiемъ не льзя быть предложенiямъ противорѣчащимъ уму; слѣдовательно сихъ предложенiй нѣтъ въ Св Писанiи. Но симъ отважнымъ учителямъ надлежало бы оборотить сей Силлогисмъ, и сказать: сiи догматы есть часть, и часть существенная Св. Писанiя; они противорѣчатъ разуму: но ни одно изъ противорѣчащихъ разуму предложенiй не можетъ входить въ составъ слова Божiя. И такъ заключимъ, что ни Св. Писанiе, ниже сiе мнимое откровенiе не происходятъ отъ Бога. Таковое умозаключенiе по крайней бы мѣрѣ достойно было разсудливыхъ *Деистовъ*, и могло бы обратить на себя нѣсколько вниманiя. Впрочемъ, кто силится испровергнуть событiя умствованiями, тотъ никакого не заслуживаетъ отвѣта.

Не могу здѣсь не замѣтить сего, что особа творца сея Религiи есть не меньше нова, ни меньше чрезвычайна, какъ и Религiя его сама въ себѣ. Св. Iоан: въ гл. 7, ст. 46. *Николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ.* Для доказательства не буду ссылаться на то, что онъ родился отъ Дѣвы, что сорокъ дней постился, что

сотворилъ множество разныхъ чудесъ, и что по погребеніи своемъ въ третій день воспалъ отъ гроба: всѣ сіи дивности не много бы сдѣлали впечатлѣнія надъ умами безвѣрныхъ; но я хочу то доказать неоспоримыми дѣлами. На примѣръ, во всей исторіи рода человѣческаго, кромѣ его, никого другаго не находятъ, которой бы основалъ Религію, ни какой не имѣющую связи съ политикою, съ правительствомъ, слѣдственно и безполезную въ очахъ земномудрія. Всѣ другіе, какъ Магометъ, Нума, богослужебныя свои постановленія принаравливали къ гражданскимъ, и чрезъ то получали народную къ себѣ довѣренность. Самаго Моусея Религія, при всей ея Божественности, была также приспособлена къ умораспoложенію Израильтянъ. Но Христосъ никогда не мѣтилъ въ сію цѣль; никогда не желалъ здѣлаться народоправителемъ; онъ отклонялъ отъ себя всѣ тѣ предмѣты, къ коимъ другіе прилѣпляются, и выборъ свой предпочтительно останавливалъ на тѣхъ, отъ коихъ прочіе бѣгутъ съ ужасомъ; онъ отвергалъ богатство, силу, почести и удовольствія, а вмѣсто того домогался убожества;

ношенія, страданія и смерти. Было множество изступленниковъ и лжеучителей, покушавшихся очаровать свѣтъ мнимыми своими откровеніями; въ числѣ ихъ находились даже такіе, которые изъ гордости или упорства желали лучше пожертвовать жизнію, нежели отрещись отъ своихъ нововведеній: но пусть исторія покажетъ хотя одного, которой бы изъ своихъ собственныхъ мученій и смерти составилъ черту необходимую для своего плана, и существенную его посланію. И вотъ что учинилъ Христосъ: онъ проповѣдалъ; онъ предсказалъ ихъ неминуемость, благовольнѣ ихъ претерпѣлъ.

Ежели кто сомнѣвается о превосходствѣ Христіанской Религіи надъ всѣми ей предъидущими, пусть тотъ со вниманіемъ прочтетъ безподобныя писанія, кои намъ ее передали; и пусть сравнитъ ихъ съ знаменитѣйшими произведеніями языческаго свѣта: если не почувствуетъ, колико преимуществуетъ въ красотѣ, ясности, подлинности; то смѣю сказать, что не достаетъ ему толикожъ вкуса, какъ и вѣры, и что онъ такойже худой критикъ, какъ и Христіанинъ. Въ какомъ учи-

лицѣ древняго мудрованія найдетъ онъ нравоученіе подобное тому, какое Іисусъ Христосъ преподалъ на горѣ? Гдѣ можетъ почерпнуть молитву къ Богу столь краткую и такъ сильно выражающую всѣ наши нужды, какъ сія Господня молитва, которую онъ завѣщалъ ученикамъ своимъ? Кто изъ древнихъ любомудровъ столь умилительное здѣлалъ увѣщаніе помогать нещастнымъ, увѣщаніе сопровождаемое толь положительными увѣреніями о возмездіи, какъ сіи Христовы словеса? „Пріидите благословеннїи „отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте „ми ясти; возжадахся, и напоисте „мя: страненъ бѣхъ, и введосте „мене. Нагъ и одѣясте мя: болѣнъ, „и посѣтисте мене: въ темницѣ „бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ. Тогда „отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда тя видѣхомъ „алчуща, и напитахомъ? или жаждуща, и напоихомъ? Когда же тя видѣхомъ странна, и введохомъ, или нага „и одѣяхомъ? Когда же тя видѣхомъ „боляща, или въ темницѣ, и пріидохомъ къ тебѣ? и отвѣщавъ Царь „речетъ имъ: аминь глаголю вамъ: „понеже сотвористе единому сихъ

„братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотво-
„ристе.„ Матѳ гл. 25, ст. 34--41.

Гдѣ найти толь справедливое и толь трогательное обличеніе властолюбію, которое томится алчбою благихъ свѣта сего, обличеніе оканчиваемое восхитительнѣйшимъ поученіемъ, возложить надежду нашу на благость Божію, какъ то, которое содержится въ сихъ словахъ? „Воззрите на птицы небесныя, яко „не сѣютъ, ни жнутъ, ни собира„ютъ въ житницы, и отецъ вашъ „небесный питаетъ ихъ, не вы ли „паче лучши ихъ есте? Смотрите „кринъ сельныхъ, како растутъ, „не труждаются, ни прядутъ. Гла„голю же вамъ: яко ни Соломонъ „во всей славѣ своей облечеся, яко „единъ отъ сихъ. Аще же сѣно „сельное днесь суще, и утрѣ въ „пещь вмѣтаемо, Богъ тако одѣваетъ, „не много ли паче васъ маловѣри?„ Матѳ. гл. 6, ст. 26 по 30.

Кто изъ знаменитѣйшихъ стихотворцевъ древности будущее блаженство праведныхъ изобразилъ такъ живо, и такъ величественно, какъ Св. Павелъ 1 Кор. въ гл. 2, ст. 9?„ *Ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любя-*

щимѣ его. ,, Во мракѣ языческаго любомудрія можно ли толь явственно провидѣть безсмертіе души, воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ, какъ въ первомъ посланіи Св. Павла къ Коринѳяномъ? Гдѣ найти столь увѣрительныя убѣжденія быть добрымъ человѣкомъ, столь сильныя поощренія къ благочестію, какъ то, что зримъ на каждой страницѣ сихъ неподражаемыхъ писаній? Начать ссылаться на всѣ мѣста, имѣющія отношеніе къ симъ предмѣтамъ, это значило переписывать всю книгу. Довольно замѣтить, что сіи творенія всюду усѣяны столь очевидными знаками сверхъестественнаго содѣйствія, что съ сей одной точки зрѣнія уже превыше кажутся всѣхъ произведеній разума, и никакого не имѣютъ съ ними сравненія. Таковое превосходство и разность еще больше откроются; когда примемъ въ разсужденіе, что съ одной стороны нравоученіе всего нужнѣйшее, приспособлено къ понятію самыхъ стѣсненныхъ умовъ: съ другой, мудрецамъ всѣхъ вѣковъ представленъ неизчерпаемый источникъ открытій, относительно къ природѣ, свойствамъ Божества, и таинственнымъ путямъ провидѣнія. Признаимся: до Христі-

анства на лицѣ земли ничего не существовало подобнаго Евангельской вѣрѣ, исключая Іудейскую; всѣ прочія страны были погружены въ глубочайшемъ идолопоклонствѣ. Ихъ богослуженіе не имѣло почти никакого отношенія, никакой связи съ нравственностію; оно клонилось больше къ поврежденію ея безчестными примѣрами ихъ мечтательныхъ боговъ. Всѣ покланялись различнымъ богамъ и духамъ, умилостивляя ихъ чиноправленіями нечестивыми, студными, смѣшными, и укрощая ихъ гнѣвъ ужаснѣйшимъ безчеловѣчіемъ. Въ самой Греціи и Римѣ, гдѣ краснорѣчіе, стихотворство, исторія, зодчество и рѣзьба доведены до высочайшаго степени совершенства, и довольные успѣхи оказаны въ математическихъ свѣденіяхъ, въ естественной Философіи, и даже въ нравственной наукѣ, у сихъ, говорю, народовъ ни одного шага къ истинѣ не здѣлано со стороны богослуженія. Толико истинно сіе, что безъ содѣйствія благодати Божія въ дѣлѣ спасенія и рѣдчайшіе умы также слѣпотствуютъ, какъ и обыкновеннѣйшіе! Нѣкоторые изъ нихъ чувствовали сіи повсемственно обожаемыя нелѣпости, и отважились подняться выше пред-

убѣжденія своихъ современниковъ. Платонъ ввелъ въ міръ многія высокія понятія о природѣ, о первой ея причинѣ, и о безсмертіи души. Сіи понятія превышали разумѣніе человѣческое, и даже его собственное; и вѣроятно, что онъ почерпнулъ ихъ изъ книгъ Моусеовыхъ, или изъ обращенія съ раввинами, находившимися въ Египтѣ, гдѣ онъ много лѣтъ учился. Изъ его то сочиненій Аристотель, Цицеронъ и другіе писатели, извлекли удивительныя сокровища любомудрія. Изысканія ихъ о верховномъ Существѣ столь обширны и столь глубокомысленны, что никакой умъ, оставленный самому себѣ, не можетъ ни дальше проникнуть, ни больше чтолибо усмотрѣть; со всѣмъ тѣмъ сіи свѣтильники уподобляются отдѣленно стоящимъ созвѣздіямъ, кои одни только сіяютъ въ пространствѣ многихъ вѣковъ; а при свѣтѣ Евангелія и вовсе ихъ невидно. Сіи изящные умы въ видимыхъ дѣлахъ творенія, умѣли созерцать слѣды Творческаго бытія и главныхъ свойствъ Божества; но не разумѣли отношенія оныхъ къ человѣку. Едва ли они понимали, что значитъ благочестіе; и никогда не могли дойти до того, како

достоитъ кланятися Богу. Случалось имъ описывать красоту и изящность добродѣтели; но они ни мало не основывали ее на заповѣдяхъ Божїихъ; вовсе не съединяли со святостїю жизни; никогда зрѣнїю не представляли образа небеснаго блаженства, яко цѣны и возмездїя добродѣтелей. Случилось имъ разглагольствовать о добродѣтели, яко единственномъ пути, ведущемъ человѣка къ небу, и вчиняющемъ его въ ликъ боговъ; но подъ симъ именемъ разумѣли токмо изобрѣтенїе художествъ, или бранные подвиги Ироевъ. По мнѣнїю ихъ небо было отверсто однимъ только законодавцамъ, завоевателямъ, образователямъ или истребителямъ человѣчества: это считалось образцовою религїею; и гдѣ же? въ странахъ величавшихся и вкусомъ и разумомъ. Притомъ имѣла она весьма не многихъ себѣ послѣдователями, которые по дарованїямъ и учености хотя слыли чудомъ; но къ нимъ мало дѣлали вниманїя, и они были не вразумительны для самыхъ своихъ соотчичей. Все прочее слѣпотствовало подъ покрываломъ невѣжества и суевѣрїя, распростершимся по лицу всей земли.

Въ сїю епоху Христїанство вос-

ходитъ отъ востока яко солнце раждающееся, и прогоняетъ ночь; покрывавшую весь шаръ земной, которая и нынѣ еще царствуетъ въ отдаленныхъ странахъ, куда оно не распространило спасительнаго своего влїянія. А гдѣ только блеснулъ лучь его; оттуда изгнаны всѣ изувѣрства, и замѣщены достойнѣйшимъ Бога почитанїемъ, и чистѣйшею нравственностїю. Оно научило людей единству Бога, отпущенїю грѣховъ, воскресенїю мертвыхъ: ученїе столь же непостижимое для языческихъ мудрецовъ, какъ и Невтонова система для дикихъ народовъ, блуждающихъ въ степяхъ Американскихъ; ученїе, коего никогда не могъ открыть разумъ человѣческїй, и которое совершенно съ нимъ согласно: ученїе, въ таинства коего не могли проникнуть ни Платонъ, ни Аристотель, ни Цицеронъ, а теперь вразумительно стало самому грубому поселянину и послѣднему ремесленнику. Слѣдовательно, чтобъ ни мыслили мы о достовѣрности книгъ, и историческихъ въ нихъ сказанїяхъ, или о вдохновенїи сочинителей ихъ; но всякой человѣкъ, могущїй читать и слышать, ни сколько не усумнится о подлинности событїй; ибо сїи

книги существують, и содержать въ себѣ Религїю.

III.

Изъ сей книги, названной *Новымъ Завѣтомъ*, можно составить систему нравственности, гдѣ каждая заповѣдь, основанная на разумѣ, доведена до высочайшаго степени чистоты и совершенства, нежели какъ то было въ писанїяхъ умнѣйшихъ любомудровъ древности; гдѣ каждая заповѣдь, берущая основу свою отъ ложныхъ началъ, опущена, или умолчена; и гдѣ присоединено множество новыхъ постановленїй, соотвѣтствующихъ новому предмѣту сея Религїи.

Чрезъ нравственную заповѣдь, основанную на разумѣ, я разумѣю тѣ должности, исполненїе коихъ усовершаетъ нашу природу, и способствуетъ благополучїю рода человѣческаго. Таковы суть: благочестїе благожелательство, правосудїе, любовь, воздержанїе и трезвость; и также всѣ запрещенїя пороковъ, унижающихъ человѣчество, и взаимнымъ противудѣйствїемъ вводящихъ повсемѣстное неустройство и повсемѣстную бѣдность.

Чрезъ заповѣди, основанныя на ложныхъ началахъ, разумѣю всѣ вы-

мышленныя добродѣтели, кои какъ ни выхваляютъ, и сколько имъ ни удивляются; однако они далеко отстоятъ отъ нравственнаго совершенства.

Что Христіанская Религія добродѣтели перваго разряда очистила и улучшила несравненно больше, нежели какая либо другая, сія истина довольно доказана ея поборниками; и никогда не была отрицаема дерзновеннѣйшими врагами. Но не безполезно принять въ разсужденіе, что второй оныхъ разрядъ весьма благоразумно умолчанъ въ Священныхъ книгахъ, яко неимѣющій никакого внутренняго достоинства, и почти совсѣмъ не совмѣстный духу и разуму благодатнаго установленія.

Храбрость, на примѣръ, взятая въ простонародномъ смыслѣ, чаще зависитъ отъ сложенія; она вмѣсто того, чтобъ доставлять порядокъ, тишину и общее благоденствіе, есть вѣчная виновница всякихъ насилій, которая своею мстительностію терзаетъ свѣтъ, обагряетъ кровію и истощеваетъ. Это есть оружіе, которое приводитъ сильнаго въ состояніе грабить слабыхъ; гордеца, попирать ногами кроткихъ

людей. Это есть главнѣйшее орудіе, честолюбіемъ употребляемое въ беззаконномъ его домогательствѣ богатства или могущества; и вотъ за что толико выхваляется она отъ своихъ послѣдователей! Она принадлежитъ собственно языческой Религіи, гдѣ боги составлены изъ ироевъ умершихъ, и коихъ бытіе было ознаменовано больше зломъ, нежели добромъ. И потому она считалась первостатейною добродѣтелію. Но какъ бы ни высоко о ней мыслили язычники; а въ очахъ Христіанина она гораздо низшей цѣны, и даже въ немногихъ случаяхъ позволительно ей распускать свои крылья. Откровеніе не токмо не даетъ права причинять вредъ, но даже возбраняетъ тому сопротивляться; не токмо не поощряетъ къ отмщенію обидъ, но еще повелѣваетъ ихъ прощать; не токмо не требуетъ истребленія враговъ, но еще заповѣдуетъ любить ихъ, и за нихъ молиться. Когда бы всѣ люди жили по Христіански; то война здѣлалась бы невозможною, и даже неизвѣстною имъ, и храбрость оставалась бы въ бездѣйствіи и неуваженіи. Слѣдовательно храбрость не могла имѣть мѣста въ спискѣ

Господнихъ заповѣдей, будучи не согласима съ ними. Я не охуждаю похвалъ и почестей воздаемыхъироямъ; ето есть малѣйшая дань, каковую платить могутъ наслаждающїися въ мїрѣ изобилїемъ на счетъ ихъ опасностей и страданїй; а говорю только, что храбрость сама по себѣ никогда не можетъ составить Христїанской добродѣтели.

Страдательное мужество часто одобряется сею кроткою и болѣзнующею Религїею; которая нарицаетъ его терпѣнїемъ и преданїемъ себя въ волю Божїю. Оно есть дѣйствительная и прочная добродѣтель, и ни въ чемъ не уподобляется храбрости: ибо происходитъ отъ благороднѣйшихъ чувствїй души, хладнокровно взирающей на всѣ бѣдствїя, самую смерть, и все упованїе свое на Бога возлагающей. А наступательное мужество раждается отъ властолюбїя, тщеславїя и высокомѣрїя. Страдательное мужество предполагаетъ горячайшую ревность къ истинѣ и твердое постоянство въ обязанностяхъ своего званїя; сїе же есть изчадїе гордости и мстительности, и отецъ неправды и безчеловѣчїя. Короче сказать, одно

есть просвѣщенная рѣшимость разсудливаго; а другое слѣпотствующая свирѣпость дикаго человѣка. Его никакъ не льзя согласить съ правилами откровенія, котораго предмѣтъ есть не завоеваніе городовъ и областей, но полученіе небеснаго царства. А притомъ возмутительная, буйная ярость ироевь и завоевателей не вмѣстна въ тѣхъ странахъ; гдѣ господствуетъ вѣчный миръ, вѣчная подчиненность и тишина безконечная.

Самая любовь къ отечеству, сія пресловутая добродѣтель, толико обожаемая древними, толико превознесенная въ наши новѣйшія времена, которая столь долго охраняла свободу Греціи, и учинила Римъ повелителемъ свѣта; сія, говорю, добродѣтель, при всей своей знаменитости, также должна быть изъята изъ числа Христіанскихъ добродѣтелей. Христіанинъ не принадлежитъ собственно ни къ какой землѣ; онъ есть гражданинъ цѣлаго міра. Жители отдаленнѣйшихъ странъ дѣлаются ему сопредѣльными и соотечественниками; когда только ихъ нещастія воспребуютъ его дружбы и помощи. Христіанство повелѣваетъ любить весь родъ человѣчес-

кій; языческое же отечестволюбіе, тѣснить всѣ прочія земли, для разширенія предѣловъ своей. Христіанство велитъ подражать Богу, *иже солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.* Матѳ: 5. 45. Отечестволюбіе, подражать корыстолюбивому владѣльцу, которой всякую несправедливость, всякое притѣсненіе вмѣняетъ въ заслугу, когда то благопріятствуетъ исключительнымъ его выгодамъ. Отечестволюбіе всегда считалось любимою добродѣтелію, ибо подъ личиною общаго добра скрываетъ личную пользу не только отъ взора другихъ, но и воодушевленныхъ онымъ; и при томъ даетъ вольность обижать не наказанно, а часто и со славою.

Хотя дружество ближе подходитъ къ началамъ Христіанства, потому что раждается отъ нѣжнѣйшихъ чувствій: однако и его не льзя включить въ число Христовыхъ заповѣдей. Ибо кругъ его съ лишкомъ тѣсенъ и ограниченъ. Оно почти въ точку съединяетъ благорасположительность; которую Христіанство велитъ простирать ко всѣмъ людямъ. Когда дружество раждает-

ся отъ сходства нравовъ и безкорыстныхъ чувствій; тогда оно полезно человѣчеству, и услаждаетъ жизнь многими невинными удовольствіями и увеселеніями: но на нравственное достоинство мало можетъ имѣть требованій. Не безъ причины сказано: Лук: 6, 32. *Аще любите любящія вы, кая вамъ благодать есть, ибо и грѣшницы любящія ихъ любятъ.* Но ежели оно составлено изъ заговора нѣсколькихъ самолюбовъ, и основано на подлой корысти; или ежели оно есть не иное что, какъ участвованіе въ однихъ и тѣхже порокахъ, въ такомъ случаѣ оно бываетъ вредно, законопреступно.

И такъ крайне разборчивому уму должно приписать сіе, что въ св. книгахъ умолчано о мнимыхъ добродѣтеляхъ. Столь удивительное молчаніе можемъ замѣтить относительно и къ другимъ предмѣтамъ, къ коимъ прочіе законодатели напрягали все свое вниманіе. О судебномъ правительствѣ, народной управѣ, о правахъ войны и мира нигдѣ не упоминается конечно для сей самой простой причины: когда бы Богъ возбранилъ всякое сопротивленіе господствующимъ властямъ;

чрезъ сіе бы узаконилъ слѣпое рабство; а если бы дозволилъ, то проложилъ бы путь непокоривости и мятежу. Еслибъ имянно запретилъ войну, то всѣхъ вѣрныхъ своихъ послѣдователей учинилъ бы легкою добычею всякаго, ктобы ни пожелалъ ихъ себѣ поработить; а еслибъ дозволилъ, то казалось бы разрѣшилъ всѣ грабительства и убійства, коими война сопровождается.

Изслѣдуимъ теперь, какія въ сей Религіи находятся новыя заповѣди, соотвѣтствующія новому ея предмѣту. Главнѣйшія суть: нищета духовная, прощеніе обидъ, и любовь безъ изъятія ко всѣмъ людямъ; можемъ еще къ тому присоединить раскаяніе, вѣру, послушаніе, отверженіе самаго себя и отчужденіе совершенное отъ міра.

Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Мат: гл. 5, ст. 3. Чрезъ сію нищету духовную должно разумѣть уморасположеніе кроткое, покорное, чуждое честолюбія, готовое благодушно сносить всякія обиды, и ни сколько не злопамятное; уморасположеніе новое и вовсе неизвѣстное языческимъ нравописателямъ, кои сіе свойство души называли порочнымъ

и презрительнымъ униженїемъ, побуждающимъ людей славою отечества и собственною честїю жертвовать постыдной трусости. Печальный опытъ временъ и нравовъ доказываетъ, что и при свѣтильникѣ вѣры самыя легкїя оскорбленїя отмщеваются нарядчыми убивствами; и цѣлые народы истребляются ни отъ чего другаго, какъ отъ корыстолюбивыхъ видовъ торговли, отъ перевѣса соискательныхъ державъ, или отъ честолюбїя народоправителей. Одинъ противъ другаго дышетъ звѣрскою мстительностїю, и находясь при послѣднемъ издыханїи, изнемогающею рукою вонзаетъ еще кинжалъ въ сердце своего противника. А всего оскорбительнѣе есть то, что сїи лютости, прославлены историками, раскрашены пиитами, съ рукоплесканїемъ приняты на зрѣлищахъ, одобрены въ совѣтѣ мудрецовъ и даже освящены въ храмѣхъ.--Впрочемъ повсемѣстное обыкновенїе не можетъ премѣнить природы вещей, ниже повсемственное заблужденїе изъ лжи составить истину. Гордость не сродна человѣку; а прямая его принадлежность есть послушанїе, кротость, преданїе себя въ волю Божїю, или

тоже, но другими словами сказать, нищета духовная. Она существенна его положенію, которое есть зависимо, и во всякое время отмѣняемо. Сія важная заповѣдь дотолѣ скрывалась во муракѣ неизвѣстности, доколѣ не была возвѣщена сими словесы: „Оставите дѣтей, и не „возбраняйте имъ пріити ко мнѣ: „таковыхъ бо есть царствіе небес- „ное. Аминь глаголю вамъ, аще не „обратитеся, и будете яко дѣти, „не внидете въ царство небесное.„ Матѳ. гл. 19. ст. 14. гл. 18. ст. 3.

Другая заповѣдь равно новая, и не меньше высокая, есть прощеніе обидъ. Іисусъ Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „Слышасте, яко „речено есть: возлюбиши ближняго „твоего, и возненавидиши врага „твоего; азъ же глаголю вамъ: „любите враги ваша, и благослови- „те кленущія вы, добро творите „ненавидящимъ васъ, и молитеся „за творящихъ вамъ напасть, и „изгонящія вы„ Матѳ. гл. 5. ст. 43. Сіе поученіе было столь ново и столь неизвѣстно прежде, нежели онъ преподалъ его, и запечатлѣлъ своимъ примѣромъ, что лучшіе нравоучители просвѣщеннѣйшихъ странъ и вѣковъ мщеніе изображали,

какъ нѣкій отличительный знакъ благородной души, и жестокой поступокъ представляли въ видѣ сладостнѣйшихъ ощущеній блаженствующаго человѣка. Но прощеніе обидъ сколь великодушнѣе, сколь полезнѣе человѣчеству! Великодушнѣе: ибо предполагаетъ самыя возвышенныя и благороднѣйшія чувствія сердца. Коликая твердость духа потребна, чтобъ терпѣливо сносить огорченія, злости и досажденія глупости? и больше жалѣть о злодѣяхъ, нежели на нихъ негодовать? Ея только благія одушевленія въ человѣкѣ питаютъ и поддерживаютъ святую мысль сію, что внѣшнія оскорбленія не составляютъ какъ часть жребія доставшагося намъ въ семъ жилищѣ искушенія; и что побѣждать зло добромъ, есть торжество изъ всѣхъ блистательнѣйшее.- Прощеніе обидъ несравненно полезнѣе роду человѣческому; и дѣйствительно оно само собою можетъ обезоружить лютѣйшаго врага. Каждое мщеніе есть новое оскорбленіе, и для удовлетворенія требуетъ новаго злобнаго поступка. Но если бы мы исполняли сію спасительную заповѣдь: любить враговъ, и добро творить преогорче-

вающимъ насъ; то симъ неизмѣняемымъ доброхотствомъ въ послѣдствіи времени пріобрѣли бы сердца заматерѣлыя въ ненависти, и нѣкого было бы прощать. И такъ кто изъ двухъ больше торжествуетъ надъ страстьми? мученикъ ли Христовъ благодушно страждущій, и молящійся о виновныхъ? или языческій ирой, дышущій только мщеніемъ, и карающій невинность? Не взирая на то, сія благородная и общеполезная добродѣтель до Христіанства была безславима и нарицаема подлымъ и постыднымъ чувствіемъ; хотя очевиднымъ служитъ средствомъ противъ многихъ золъ временной жизни, и предуготовляетъ насъ къ блаженной вѣчности.

Третія заповѣдь, первою названная и прежде всѣхъ данная, есть любовь ко всѣмъ людямъ. Въ чемъ она состоитъ, сіе можно узнать изъ слѣдующаго дивнаго описанія.,, ,,Любы долготерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ, любы ,,не превозносится, не гордится, ,,ни безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, ,,радуется же о истинѣ, вся любитъ, ,,всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ,

,,вся терпитъ,, 1 Кор: гл. 13. ст. 4. 7. Здѣсь изложено точнѣйшее описанїе сего блистательнаго созвѣздїя всѣхъ добродѣтелей. Любовь не состоитъ, какъ нѣкоторые себѣ воображаютъ, въ сооруженїи только монастырей, въ снабдѣнїи больницъ, въ раздаянїи милостыни; но въ кроткомъ благотворительномъ умоерасположенїи, которое вѣчно занимается дѣйствiями благости, терпѣнїя, угожденїя и доброжелательства ко всѣмъ его окружающимъ. И хотя безъ сей добродѣтели ни въ настоящей жизни не льзя быть щастливу, ни предуготовить себя къ будущему блаженству: однако она извѣстна стала только со временъ Христїанства. ,,Заповѣдь нову даю вамъ, ,,да любите другъ друга: яко же ,,возлюбихъ вы, да и вы любите ,,себе. О семъ разумѣютъ вси, яко ,,мои ученицы есте, аще любовь ,,имате между собою.,, Іоан: гл. 13. ст. 34. 35. Въ семъ то благодѣтельномъ расположенїи состоитъ великость Христїанской души, пробный камень ея покорности и отличительный знакъ, по которому надлежитъ узнавать ее. Безъ братолюбія мы необходимо жить должны въ вѣчномъ раздорѣ. Заповѣдь

сїя: *Да любите другъ друга*, такъ высока, такъ справедлива, такъ благодѣтельна, такъ способна исправить порчу нравовъ, уменьшить злость, и смягчить всѣ бѣдствїя человѣчества; что когда бы свято ее сохраняли, то освободились бы отъ всѣхъ болѣзненныхъ чувствїй, каковыми наказуется вспыльчивость, зависть, мстительность, злоба и честолюбїе.--Еслибъ небо отверзто было умамъ надменнымъ, буйнымъ и злопамятнымъ: то и сїю обитель мира они превратили бы въ юдоль плачевную своими страстьми и пороками. Слѣдовательно входъ имъ туда долженъ быть затворенъ навсегда, не токмо яко нарушителямъ закона, но и потому, что не сродно имъ жилище святыхъ.

Раскаянїе есть другая нравственная обязанность, крѣпко заповѣданная, и необходимо нужная ко спасенїю. И дѣйствительно одно только раскаянїе можетъ загладить наши поползновенїя ко грѣху; оно только одно можетъ изъ вѣтхаго человѣка содѣлать новаго, что въ Св. Писанїи нарицается *отрожденїемъ*. Простое жалѣнїе о бывшихъ погрѣшностяхъ не сильно еще произвесть таковое чудо; ибо не льзя

скоро очистить душу, издавна погруженную въ скверн҃ грѣховнѣй; такъ какъ изнуренному тѣлу отъ долговременнаго разпутства не можно вдругъ возвратить здоровье. По сему всякой можетъ судить, основательна ли его надежда, и предчувствовать будущее свое положенїе, войдя размышленїемъ въ самаго себя. Ежели онъ въ себѣ ощутитъ движенїя надменности, мстительности и зложелательства, и сильную привязанность къ чувственной области; то да будетъ увѣренъ, что еще не внесенъ въ книгу живота, и недостоинъ получить часть спасаемыхъ. А когда бы и былъ причисленъ къ лику небожителей, то не нашелъ бы тамъ ничего, соотвѣтственнаго своимъ порочнымъ желанїямъ. Неспособенъ будучи самъ вкушать небесныхъ утѣхъ и радостей, препятствовалъ бы только другимъ оными наслаждаться.

Вѣра есть другая нравственная обязанность, и толико нова, что древнїе любомудры не токмо не знали, какимъ словомъ ее выразить, но даже не имѣли объ ней и понятїя. Ибо πιςις, а въ нашемъ языкѣ: *вѣра*, никакой языческой писатель

не употреблялъ въ такомъ разумѣ, какой съ онымъ сопряженъ *въ Новомъ Завѣтѣ*. Вѣровать, и исповѣдывать, что Христосъ есть Сынъ Божїй, Мессїя предсказанный пророками, и ожиданный Іудеями, свыше въ мїръ посланный проповѣдать истину, судъ и жизнь вѣчную, и смертїю искупить родъ человѣческїй отъ клятвы законныя: вотъ чего Христїанство требуетъ отъ своихъ послѣдователей! Вѣра заслуживаетъ именоваться добродѣтелїю; ибо истекаетъ изъ кротчайшихъ сердца расположенїй, и всегда бываетъ противоположна гордости, упрямству, высокоумїю. Если взять сїе слово въ пространномъ смыслѣ относительно къ невидимымъ вещамъ; тогда значенїемъ своимъ объемлетъ бытїе Божїе, и жизнь будущаго вѣка; и въ семъ случаѣ не токмо означаетъ добродѣтель, не есть источникъ другихъ добродѣтелей. Ибо на увѣренїи о бытїи Божїемъ и чаянїи воскресенїя мертвыхъ основывается вся Религїя, вся нравственность.

Вѣра, принятая въ семъ разумѣ, ни мало не лишается права на нравственное достоинство, какъ нѣкоторымъ угодно было въ томъ

увѣрять; ибо до извѣстнаго степени она есть самопроизвольна. Вседневный опытъ доказываетъ; что люди вѣрятъ, или перестаютъ вѣрить положеніямъ, по мѣрѣ сихъ сходства съ выгодами и склонностями ихъ. Съ перемѣною обстоятельствъ и мысли ихъ перемѣняются. Надъ душевнымъ окомъ такуюжъ силу имѣемъ, какъ и надъ тѣлеснымъ: мы можемъ закрыть его отъ яснѣйшихъ лучей истины, когда она противна зрѣнію; и открыть слабому сверканію безвѣрія, *возлюбивъ паче тьму, неже свѣтъ*. Іоан. гл. 3. ст. 19.

Отчужденіе отъ міра чего есть другая нравственная добродѣтель, установленная также Христіанствомъ; добродѣтель столь новая и необыкновенная, что даже въ наши времена не многіе признаютъ себя обязанными исполнять ее, и тѣмъ удобнѣе презираютъ, чемъ она противоположнѣе ихъ страстямъ. Чрезъ отчужденіе отъ міра не надобно разумѣть совершенное удаленіе отъ общежитія, отъ всѣхъ житейскихъ попеченій: искуство въ стяжаніи пользы себѣ и трудолюбіе, веселость духа и гостепріимство часто одобряются Еван-

телiемъ; оно не возбраняетъ богатства и честей, когда можно ихъ получить законными средствами, и когда не весь человѣкъ бываетъ ими занятъ; а охуждаетъ только безпокойную заботливость, не знающую никакого отдыха, сiю безпрерывную дѣятельность, которая поглощаетъ всѣ наши минуты, всѣ наши мысли. Вотъ что запрещается въ Св: Писанiи! Ибо переходъ отъ одной мечты къ другой насъ утомляетъ; мы умираемъ подъ тяжестiю суетствiй, и ласкаемъ себя надеждою вдругъ сразбѣгу вознестись на небо. Но это не возможно, потому что безъ отчужденiя отъ мiра не льзя намъ довольно приготовить себя къ благополучiю другой жизни. Сiе начало не входило въ планъ языческой нравственности, которой всѣ правила были въ тѣсной связи съ жизненными потребностями. Христiанства же предмѣтъ несравненно благороднѣе; сей предмѣтъ есть жилище небесное; и ежели оно единожды изъ виду потеряно, то навсегда потеряно. Къ сему то жилищу взоръ нашъ долженъ быть непрестанно устремленъ; и наше отъ онаго разстоянiе должно всякой

день умаляться. Всѣ мы на земли пришельцы; въ продолженіи нашего странствованія не запрещается исправлять дѣла, относящіяся ко временному жительству, и увеселяться забавами путниковъ; лишь бы только сіе не остановило насъ на долгое время, и не совратило съ правой стези.

Не льзя отрицать, чтобъ великій основатель вѣры не былъ одинъ и первый, которой отважился противорѣчить всѣмъ правиламъ языческой нравственности, и ввести Религію, изобличающую заблужденія, издавна пріобрѣтшія довѣренность: Между знаменитыми добродѣтелями особенно отличались величавость души, неустрашимое мужество, и непримиримое памятозлобіе. Impiger, iracundus, inexorabilis, acer. Horat. Таково изображеніе славнѣйшаго ироя, начертанное однимъ изъ славнѣйшихъ піитовъ древности. Всѣ сіи качества вовсе не совмѣстны Христіанину, отъ котораго непрестанно требуется нищета духовная, кротость, терпѣніе и незлобіе. *Азъ же глаголю вамъ: не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую.*

Маѳѳ. гл. 5. ст. 39. У язычниковъ любезнѣйшими свойствами почитались вольные, кичливые, отважные умы, кои дерзали на всѣ опасности, для стяжанія богатства, и потомъ для расточенія онаго въ роскоши, пышности, и плотоугодіи. Но то и другое было равно противно Христіанской системѣ, которая возбраняетъ всякое необычайное усиліе къ обогащенію себя, и всякое излишество въ наслажденіи. *Не пецытеся, глаголюще: что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся! всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ.* Маѳѳ. гл. 6. ст. 31.

Главная цѣль язычниковъ была слава: для нея то ихъ піиты воспѣвали пѣсни, ихъ ирои сражались, ихъ ревнители отечества умирали. Что говоритъ своимъ ученикамъ Божественный законодатель? *Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще мене ради. Радуйтеся и веселитеся; яко мзда ваша многа на небесѣхъ.* Маѳѳ. гл. 5. ст. 11. 12. Между нравственностію земной и небесной мудрости столь велико различіе, что блистательнѣйшія добродѣтели въ очахъ первыя суть вовсе про-

тивоположны цѣли Христїанства, и даже больше, нежели гнуснѣйшїе пороки. Брутъ исторгая мщенїе изъ рукъ существа, которое одно можетъ даровать жизнь, и отнять ее, и умерщвляя притѣснителя народа; Катонъ убивая самъ себя, ибо никого не могъ терпѣть выше себя, больше осквернили землю, и содѣйствовали разврату, нежели постыдныя излишества Мессалины, и скотскїя распутства Елїогабала.

Ничто, повидимому, столько не ослабляло силы Христїанства, какъ съ воспитанїемъ получаемое нами пристрастїе ко нравамъ языческой древности. Въ училищѣ наставники поселяютъ въ насъ понятїя о нравственности совсѣмъ несходныя съ духомъ Христїанства; выхваляютъ всѣ мнимыя добродѣтели, отъ коихъ сїе отрицается; совѣтуютъ имѣть руководителями законы чести, коихъ оно не терпитъ; подражать примѣрамъ, кои презираетъ; съ удивленїемъ взирать на ироевъ, патрїотовъ, самоубїйцъ, коихъ осуждаетъ. Изъ сего то сцѣпленїя уродливыхъ началъ произошла чудовищная система жестокости и благожелательства, звѣрства

и вежливости, своенравія и справедливости, войны и благочестія, мстительности и великодушія, кои въ продолженіе многихъ вѣковъ изнуряли свѣтъ крестовыми походами, войною противъ невѣрныхъ, странствующимъ рыцарствомъ и поединками; еще и теперь подъ именемъ чести, довольно сохраняетъ доверенности, чтобъ перечить и застѣнять благотворныя виды Святаго Откровенія. Я не намѣренъ охуждать началъ храбрости, любви къ отечеству и чести; они могутъ быть полезны, и, можетъ быть, необходимы въ кругѣ сей несовершенной и мятежной жизни. Люди, движимые сими началами, могутъ быть добродѣтельны, честны и даже благочестивы; а утверждаю только, что не льзя ихъ признать Христіанами во всемъ пространствѣ сего слова. Невоздержный развратникъ меньше ихъ отстоитъ отъ истиннаго Христіанина: онъ можетъ предаться стремленію своихъ страстей, и забыться на время, ставъ упоенъ очарованіемъ соблазновъ; но поведенію его по крайней мѣрѣ всегда противорѣчатъ правила его и совѣсть. А руководимый чертою чести, какуюбъ добродѣтель

въ немъ ни предполагали, не можетъ быть прямымъ Христіаниномъ; ибо онъ обдумавъ избираетъ, и хладнокровно водружаетъ правило жизни, и поведенія своего; правило совершенно противное системѣ Христіанства.

Сія противоположность между Христіанствомъ и другими ей предшествовавшими религіями существующая, есть осязательной очевидности; и дѣйствительно не льзя отрицать его превосходства надъ ними, развѣ кто предприметъ доказывать, что смиреніе, благожелательство, терпѣніе, незлобіе суть свойства меньше любезны, и меньше благодѣтельны, нежели гордость, мстительность и злоба; что презрѣніе богатства не столько благородно, какъ пріобрѣтеніе онаго обманомъ и подлостію; или что удѣлять избытокъ убогому и злополучному не такъ достохвально, какъ умножать, или расточать оной въ роскоши; или наконецъ, что существенное безсмертіе есть предмѣтъ не столь высокъ, меньше достоинъ усилій человѣка, нежели сія мечтательная надежда, всегда жить въ потомствѣ, мало значущая дань, которую глупость одной

половины рода человѣческаго платитъ злодѣйству другой, и которую мудрый долженъ презрѣть; ибо честный человѣкъ рѣдко ее получаетъ.

Заключенiе.

Ежели я самъ себя не обманываю, то довольно, кажется, утвердилъ истину трехъ сихъ предложенiй.

1. Существуетъ нынѣ книга, имѣющая заглавiе: *Новый Завѣтъ.*

2. Изъ сей книги можно извлечь систему Религiи совершенно новой, какъ по предмѣту, такъ и по ученiю ея: систему не только безконечно вышшую, но и совсѣмъ отличную отъ того, что когда либо приходило на мысль человѣку.

3. Изъ сей и тойже книги можно равно составить систему нравственности, гдѣ каждая заповѣдь, основанная на разумѣ, доведена до высочайшаго степени чистоты и совершенства, нежели какъ то было въ писанiяхъ умнѣйшихъ мудрецовъ древности; гдѣ каждая заповѣдь, берущая основу свою отъ лживыхъ началъ, опущена или умолчана; гдѣ на конецъ находится мно-

жество новыхъ постановленій, соотвѣтствующихъ новому предмѣту сея Религіи.

Каждое изъ трехъ сихъ предложеній есть неоспоримо. И когда они суть истинны, то таковая система Богослуженія и нравственности никогда не могла быть произведеніемъ одного человѣка, или какого либо общества, а еще меньше сей толпы худородныхъ и непросвѣщенныхъ людей, кои самымъ дѣломъ открыли оную, и возвѣстили мірови. Слѣдовательно она есть очевидное дѣло Божіей силы и Божіей премудрости, то есть, происходитъ отъ самаго Бога.

Сіе послѣдствіе кажется, подходитъ къ ясному, чистому доказательству; оно основано на томъ же умствованіи, которымъ доказывается, что зримый міръ есть дѣло невидимой руки тогожде Бога. Мы съ удивленіемъ смотримъ на небо и землю; изумляемся, когда примемъ въ размышленіе неудобозримыя тѣла животныхъ, коихъ крайняя малость скрывается отъ нашихъ чувствъ, и сіи неизмѣримые круги планетъ, коихъ и воображеніемъ объять не можно. Мы увѣрены, что всѣ сіи существа не могутъ быть

дѣло рукъ человѣческихъ; и правильно заключаемъ, что суть дивное твореніе всесильнаго Бога. -- Подобно зримъ здѣсь начертаніе Богослуженія и нравственности, превосходящее разумъ и всѣ человѣческія понятія, такъ что равно не возможно ни просвѣщенію открыть оное, ни хитрости выдумать. Изъ сего съ такоюжъ правильностію, съ такоюжъ увѣрительностію заключаемъ, что должно ему произойти отъ тогоже самаго Существа, безконечно сильнаго и безконечно мудраго.

Распространеніе сей Религіи не меньше чрезвычайно, какъ и сама Религія; она толикожъ превышаетъ силу человѣческую, колико открытіе ея превосходитъ разумъ. Всѣмъ извѣстно, что ученіе ея въ теченій нѣсколькихъ лѣтъ промчалось во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ Азіи и Европы, и чрезъ посредство весма не многихъ и самыхъ обыкновенныхъ людей; что въ сію Епоху идолопоклонство было въ величайшемъ довѣріи у народа и сильныхъ земли, что самые мудрецы присутствовали при идоложертвенныхъ приношеніяхъ, и въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ просили наставленія

у своихъ прорицалищъ; но при появленіи нѣсколькихъ рыбарей, жертвенники ихъ вдругъ становятся пусты, а Божества ихъ нѣмѣютъ. Сіе чудо достаточно убѣдить каждаго благомыслящаго въ Божественности ихъ посланія и въ невозможности, чтобъ мысли о Христіанствѣ, или приращеніе онаго, зависѣли единственно отъ ихъ изобрѣтательности и ловкости.

Но если, не взирая на очевидность сихъ доводовъ, могъ бы кто повѣрить, что ни Греческіе ни Римскіе мудрецы не сильны были ввесть что либо новое въ законъ тогда, когда художества и науки пришли въ полную зрѣлость; а сынъ Тектоновъ съ двунадесяти ремесленниками, безъ всякаго содѣйствія чрезъестественной силы, возмогъ открыть или изобрѣсть систему высочайшаго Богослуженія, систему совершеннѣйшей нравственности, коихъ не постигнулъ умъ ни Платона, ни Аристотеля, ни Цицерона; что при руководствѣ одной природной прозорливости, пришло имъ на мысль изъ Религіи исключить мнимыя добродѣтели, коимъ свѣтъ чудился, а замѣстить ихъ истинными, однакожъ бывшими

тогда у всѣхъ въ неуваженіи и даже въ поруганіи: если кто либо, говорю, можетъ вѣрить, что сіи люди представляли лице самозванцовъ безъ всякой другой цѣли, кромѣ чтобъ расширить предѣлы истины; обманщиковъ, въ намѣреніи только облагонравствовать народъ; мучениковъ, не имѣя въ виду ни славы, ни корысти; еще что сія горсть людей безъ средствъ, безъ вліянія на умора сположеніе народное, въ кратчайшее время въ большей половинѣ извѣстныхъ земель, распространила Религію, явно опорочивающую чувственныя удовольствія, честолюбіе, предразсудки, и даже самой разумъ обличающую, и надъ всемъ тѣмъ восторжествовала безъ всякаго чудодѣйственнаго пособія, и не употребивъ въ помощь ни могущества Государей, ни происковъ политики, ни силы обыкновенія, ни ослѣпленія ревности, ни довѣренности жрецовъ, ни витійства Ораторовъ, ни остроумія любомудровъ: если кто можетъ вѣрить симъ чуднымъ событіямъ, кои оспориваетъ вседневный опытъ способностей и склонностей природы человѣческой, поистиннѣ сей человѣкъ имѣетъ больше вѣры, не-

жели сколько требуется отъ Христіанина, и единственно отъ легковѣрія остается невѣрнымъ.

Но, послѣ всего, хотя бы всѣ сіи невѣрцы по легковѣрію нашли прямой путь, и хотя бы мнимое откровеніе было одинъ только вымыслъ: какое зло можетъ родиться, ежели принять его за истинное? Учинило либъ властелиновъ безчеловѣчнѣе, или подчиненныхъ непослушнѣе? богача надмѣннѣе, или убогого порочнѣе? содѣлало либъ родителей жестокосерднѣе, дѣтей неблагодарнѣе, мужей суровѣе, женъ невѣрнѣе, Господъ немилосердѣе, рабовъ наглѣе, друзей вѣроломнѣе? Напротивъ того не уменьшило либъ въ людяхъ пороковъ, и слѣдовательно не здѣлало либъ ихъ щасливѣе во всемъ возможномъ положеніи? Оно не было бы законопреступно; ибо предаться очевидности убѣдительной для самыхъ лучшихъ умовъ и утѣшительной добрымъ душамъ не есть преступленіе. Ежели оно ложно, то провидѣнію угодно было попустить людямъ взаимно обманываться съ полезнѣйшимъ для человѣчества намѣреніемъ. Похвальнѣе вѣрить оному по расположенію къ любви,

которая всему вѣру емлетъ; нежели отвергать его съ презрѣнiемъ, происходящимъ отъ упрямства и высокоумiя.

Оно также не можетъ быть и вредно. Ежели Христiанство есть вымыслъ, то это такой вымыслъ, которымъ однимъ только можно содержать людей въ границахъ добродѣтели и благочестiя, и утѣшить ихъ во дни нещастiя, болѣзни и на одрѣ смертномъ. *Деизмъ* какое бы ни имѣлъ влiянiе на умы языческихъ мудрецовъ, но для насъ онъ безполезенъ; ибо освѣщавшiй ихъ лучь надежды теперь вовсе изчезаетъ при благодатномъ свѣтѣ Евангелiя. Если мы не хотимъ вѣрить Евангелiю, то ни какой Религiи принять не можемъ. И потому отступающiе отъ онаго рѣдко останавливаются на *деизмѣ*; они скорыми шагами идутъ къ безвѣрiю, и тотъ часъ отвергаютъ всякое начало Богослуженiя и о нравственности.

Когда божественность Христiанства есть неоспорима: то нѣтъ доказательствъ, какъ бы ни благовидны и многочисленны быть могли, нѣтъ правдоподобiй, нѣтъ сомнѣнiй и гаданiй, коими бы можно было,

испровергнуть ея очевидность; ибо истинѣ, единожды доказанной, уже не льзя быть не истиною. Но какъ многія возраженія совратили, и совращаютъ съ пути простыя, искреннія души: то употреблю еще нѣсколько страницъ на изслѣдованіе больше вѣсу имѣющихъ, дабы уничтожить, или по крайней мѣрѣ ослабить опасное ихъ вліяніе, Прежде всего дамъ на замѣчаніе, что обыкновеннѣйшая и непреодолимѣйшая преграда вѣрѣ происходитъ отъ нашихъ страстей, отъ нашихъ склонностей и отъ расчетовъ корысти. Вѣра есть совокупное дѣйствіе воли и разума; и мы не вѣримъ чаще отъ недостатка нашей наклонности, нежели отъ недостатка очевидности: Первой шагъ къ принятію Откровенія есть надежда, что оно не мечта; ибо коль скоро желаемъ, чтобъ предложеніе было истинно, то мы недалеки отъ сознанія его таковымъ. Всѣмъ добрымъ людямъ желательно, дабы достовѣрность откровенія утверждалась на незыблемыхъ началахъ. А злымъ она и еще полезнѣе, ежели только расположены когда либо поправить себя; ибо кромѣ Христіанства ни гдѣ не льзя обрѣсти

помилованія. Наказаніе порока есть дань должная правосудію. Раскаяніе само по себѣ не можетъ замѣнить оной. Оно весьма можетъ перемѣнить расположеніе злаго человѣка, и предохранить его отъ будущихъ погрѣшностей; но не сообщаетъ права на отпущеніе прошедшихъ. Должникъ дотолѣ состоитъ подъ отчетомъ, доколѣ не расплатится или самъ собою, или другой кто вмѣсто его.--Такимъ образомъ всякому честному человѣку, или располагающемуся быть таковымъ, добро и спасительно вѣрить Евангелію; ибо въ немъ найдетъ предохранительное врачевство отъ всѣхъ порочныхъ навыковъ, и послѣдствующихъ имъ золъ; найдетъ утѣшеніе при всѣхъ переворотахъ судьбы, и то основаніе, безъ котораго нѣтъ мира ни въ разумѣ, ни въ сердцѣ. Но ежели человѣкъ, которой привязанъ къ своей любимой, но съ правилами Христіанства несовмѣстной страсти, а въ истинѣ онаго увѣренъ, принужденъ будетъ избрать одно что нибудь изъ двухъ: или съ прискорбіемъ оставить любезную страсть свою, или не отставать отъ нея, нося въ сердцѣ упреки совѣсти: въ такомъ случаѣ не

остается ему другаго средства помириться съ самимъ собою, какъ снова здѣлаться безвѣрнымъ. Я не войду въ состязаніе съ людьми сего рода, и не домогаюсь склонить ихъ на свою сторону, дабы не учинить ихъ еще нещастнѣе. Опыты свои намѣренъ я здѣсь изложить только для тѣхъ, кои хотя не спрашаются истины Откровенія, однако чувствительно колеблются возраженьями невѣрцовъ. При всей ихъ краткости, они будутъ достаточны; и я надѣюсь дать имъ возчувствовать слабость и лжесловесіе противниковъ.

I.

Нѣкоторые даже до того простерли дерзость свою, что хотѣли въ самомъ корнѣ потрясти и опровергнуть Христіанскую Религію, невѣроятность и безполезность оной доказывая тѣмъ, что дарованный отъ Бога разумъ достаточенъ самъ собою открыть всѣ должности богослуженія и нравственности, если только будутъ внимательны къ его внушеніямъ, и послушны благимъ его совѣтамъ. -- Родъ человѣческій въ разныя времена даже отъ начала свѣта безъ сомнѣнія получалъ многія познанія посредствомъ сверхъестественныхъ видѣній и знаменій; и

всегда такую имѣлъ склонность приписывать оныя своимъ способностямъ, что теперь трудно опредѣлить, чего достигнуть можетъ умъ человѣческій, оставленный самому себѣ. Но чтобъ сужденіе о семъ предметѣ было безошибочно, обратимъ взоръ нашъ къ отдаленнымъ странамъ земнаго шара, куда не проникла еще чудодѣйственная сила свыше; и увидимъ, что люди, надѣленные отъ Бога такимъ же сердцемъ и душой, не токмо живутъ безъ всякой системы богослуженія и нравственности, но даже недоумѣваютъ, какимъ образомъ составляется гвоздь или топоръ. Примѣръ сей увѣрительно доказываетъ, что разумъ, оставленный самому себѣ, не токмо не силенъ открыть людямъ истиннаго Богослуженія, но даже не можетъ довесть ихъ до начальнаго степени земледѣлія, или извлечь изъ дикаго состоянія. Всѣ его свѣденія истекли изъ сего великаго источника чрезъестественныхъ видѣній и знаменій, источника на востокѣ явльшагося вмѣстѣ съ человѣкомъ; оттуда постепенно разлились оныя по лицу земли въ видѣ безчисленныхъ ручьевъ.--Иначе не льзя бы было изъ-

яснить вѣроподобно, отъ чего одна половина рода человѣческаго столь удивительныя оказала успѣхи въ отысканіи богослужебныхъ, нравственныхъ, метафизическихъ и прочихъ глубочайшихъ истинъ; такъ чудесно усовершила благочиніе обществъ, законодательство, торговлю и рукодѣльни; а другая половина съ таковымижъ дарованіями, но отдѣленная только морями и горами, осталась почти въ скотскомъ состояніи, безъ правительства, безъ наукъ, безъ законовъ, безъ домовъ, другъ друга убивая и пожирая, для утоленія алчбы своей. Я утверждаю, что главною и единственною причиною сего чуднаго несходства есть то, что одни получили свѣденія посредствомъ Божескихъ откровеній, не рѣдко упоминаемыхъ въ Св. Писаніи; а другіе, по неисповѣдимымъ Божіимъ судьбамъ, лишены сего сверхъестественнаго пособія. Таковая противоположность кажется неизъяснимою; и ето можетъ служить новымъ доказательствомъ необходимости Христіанства, и удовлетворительнымъ отвѣтомъ на всѣ возраженія, излишнее имѣющихъ надѣяніе на свой разумъ. Какимъ образомъ разумъ сей,

оставленный самому себѣ, возмогъ бы здѣлать хотя малѣйшій шагъ къ истинѣ, когда и при руководствѣ промысла, впадаетъ еще въ безчисленныя и грубѣйшія заблужденія, заблужденія горшія самаго невѣжества? Когда предается онъ воображенію, то нѣтъ сумазбродства и нелѣпости, на кои бы не согласился. Онъ увѣрилъ нѣкоторыхъ, что нѣтъ будущей жизни; онъ внушилъ другимъ, что между добродѣтелію и порокомъ не находится ни какого различія; и что убить человѣка, или облегчить его въ нуждахъ, суть два дѣйствія ни чемъ не разнствующія между собою. Иныхъ заставилъ думать, что не существуетъ въ природѣ ничего подобнаго душѣ или духу; что нѣтъ даже ни вещества, ни тѣлъ. Онъ можетъ все раздроблять, и все обращать въ ничтожество; утончая, и, такъ сказать, просѣвая каждую истину, можетъ всѣ существа превратить въ невидимую пыль сего ложнаго толка, что нѣтъ якобы ничего вѣрнаго, а все подлежитъ сомнѣнію. До какого степени можно положиться на таковаго руководителя въ богослуженіи и нравственности, кои всего ощутитель-

нѣе намъ принадлежатъ, предоставляю сіе заключенію всякаго правдиваго и благомыслящаго человѣка. А повторю еще, что умъ человѣческій, образованный въ просвѣщеннѣйшихъ училищахъ Греціи и Рима, никогда не былъ достаточенъ составить Религію, подобную Христіанству; что всѣ начала нравственности, какъ то истина, красота и чинъ природы, никогда не сильны были произвесть людей прямо добродѣтельныхъ: напротивъ того не рѣдко сами бывали произведеніемъ нечестивыхъ и развращенныхъ людей.

II.

Примѣчательнымъ и разборчивымъ испытателямъ неимовѣрно кажется, чтобъ премудрый и благодѣющій Творецъ образовалъ міръ по особенному плану, и Религію основалъ также на особливыхъ началахъ; то есть, чтобъ открылъ людямъ Богослуженіе не только противорѣчащее самымъ естественнымъ страстямъ и любимѣйшимъ наклонностямъ сердца, но еще и несовмѣстное съ благоустройствомъ свѣта. Вотъ какую, говорятъ они, Христіанство представляетъ намъ картину! Богатство, могущество, почести, доброе имя суть великія

поощренія къ достохвальнымъ дѣяніямъ; однакожъ оно ихъ уничижаетъ. Правительство существенно природѣ человѣческой, и не раздѣлимо съ нѣкоторыми насильствіями, съ нѣкоторымъ растлѣніемъ и хитростію; но въ очахъ вѣры все это порочно и гнусно. Народы не могутъ быть безъ войны, а война безъ грабительства, опустошенія и смертоубійства: и сіе также возбраняется подъ опасеніемъ жесточайшихъ истязаній. Запрещеніе сопротивляться обидѣ подвергаетъ частныхъ людей вѣчному угнѣтенію, а цѣлыя страны дѣлаетъ легкою добычею для всякаго изъ внѣшнихъ враговъ, желающихъ покорить ихъ себѣ; и сія странная покорность одобрена. Неизмѣняемая терпѣливость подъ тяжестію досадъ и поруганій должна всякой день вызывать на новыя огорченія и новыя насильства; и сія терпѣливость въ законъ принята: равнодушіе къ пищѣ, питію, одеждѣ, должно вовсе уничтожить торговлю, мастерство и рукодѣльни: и сія небрежность также одобрена. Короче сказать: когда бы всѣ люди начали слѣдовать правиламъ Христіанства; то видъ и порядокъ дѣлъ человѣческихъ

совершенно бы измѣнился, и всѣ бы пружины свѣта остановились.

Отвѣтствую, что дѣйствительно такова есть картина Христіанства. *Не вѣсте ли*, вѣщаетъ Ап: Іаковъ, *яко любы міра сего вражда Богу есть? иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* гл: 4. ст: 4. *Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы; якоже отъ міра нѣсте, но азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ* Іоан. 15. 19. Тотъ же Христосъ объявляетъ Іудеямъ: *вы отъ міра сего есте, азъ нѣсмь отъ міра сего.* Іоан. 8. 23. *Не сообразуйтеся вѣку сему*, Св. Павелъ пишетъ къ Римл. гл. 12. ст. 2. И на иномъ мѣстѣ къ Коринѳяномъ. *Премудрость глаголемъ не вѣка сего:* 1. къ Кор. гл. 2. ст. 6. Сія непримиримая вражда между Христіанствомъ и міромъ, предсказана во многихъ мѣстахъ *Новаго Завѣта*, и въ такомъ духѣ вся книга сія писана.

Но если кто изъ сего несходства будетъ извлекать право оставаться въ безвѣріи; тотъ не входитъ въ высочайшій смыслъ Св. Писанія. Христіанская Религія не есть уложеніе, изданное единствен-

но для соблюденія устройства обществъ, приспособленное къ видамъ, пользамъ вѣка сего, и движимое пружиною земнаго судилища. Ето есть Божеское наставленіе, толико превосходящее суетныя умозрѣнія завоеваній, торговли, что къ нимъ столько же дѣлаетъ вниманія, какъ и къ благоустройству пчелъ, или къ трудолюбію муравіевъ. Сіи любомудры забываютъ первой и главной предмѣтъ сего установленія, которому не принадлежитъ, какъ я многократно повторялъ, дѣлать насъ щастливыми въ сей жизни; но чрезъ сіе опасное состояніе страданій, искушеній, и грѣха должно провождать насъ такимъ образомъ, который творитъ насъ достойными и способными наслаждаться блаженствомъ другія жизни. Всѣ прочія религіи уставлены для сего міра. Одна лишь Христіанская вѣра съ нимъ не согласна, и сіе есть отличительное ея свойство. Не надобно убо изящества заповѣдей Христіанскихъ измѣрять общенародною пользою; поелику цѣль ихъ не есть польза сего міра. Іисусъ Христосъ и его Апостолы повсюду объявляютъ, что вѣра ихъ противна міру и всѣмъ предмѣтамъ его любочестія.

Їисусъ Христосъ рекъ о своихъ ученикахъ: *они не суть отъ міра сего, якоже и азъ нѣсмъ отъ міра сего.* Іоан: 17. 16. И такъ не можно поносить вѣру сію, ниже едину изъ ея заповѣдей за то, что не клонится къ концу, отъ коего Учредитель ея и Апостолы именно отрицаются: и не льзя подлинно почитать въ ней за недостатокъ противоположность ея тщетнымъ выгодамъ сего свѣта. Ибо можно было бы такойже упрекъ здѣлать разуму, мудрости и опытности, которыя всѣ ежедневно внушаютъ намъ тоже наставленіе. Все доказываетъ намъ, что исканія сего міра на ложныхъ основываются надеждахъ, продолжаются съ безпокойствомъ и затрудненіемъ, а оканчиваются напастію и неудовольствіемъ. Великій чертежъ и благотворное намѣреніе сего небеснаго ученія въ томъ состоитъ, чтобъ просвѣтить умы, очистить Богослуженіе, исправить нравственность, и достойнѣйшихъ изъ людей избрать, и каждаго въ свое время преселить въ царство небесное. Сіе столь богатое обѣтованіе предложено безъизъятно всѣмъ тѣмъ, которые кротостію, терпѣніемъ, благочестіемъ, любовію и

отреченіемъ отъ міра восхотятъ заслуживать сіе, чтобъ быть сопричтеннымъ святому и блаженному лику небожителей. Ежели бы сіе обѣтованіе повсемѣстно было принято, и каждый въ точности наблюдалъ всѣ заповѣди Евенгелія: тобы видъ дѣлъ человѣческихъ и все міроправленіе весьма много измѣнились, но измѣнились бы въ лучшее; и здѣсь на земли мы бы наслаждались несравненно большимъ щастіемъ, нежели сколько онаго на ней срѣтаемъ. И дѣйствительно мы не должны забывать того, что сею Религіею равно запрещается насиліе, какъ и сопротивленіе, обиды какъ и мщеніе; всякая отъ скупости раждающаяся нечувствительность къ воплю убожества, какъ излишняя заботливость о приращеніи богатства; всѣ препятствія къ честолюбію, какъ и самое честолюбіе; такимъ образомъ скоро бы симъ прекратились всѣ за власть и корысть прѣнія, и теченіе міра было бы благополучнѣе. Но всеобщее таковаго обѣтованія пріятіе никогда не было ожидаемо отъ твари столь поврежденной, столь несовершенной, каковъ человѣкъ. Слѣдовательно оно не могло быть существенною частію въ

въ чертежѣ сего плана. Предавшій сіе обѣтованіе предвидѣлъ, и самъ предрекъ, что не многіе оное пріимутъ на сихъ условіяхъ. Онъ сказалъ: что *узкая врата, и тѣсный путь вводяй въ живостъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его.* Матѳ: гл. 7. ст. 14. Такимъ образомъ видимъ мы, что очень не многіе изъ надежды будущаго блаженства оставляютъ удовольствія и суеты міра сего; и отлученіе столь малаго числа истинныхъ Христіанъ не препятствуетъ любителямъ свѣта гоняться за предмѣтами ихъ страстей. Міръ вещественный отъ созданія свѣта существуетъ, и поддерживается споромъ стихій; такъ и нравственный міръ содержится и движется противодѣйствіями одинаковыхъ страстей. Множество воодушевленныхъ одними и тѣмиже побужденіями; они съ одинакимъ жаромъ борются, мятутся, сражаются за власть, богатство и удовольствія. Всѣ занятія, всѣ промыслы отправляются съ тоюже охотою. Находятся воители, законодатели, министры, патріоты, политики, какъ бы и никогда не было Христіанства. Чудесное распредѣленіе сей вѣры осуществило всѣ

предположенные свои виды: она просвѣтила умы, очистила Богопочитаніе и усовершила нравственность человѣческаго рода, не испровергая постановленія, устройства и теченія дѣлъ сего міра. Она правда, отверзла *узкая врата*, но вводящая въ царство небесное всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ довольно мудрости, чтобъ не совратиться съ проложеннаго къ онымъ пути, и столько добродѣтели, чтобъ неудержно внити во врата.

III.

Сколько законъ Христіанскій споспѣшествовалъ преобразованію рода человѣческаго, сего нынѣ рѣшить не удобно. Ужасныя беззаконія, осквернявшія міръ до изданія онаго закона, теченіемъ вѣковъ столько удалились изъ нашего вида, что уже едва они примѣтны. Но слѣды величайшихъ беззаконій усматриваются еще въ бытописаніяхъ; они суть достовѣрнѣйшія памятники всего того, что время скрыло отъ нашего свѣденія. Въ сихъ давнопротекшихъ временахъ войны творились съ лютостію и жестокостію, неизвѣстными нашему; времени цѣлыя грады и народы истреблялись отъ огня и меча; тысячи побѣжден-

ныхъ были распинаемы, и сажаемы на колъ, ни за какое другое преступленіе, какъ токмо за то, что усиливались защитить себя и свое Отечество. Жизнь новорожденныхъ дѣтей находилась тогда въ совершенномъ расположеніи ихъ родителей, которые полную имѣли волю или ихъ воспитывать, или бросать на снѣденіе лютыхъ звѣрей и хищныхъ птицъ. И сей обычай ежедневно былъ производимъ въ дѣйство безъ наказанія, и даже безъ укоризны. Мечебитцы или гладіаторы были обучаемы, и сотнями выставляемы на общенародныхъ зрѣлищахъ закалать другъ друга, во увеселеніе собраній самыхъ просвѣщеннѣйшихъ; и хотя сражающихся сперва избирали изъ преступниковъ, но постепенно стали въ сей досточтимой списокъ записываться важнѣйшіе чиновники и даже женщины знаменитѣйшихъ фамилій. Въ премногихъ случаяхъ приносили въ жертву людей, и при погребеніи богатыхъ и отличныхъ особъ, убиваемы были толпы невольниковъ ихъ, какъ бы жертвы благопріятныя ихъ тѣнямъ. Гнуснѣйшія студодѣянія составляли часть ихъ богослуженія; и самая противная природѣ срамота была

общенародно одобряема, и прославляема наилучшими ихъ стихотворцами. При появленіи Христіанства всѣ сіи ужасныя мерзости изчезли; и въ первыхъ онаго послѣдователяхъ едва можно было обрѣсти одинъ какой либо порокъ. Первые Христіане вознеслись до толикаго степени благочестія, любви, воздержанія, терпѣнія, самоотреченія, что казались отрожденными и очищенными отъ всѣхъ несовершенствъ естества человѣческаго. Почти стольже трудно намъ понять теперь, какъ они могли такъ постоянно, такъ единообразно шествовать путемъ благочестія, непорочности и добродѣтели; сколько для насъ теперь не удобно имъ послѣдовать, и не отставать отъ нихъ.

Ежели вопросятъ, почему вѣра не производитъ нынѣ таковыхъ же дѣйствій? на сіе отвѣтствовать не трудно: по тому что люди не совершенно ей преданы. Самое лучшее врачевство не можетъ пользовать, ежели больной не хочетъ его принять. Впрочемъ, не смотря на всѣ препятствія, останавливающія, или ослабляющія благотворное ея вліяніе, она подлинно много уменьшила пороковъ, и поправила склон-

ности человѣческаго рода. И естьли бы она отъ всѣхъ вообще была принята какъ мыслїю, такъ и сердцемъ; то совершенно бы уничтожила преступленїя и казни. Но сего никогда не ожидалъ ея Творецъ, и оно не входило по необходимости въ предначертанїе его. Если бы существованїе зла и мученїя не происходило отъ нѣкоторой нужды намъ неизвѣстной; то бы Мїроздатель ни когда не попустилъ онымъ быть. И такъ столь же не нужно ему оныя искоренить, сколь не нужно было ихъ предупреждать: и кто знаетъ, было ли бы сїе совмѣстно образу и постановленїю сего мїра?

IV.

Покушались еще опровергнуть Божественность Христїанской вѣры непостижимостїю нѣкоторыхъ изъ ея догматовъ, а особливо касающихся до Святыя Троицы и очищенїя грѣховъ человѣка страданїемъ и смертїю Христовою. Одинъ, кажется, противорѣчитъ всѣмъ человѣчества началамъ; а другїй всѣмъ нашимъ о правосудїи Божїи понятїямъ. На сїи возраженїя довольно отвѣтствовать, что никакое доказательство, основанное на началахъ,

коихъ не льзя намъ понять, не можетъ опровергнуть положенія, доказаннаго уже внятными началами: слѣдовательно къ возраженіямъ о сей матеріи никакого не должно имѣть вниманія.

Чтобъ три существа составляли едино, сіе предложеніе повидимому противорѣчитъ разуму, то есть нашему: но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ оно не могло быть истинно; ибо много предложеній равно противорѣчащихъ нашему уму; однако ихъ истина доказывается. Бытіе Божіе, первое начало всякой вѣры, есть предложеніе сего рода. Что Существо можетъ имѣть безъ причины бытіе, и что существо можетъ быть причиною своего собственнаго бытія, оба сіи предложенія равно противорѣчатъ нашему разуму; однако надлежитъ одному изъ нихъ быть справедливу, или никогда бы не могло что либо существовать.

Всѣ сіи трудности, которыми безразсудно запутываемъ слабый нашъ разумъ, происходятъ отъ вообраэкенія, что образъ бытія всѣхъ существъ якобы долженъ по всему быть подобенъ нашему, то есть, что они должны всѣ, какъ и мы,

существовать въ пространствѣ: и вотъ истинный источникъ безпокойствъ и замѣшательствъ нашего ума! Мы знаемъ, что изъ извѣстныхъ намъ существъ ни когда два не могутъ существовать въ единой точкѣ времени и мѣста, слѣдовательно не возможно, чтобъ два существа составляли Существо единственное. Но понимаемъ ли мы, какъ могутъ быть вмѣстѣ соединены существа, коихъ образъ бытія никакого не имѣетъ отношенія ко времени и мѣсту? нѣтъ: убо не можемъ положительно отрицать возможности таковаго съединенія. Также судя по разуму, наказаніе невиннаго вмѣсто виновнаго есть противно правосудію и справедливости, и при томъ никакой не представляетъ пользы. Но приведемъ себѣ также на память, что краткіе ужи нашего разумѣнія не могутъ досящи, и измѣрить глубину сего вопроса. Разумъ нашъ не можетъ научить насъ, по чему преступленіе или казнь могли найти мѣсто въ твореніяхъ Создателя безконечно благаго и безконечно мощнаго, и который, по благости своей, долженъ бы, кажется, изключить оныя изъ своей вселенной,

поелику силенъ былъ то учинить. Разумъ не можетъ насъ увѣрить, чтобы нѣкоторыя страданія частныхъ существъ не нужны были ко благополучію цѣлаго; не можетъ онъ намъ доказать, что бы не отъ нужды сей происходило преступленіе и наказаніе: чтобъ они не могли на насъ быть наложены, и съ насъ взимаемы, какъ оброкъ для общаго блага, или что бы сей оброкъ не могъ быть уплаченъ однимъ существомъ равно какъ и другимъ; и слѣдовательно, ежели оный предложенъ на волю, не могъ бы праведно согласиться на заплату невинный вмѣсто виноватаго. Касательно всѣхъ сихъ задачь мы совершенные невѣжды; и поелику разумъ никакого объ нихъ не даетъ намъ объясненія, то и не можемъ утвердить, чтобъ сія нужда противна была правосудію, или совсѣмъ безполезна. Доколѣ не рѣшимъ сего важнаго вопроса: *отъ куда зло произошло?* Дотолѣ ни чего не можемъ вѣрнаго сказать, о распредѣленіяхъ промысла. Они необходимую должны имѣть связь съ симъ началомъ, коего открытіе для насъ не возможно. А какъ не знаемъ источника зла; то и не льзя судить, что есть

или не есть дѣйствительнымъ и пристойнымъ отъ онаго врачевствомъ. Замѣтить надобно, что сїе ученїе повсемѣстно было принято во всѣхъ вѣкахъ. Сколь бы далеко мы ни простерли изслѣдованїй нашихъ въ исторїю давно протекшихъ временъ; всегда усматриваемъ, что всѣ народы какъ просвѣщенные, такъ и грубые, хотя весьма различествуютъ въ мнѣнїяхъ своихъ по части Богослуженїя, согласно признаютъ полезнымъ средство, умилостивлять раздраженныхъ боговъ своихъ жертвоприношенїями, то есть, вмѣсто своего собственнаго подставнымъ страданїемъ другихъ человѣковъ и животныхъ. Понятїе сїе никогда не могло произойти отъ разума, поелику оно ему противно: ни отъ невѣжества, которое никогда не могло изобрѣсти столь неизъяснимаго способа, и коего впрочемъ мнѣнїя никогда не были единообразны во всѣ времена и во всѣхъ странахъ; ни отъ хитрости Государей и жрецовъ въ намѣренїи господствовать надъ людьми. Сїе ученїе нимало не относится къ политической цѣли: находимъ оное въ умѣ дикихъ, весьма отъ насъ отдаленныхъ народовъ, открываемыхъ въ

наши дни, и неимѣющихъ ни царей ни жрецовъ. И такъ оно должно произходить отъ естественнаго побужденія, или чрезъестественнаго Откровенія; и то и другое суть равно дѣйствія силы Божїей.

Скажутъ, что не смотря на всю истинность сего ученія, не согласимо съ правосудїемъ и благостїю Творца, требовать отъ своея твари вѣрованія предложеніямъ противорѣчащимъ, или превышающимъ сей самый разумъ, который онъ благоизволилъ дать намъ руководителемъ. Отвѣтъ на сїе готовъ: Христіанство намъ открыло многія важныя истины, коихъ мы прежде совсѣмъ не знали: на примѣръ, что три Существа нѣкоторымъ образомъ съединяются въ Божеской сущности, и что Богъ благоволитъ воспріять страданія Христовы, яко очищенїе грѣховъ рода человѣческаго; два сїи предложенія, разсматриваемыя просто, яко объявленїе двухъ дѣйствїй, никакъ не противорѣчатъ разуму, и не превышаютъ его понятія. Первое столь же ясно, какъ и сія Геометрическая истина, *три равнобочныя черты составляютъ треугольникъ*. Второе не меньше вразумительно, какъ и сїе: *чело-*

вѣкъ платитъ долгъ за другаго человѣка. Но какимъ образомъ бываетъ оное единенїе, или по чему Богъ прїемлетъ наказанїя одного въ замѣну другихъ, или къ чему оныя могутъ служить; о семъ Христїанское ученїе умалчиваетъ, и сїе молчанїе есть премудро. Тысяча наставленїй не могутъ привесть насъ въ состоянїе, постигнуть сїи таинства; и слѣдовательно оно не требуетъ, чтобъ мы знали что нибудь, или вѣрили относительно къ образу сихъ таинствъ. Въ истинѣ сихъ догматовъ совершенно должно полагаться на достовѣрность тѣхъ, которые ихъ намъ преподали: это суть тѣ самые особы, кои научили насъ Высочайшему Богопочитанїю, и лучшей нравственности; чему не училъ насъ никто изъ тѣхъ, которые когда нибудь могли открывать наши способности. И такъ не должны мы съ толикою опромѣтчивостїю отвергать явленныхъ намъ догматовъ, о коихъ разумъ не можетъ достаточно судить. Ежели искусный Математикъ доказываетъ намъ истину многихъ предложенїй доводами для насъ внятными; то мы не сумнѣваемся вѣрить ему и въ

другихъ предложенiяхъ, хотя при подробномъ разбирательствѣ оныхъ вниманiе наше тупѣетъ, и не можетъ за нимъ слѣдовать. Такъ для чегожъ намъ не имѣть довѣренности ко Христу и его Апостоламъ; когда мы не щитаемъ за безразсудное, полагаться на знанiе другъ друга?

Но кто отвергаетъ Христiанскую Религiю по причинѣ непостижимости ея таинствъ? Физики, медики, химики, анатомики, и прочiе пристрастившiеся къ своимъ мнимымъ познанiямъ, коихъ всѣхъ глубина теряется въ непроницаемомъ мракѣ таинствъ; принужденные сознать себя невѣждами въ большей части обыкновеннѣйшихъ явленiй природы; долженствующiе ограничивать свои знанiя самымъ тѣснымъ кругомъ истинъ, дерзаютъ презирать Религiю Высочайшую, Религiю небесную, Религiю, которая въ полчаса гораздо больше научаетъ, нежели сколько усилiя ихъ разума могутъ открыть въ продолженiе многихъ столѣтiй. Не знаютъ они причины тяжести тѣхъ, какъ душа созерцаетъ предмѣты, представляющiяся чувствамъ ея тѣла, какъ образуется единенiе сихъ существъ,

какая причина осѣданій, смѣшеній, дѣйствія лѣкарствъ... Да и въ чемъ не являютъ невѣжества своего сіи во прахѣ ползающія насѣкомыя; а осмѣливаются отвергать Христіанскую вѣру по тому токмо, что не могутъ постигнуть Троицы, воплощенія и искупленія? они сихъ таинствъ не постигаютъ; я не постигаю ихъ болѣе, нежели они. Но я къ нимъ благоговѣю, и чаю явленія оныхъ въ будущемъ устроеніи; я ихъ не отрицаю, и не отвергаю за то Религіи совершенно согласной съ разумомъ, Религіи тѣмъ болѣе превосходящей естественную Религію, что она мнѣ сообщаетъ такое всему истолкованіе, какого разумъ самъ по себѣ ни когда бы не могъ мнѣ сообщить. Великіе мужи древности, коимъ толико мы удивляемся, не будучи въ состояніи сравниться съ ними, до чего дошли своими усиліями? Десятилѣтній отрокъ въ Христіанствѣ не больше ли знаетъ, нежели Сократы и Платоны въ Аѳинахъ, Цицероны и Сенеки въ Римѣ? Сіи воистинну великіе мужи чувствовали нужду Откровенія; между тѣмъ какъ наши великіе мудрецы *деисты*, имѣя Откровеніе, почитаютъ оное безпо-

лезнымъ, и даже презираютъ. Какое различіе между истинною мудростію великихъ мужей древности и мнимою ученостію безумцевъ нашего вѣка!...

V.

Другіе весь чертежъ сего Откровенія поносили, называя оной безсвязнымъ и пристрастнымъ, несправедливымъ и недостойнымъ Творца всемогущаго и всевѣдущаго. „Можно ли, говорили они, предположить, что бы верховный Богъ симъ чудеснымъ сообщеніемъ благопріятствовалъ нѣкоторымъ особамъ, нѣкоторымъ странамъ и нѣкоторымъ вѣкамъ, между тѣмъ какъ другіе, не меньше того достойные, изключены были изъ сихъ драгоцѣннѣйшихъ преимуществъ; чтобъ онъ измѣнялъ, и прекословилъ собственнымъ своимъ намѣреніямъ, съ начала создавъ родъ человѣческій наклоннымъ ко грѣхопаденію, и изобрѣтая потомъ столь странный способъ къ воззванію его въ прежнее состояніе благополучія, коего потеря никогда не долженствовала быть отъ него попущена?--„

Во всѣхъ раздѣленіяхъ промысла, намъ извѣстныхъ, выгоды раздаются по единому и томуждe правилу.

Здравїе и сила, разсудливость и знанїе, богатство и власть раздѣлены частнымъ людямъ и цѣлымъ народамъ въ различной мѣрѣ и въ разныя времена. Все строенїе сего мїра составлено изъ золъ и предохранительныхъ пособїй; и пособїя по большой части предлагаются чрезъ посредствующихъ ходатаевъ. Богъ попустилъ намъ ввергнуться въ убожество, нещастїе и бѣдность, чрезъ собственные наши пороки; но для отвращенїя насъ или избавленїя отъ сихъ злоключенїй, преподалъ увѣщанїя, совѣты, наставленїя и примѣръ другихъ. Онъ создалъ насъ подверженными безчисленнымъ болѣзнямъ; и даровалъ намъ въ избыткѣ многоразличныя врачевства. Онъ покорилъ насъ нуждамъ глада, жажды и наготы; и подаетъ намъ пищу, питїе и одежду почти всегда посредствомъ другихъ. Онъ сотворилъ ядъ, и снабдилъ насъ противояднымъ лѣкарствомъ. Онъ повелѣлъ мразу зимы очищать заразительныя жары лѣта; и лучамъ лѣта осушать наводненїя зимы. Почему тако установлена природа? почему находится единъ и той же духъ во всѣхъ физическихъ и нравственныхъ распредѣленїяхъ промысла, и въ самыхъ

даже распредѣленіяхъ Христіанской Религіи? сего мы не знаемъ; мы не получили способности оное понимать. Богъ конечно могъ изъ физическаго міра составить систему совершенной красоты и правильности, безъ золъ и средствъ противу оныхъ; а изъ Христіанства чертежъ нравственнаго совершенства, безъ искушенія и безъ нужды въ посредствѣ очищенія и ходатайства. Онъ могъ бы изъять наши тѣла отъ болѣзней, а души отъ всякаго порока; и тогда бы намъ не надобны были ни врачевства для поправленія нашего здравія, ни способы для примиренія нашего съ Творцемъ. Сей планъ кажется намъ согласнѣе съ правдою и разумомъ; но безконечная его премудрость иначе опредѣлила. Она системы природы и Христіанства образовала на другихъ началахъ; но изъ совершеннаго сходства ихъ между собою, мы имѣемъ право заключить, что онѣ обѣ происходятъ отъ одного и тогожде источника, силы и премудрости Божіей, сколько бы ни казались намъ несогласными съ разумомъ. Безспорно, разумъ естъ надежнѣйшій нашъ путеводитель во всѣхъ вещесловіяхъ, помѣщенныхъ въ тѣсномъ кругѣ его понятія. И такъ

что касается до Откровенія, то разумъ долженъ изслѣдовать достовѣрность сего Откровенія. Но когда бытіе его доказано; то нѣчего болѣе дѣлать, какъ успокоиться въ догматахъ онаго; и никогда онъ столько во зло не употребляется, какъ когда хотятъ догматы вѣры примѣнять къ своимъ о истинѣ и справедливости умозаключеніямъ. Богъ, говоритъ высокомѣрный учитель, совершенно есть мудръ, праведенъ и благъ. Какоежъ изъ того послѣдствіе?--Убо всѣ распредѣленія его промысла должны быть сообразны нашимъ о правдѣ, премудрости и благости его умопредставленіямъ. Но не выводя еще таковаго слѣдствія, пусть онъ прежде докажетъ, что человѣкъ есть столь же совершенъ, премудръ, сколько и Творецъ его. Надлежитъ на противъ того заключить, что распредѣленія существа совершеннаго и премудраго должны казаться неосновательными, и может быть неправедными существу исполненному невѣденія и несовершенства. Мнимая ихъ невозможность можетъ быть даже признакомъ ихъ истины, и нѣкоторымъ образомъ оправдать сіе благочестиваго восторга изреченія: *вѣрую по тому*

самому, что не возможно: (credo, quia impossibile.) Да и удивительно ли, что мы не въ состоянїи постигнуть духовныхъ разпредѣленїй Всемогущаго; когда вещественныя его творенїя столько же для насъ непостижимы? взоръ нашего разума не можетъ проникнуть въ дивныя свойства вещества, каковы суть: тяготѣнїе, притяжанїе, упругость и електрическая сила, ниже въ сущность самаго вещества. Можетъ ли изъяснить намъ разумъ, какимъ образомъ свѣтлый шаръ солнца наполняетъ кругъ, заключающїй въ своемъ попорешникѣ многїя миллїоны верстъ, безпрестаннымъ разлитїемъ преемственныхъ лучей, въ продолженїе нѣсколькихъ тысящь лѣтъ, безъ малѣйшаго ущерба въ солнцѣ и безъ малѣйшаго умноженїя въ тѣлахъ, на которыя падають лучи, безпрерывно другъ друга поглощая? Изъяснитъ ли намъ разумъ, какъ сїи лучи, пущенные съ гораздо большею быстротою, чѣмъ пушечное ядро, могутъ поражать нѣжнѣйшїя орудїя чувствъ, не причиняя имъ никакой боли? или какими средствами сїе едино сотрясенїе живописуетъ въ невещественной душѣ образы отдаленныхъ предметовъ? Откроетъ ли

намъ, какъ могутъ соединяться сущности вещественныя съ невещественными; или какимъ образомъ тѣлесныя раны производятъ въ душѣ чувствованія болѣзни, а скорбь душевная изнуряетъ, и разрушаетъ тѣло? Что сіи дивности существуютъ въ природѣ, сіе очевидный и неоспоримый опытъ утверждаетъ. Но какимъ образомъ существуютъ? сіе для насъ столь же не понятно, какъ и самыя высокія тайны Откровенія. Словомъ, мы видимъ столь ограниченную часть великаго цѣлаго, столь мало знаемъ объ отношеніи настоящей жизни къ предъидущему и послѣдующему ея состоянію; столь слабое имѣемъ свѣденіе о естествѣ Божіемъ, о свойствахъ и образѣ бытія его; столь мало разумѣемъ планъ физическій, а еще меньше того нравственный, на коемъ основана вселенная, что ежели бы Откровеніе Высочайшаго Существа, касательно таковыхъ предмѣтовъ, было приспособлено къ нашимъ умамъ, то бы намъ могла подозрительною казаться Богописанность онаго. Когда бы сіе Откровеніе было менѣе непостижимо; то можно нѣкоторымъ образомъ утверждать, что оно былобы неимовѣрнѣе.

Но не буду входить въ раздробленіе сихъ отвлеченныхъ и трудныхъ умозрѣній. Разбирательство оныхъ въ семъ краткомъ сочиненіи было бы очень скучно и отяготительно для таковыхъ читателей, для которыхъ оно предназначено.Ето суть всѣ занятые дѣлами или безъ дѣлъ люди, кои все время и всѣ мысли свои обращаютъ на свѣтскія упражненія, или гоняются за удовольствіями, честями, и прихотьми, которые о сей Религіи то токмо знаютъ, что они собрали мимоходомъ и по случаю въ несвязныхъ бесѣдахъ и поверхностномъ чтеніи, и не обдумавъ заключаютъ, что яко бы Откровеніе, основанное на столь странной, столь неправдоподобной исторіи, столь неимовѣрное въ своихъ догматахъ, столь неисполнимое въ своихъ правилахъ, не можетъ быть, какъ токмо обманъ и хитрая выдумка политики, жрецовъ и Государей, которые тщательно хранятъ ее, какъ бы машину искусно здѣланную, для вперенія страха и повиновенія въ суевѣрномъ народѣ. Соразсуждать съ таковыми слушателями о таинствахъ Христіанской Религіи, значитъ съ глухимъ разглагольствовать

о музыкѣ, или со слѣпымъ о красотахъ живописи. Они не имѣютъ ни какихъ понятій, относящихся къ сей матеріи; слѣдовательно не льзя ихъ и вразумить объ ней. Для понятія сихъ высокихъ истинъ надлежало бы прежде всего умамъ ихъ образоваться, и предуготовиться уединеннымъ размышленіемъ, совершеннымъ удаленіемъ отъ всѣхъ душеразвлекательныхъ дѣлъ, тѣлесною немощію, напастьми и нещастіями, а наипаче таинственнымъ вліяніемъ Божія благодати. Безъ сихъ предуготовительныхъ пособій, безъ основательнаго знанія и извѣстной степени вниманія, не возможно имъ въ сей Религіи ничего усмотрѣть и познать, постигнуть и объять живою вѣрою. Ежели выдаютъ себя за вѣрующихъ, то другихъ прельщаютъ; ежели мнятъ быти вѣрующими, то сами себя прельщаютъ.

Сей родъ людей подлинно судитъ соразмѣрно своимъ познаніямъ. Ежели они одарены и острымъ умомъ, но весь предали дѣламъ и заботамъ свѣта; то не могутъ они разсуждать иначе, и всегда должны возставать противъ исторіи и догматовъ сея Религіи. Проповѣдь о

распятомъ Христѣ была для Іудеевъ соблазнъ, а въ очахъ Еллиновъ казалась безуміемъ. 1 Корин. гл. 1. ст. 26 Таковое о себѣ понятіе Христіанская Религія должна съ начала вселить во всѣхъ тѣхъ, которые судятъ по введеннымъ предразсудкамъ ложной учености и поверхностнымъ знаніямъ. Кто неспособенъ слѣдовать связи и порядку ея пророчествъ, зрѣть красоту и справедливость ея заповѣдей, проникнуть въ дивности сихъ небесныхъ распредѣленій: тотъ не можетъ иначе мыслить о семъ откровеніи, какъ объ отрывочномъ и смѣшенномъ собраніи выдумокъ и нелѣпостей.

Ежели меня вопросятъ, не уже ли Христіанство опредѣлено токмо для ученыхъ Богослововъ и глубокихъ Философовъ? въ отвѣтъ скажу: нѣтъ. Съ начала оно было проповѣдано людьми неучеными; и вся исполнительная онаго часть, которая въ немъ есть самая нужнѣйшая, довольно вразумительна самымъ ограниченнымъ умамъ. Но не льзя сего утвердить о доказательствахъ достовѣрности онаго. Они зависятъ отъ другихъ частей умозрительности, открывающихъ нашимъ изслѣ-

дованіямъ неизмѣримое поле новыхъ познаній о сущности свойствъ Божества и о распредѣленіяхъ его; толикое множество статей не возможно постигнуть безъ нѣкотораго знанія и безъ великаго вниманія. Большая часть лишены сихъ свѣденій; слѣдовательно въ основаніяхъ своея вѣры должны они ссылаться на другихъ. По сему то, можетъ быть, вѣра или покорность служителямъ Церкви толико похваляется во Евангеліи. Дѣйствительно, ежели люди требуютъ доказательствъ, которыхъ они сами понять не въ состояніи; и ежели не имѣющіе ни какихъ свѣденій о семъ важномъ предмѣтѣ не хотятъ вѣрить снискавшимъ оныя: то непросвѣщенные и недальновидные всѣ должны оставаться въ невѣрствіи Но сей родъ людей долженъ привесть себѣ на память, что во всѣхъ наукахъ, даже и въ Математикѣ истины съ перваго взгляду кажутся несбыточными проницательнѣйшимъ умамъ, сею наукою не упражненнымъ; но по довольномъ разсмотрѣніи подходятъ къ самымъ строгимъ доводамъ. Такимъ образомъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ безъ довольной науки и испытанія, ни чего не

льзя рѣшить, никакъ не можно полагаться на одинъ токмо разумъ, не подкрѣпленный нужными къ тому свѣденiями. Изъ сего должны они по крайней мѣрѣ заключить то, что имъ столь же возможно обмануться въ невѣрiи, не имѣя ни какого понятiя о Христiанствѣ; сколько по ихъ мнѣнiю, и оные великiе вожди разума и свѣтила наукъ, Гроцiй, Баконъ, Невтонъ, Баиль, Локкъ, Адиссонъ и Литтельтонъ, послѣ тщательнѣйшихъ и глубочайшихъ изслѣдованiй о достовѣрной подлинности памятниковъ онаго, о исполненiи пророчествъ, о изящности догматовъ и чистотѣ заповѣдей Евангелiя, и послѣ прилѣжнѣйшаго розыска всѣхъ учиненныхъ невѣрцами возраженiй, могли обманываться въ твердомъ своемъ вѣрованiи Откровенiю; вѣрованiи, которое они засвидѣтельствовали свѣту своими писанiями не изъ инаго побужденiя, какъ токмо изъ своего уваженiя къ истинѣ, и изъ ревности своей о пользахъ человѣчества.

Ежели прочтенiе сихъ не многочисленныхъ страницъ можетъ нѣчто присовокупить къ тѣмъ сокровищамъ, коими сiи ученые писа-

шели обогатили вселенную; ежели онѣ столько будутъ щастливы, что склонятъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ мѣлкихъ Философовъ, больше довѣрять онымъ важнымъ свидѣтельствамъ, нежели своему собственному мнѣнію; ежели онѣ сильны увѣрить ихъ, что Христіанство при всѣхъ неблагопріятныхъ наружностяхъ, не можетъ быть обманомъ или заблужденіемъ; ежели побудятъ ихъ вникнуть въ сію Религію съ достодолжнымъ вниманіемъ, или по крайней мѣрѣ, (когда сіе упражненіе покажется для нихъ весьма скучнымъ,) не будутъ отвергать ее столь не основательно и безъ всякаго разсмотрѣнія: то я достигъ цѣли, для которой трудился надъ сочиненіемъ сей первой части.

Я бы могъ легко оную распространить, и знатно увеличить, войдя въ подробнѣйшее розъисканіе доказательствъ къ тому употребленныхъ, и новыхъ видовъ по сей части открытыхъ. Но тогда бы люди, преданные смятенію дѣлъ, не имѣли свободныхъ часовъ прочести оную; а нерадивые читатели не имѣли бы къ сему охоты. Ежели когда нибудь сіе сочиненіе удосто-

ится быть предъ глазами ихъ; то не сомнѣваюсь, что бы сіи господа тотъ часъ не отозвались, что оно должно быть произведеніемъ какого либо *Ентузіаста* или *Педанта*, человѣка ничего незначущаго или безумнаго. И такъ смѣю ихъ увѣрить, что сочинитель, какъ не льзя больше, удаленъ отъ того и другаго; что, можетъ быть, нѣкогда въ большемъ нежели они, находился безвѣріи; но возымѣвъ нѣсколько досугу; а еще болѣе любопытства, употребилъ оныя на рѣшеніе вопроса, казавшагося ему достойнымъ вниманія: *Христіанство* не есть ли, какъ многіе полагаютъ, обманъ основанный на нелѣпой, неимовѣрной и старинной баснѣ? или оно въ самомъ дѣлѣ есть Откровеніе, сообщенное человѣческому роду силою вышеестественною?

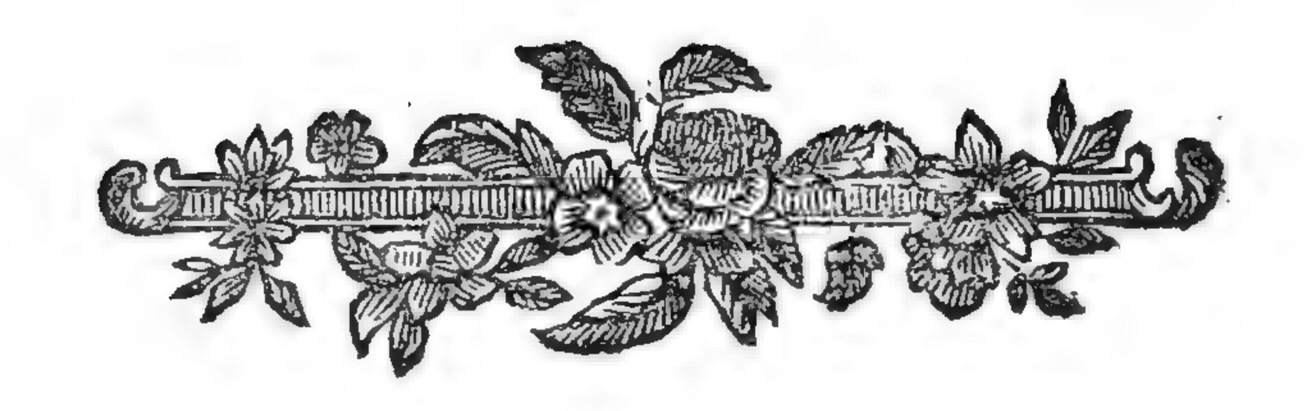
Чистосердечно вдавшись въ сіе изслѣдованіе, онъ скоро нашелъ, что первое предположеніе есть чистая невозможность; и что Христіанская вѣра воистинну такова, каковою она непщуетъ быти. Продолжая сіе изслѣдованіе, онъ при каждомъ шагѣ зрѣлъ новый раждающійся свѣтъ, иногда изъ самой темноты возникали лучи блиста-

тельнѣйшіе, и доставляли ему яснѣйшія доказательства; поелику изобрѣтеніе оныхъ равно превосходитъ силу лживости человѣческой, какъ и открытіе ихъ превосходитъ силу разума. Всѣ сіи доказательства, убѣдившія его въ божественности сея Религіи, и ея происхожденія, онъ собралъ здѣсь, и привелъ въ яснѣйшій и кратчайшій порядокъ, въ надеждѣ, что они произведутъ таковое же впечатлѣніе на другихъ умахъ; и искренно будучи увѣренъ, что ежели находится въ мірѣ нѣсколько истинныхъ Христіанъ, то сіе будетъ для нихъ величайшею выгодою, безъ всякаго впрочемъ подрыва основанію земнаго благоустройства.

Конецъ первой части.

СОЗЕРЦАНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОЗЕРЦАНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

ЧАСТЬ II.

Религія Христіанская разсматриваемая въ ея нравоученіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ признаютъ за несомнительную истину, что законы суть твердѣйшее основаніе міра и благосостоянія общественнаго. Процвѣтаетъ и блаженствуетъ народъ, когда каждый общества членъ жертвуетъ закону и благу общему, которое есть цѣль и предмѣтъ закона, своими выгодами и прихотями.

На противъ того погибло Государство, или близко къ своему паденію, когда въ немъ законы презрѣны,

когда они ни кого не устрашают, когда можно их нарушать без наказанія, когда преступленіе оных даже и в безчестіе не вмѣняется. Ето есть тѣло, коего всѣ уды ослаблены, которое приходит в безсиліе и разстройство, и от малѣйшаго потрясенія может разрушиться. Оно удобно дѣлается добычею перваго хищника; и хотя бы туча покушеній и насилія не угрожала ему извнѣ; но внутри самаго себя носит гибельное начало раззоренія и смерти. Убо все клонящееся к уничиженію законов, к ослабленію их силы, к лишенію их народнаго уваженія и довѣренности, есть бичь человѣчества, и скоро укрощен быть не может.

Но ежели наблюденіе человѣческих законов есть крѣпчайшій узел, и надежнѣйшее ручательство тишины и благополучія держав; то сколько еще выгоднѣе для Государей и народов, привести в уваженіе высочайшій закон, который есть изъясненіе естественнаго и непремѣннаго порядка; который предшествует всѣм общежитіям, всѣм договорам человѣческим; который служит основаніем и мѣрилом всѣм прочим законам, праведным и по-

лезнымъ; который знаменуетъ ихъ священною печатїю истины, и даетъ имъ съ прочностїю право, покарять насъ своимъ рѣшенїямъ и власти? безъ сего первоначальнаго закона, источника и образца всякїя правды, учрежденїя законодателей суть токмо скучное и безполезное иго, ложныя или произвольныя правила.

Когда всякой народъ ревностно охраняетъ законы, которыя не всегда были, и не всегда пребудутъ, которые по выгодамъ своимъ и мудрости, или по легкомыслїю своему и непостоянству самъ можетъ ограничить, совсѣмъ отмѣнить, и на мѣсто ихъ постановить новые; то съ какимъ тщанїемъ и неусыпностїю долженъ онъ защищать законъ верховный, который не боится ни непостоянства людей, ни своенравїя законодателей, ни преобращенїя вѣковъ; законъ непремѣнный, который окрестъ себя зритъ все измѣняющимся, нравы, обыкновенїя, пользы народовъ, самъ же всегда одинаковъ, и ни чего не можно ни убавить въ немъ; ни прибавить; законъ все общїй, который предсѣдитъ во всѣхъ судилищахъ мїра; подчиняетъ своимъ опредѣленїямъ людей всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ?

Наконецъ ежели могущество народное всегда стоитъ на стражѣ для утвержденія власти гражданскихъ законовъ, для поддержанія уваженія къ нимъ и покорности, для обузданія неистовства злодѣевъ, дерзающихъ презирать и нарушать оные: то можетъ ли оно зрѣть спокойнымъ и равнодушнымъ окомъ, когда законъ естественный, не говорю, нарушается людьми слабыми или порочными, но явно опровергается нечестивыми системами, находится въ поруганіи мятежнической секты, и безславится дерзскими и безчинными писателями, которые не престаютъ изображать его въ видѣ предразсудка и сумазбродства?

Однако онъ воздвигаетъ Государямъ престолъ въ совѣсти ихъ подданныхъ; онъ даетъ покорности и повиновенію народовъ неоспоримое начало и основаніе непоколебимое. Онъ есть источникъ истинной любви къ Отечеству, чистосердечія, великодушія и благотворительности; и сіи добродѣтели оживляетъ чистыми и неизмѣнными побужденіями. Ему только принадлежитъ, частныя уморасположенія и выгоды каждаго гражданина соединять тѣ-

снѣйшею связїю съ благомъ общимъ, съ пользою цѣлаго общества.

Законъ естественный преимущественно истребляетъ и упреждаетъ злодѣянїя; онъ больше заставляетъ исполнять добродѣтели, нежели надежда человѣческихъ наградъ, или страхъ наказанїй, оканчивающихся съ сею жизнїю. Онъ и тѣхъ устрашаетъ, которые другихъ законовъ не токмо не боятся, но еще презираютъ ихъ прещенїя и угрозы. Онъ заставляетъ блѣднѣть порочнаго даже во мракѣ или на престолѣ.

Что по томъ будутъ власть и правосудїе въ Государяхъ; покорность, вѣрность, любовь къ общественному благу въ подданныхъ; ежели законъ естественный, служащїй подпорою и побужденїемъ симъ великимъ выгодамъ, симъ главнымъ должностямъ, презрится, уничижится, и попранъ будетъ ногами? Можемъ ли тогда статься, чтобъ первые управляли съ мудростїю и кротостїю; а вторые съ благоговѣнїемъ сносили иго подчиненности и повиновенїя: ежели и тѣ и другїе заражены сими пагубными заблужденїями, что добродѣтель и порокъ суть токмо пустыя имена; что называемое должностями есть

дѣло одной благопристойности; что различїе справедливости и несправедливости есть вымыселъ человѣческїй; что мы не можемъ имѣть другаго правила, кромѣ нашихъ склонностей, ни другаго конца, кромѣ нашихъ выгодъ?

Система ненавистная! которая однимъ разомъ разрываетъ всѣ узы общежитїя; которая законному начальству оставляетъ токмо силу и могущество вредить; а въ верховной власти зритъ токмо древнее насильственное завладѣнїе; которая повиновенїю народовъ не представляетъ инаго побужденїя, кромѣ корысти или страха; и такимъ образомъ испровергнувши крѣпчайшую преграду прихотямъ и неистовству самовластїя, дерзости и нечестїю безначалїя, отворяетъ врата мятежамъ и раздорамъ, и пролагаетъ пути ужаснѣйшимъ нещастїямъ.

Система безумная! которая, подъ предлогомъ освобожденїя меня отъ тяжкаго и скучнаго ига, отъемлетъ у меня вмѣстѣ съ пособїями, каковыхъ я ожидалъ отъ подобныхъ себѣ, право просить оныхъ, и искать.

Система нечестивая и лютая! которая, вооружая меня противъ виновника и начальника моего бытїя,

лишаетъ меня нужнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ благъ; а въ замѣну того обѣщаетъ токмо буйную и нещастную независимость.

Возможно ли, чтобы люди чествующіе себя именемъ любомудровъ, выдающіе себя за учителей и благодѣтелей человѣчества, были столько безразсудны, чтобъ потрясать коренное основаніе естественнаго права, восхищать у добродѣтели сильнѣйшее ея побужденіе и подрывать твердѣйшую подпору; что бы расторгать узду, которая токмо одна можетъ укротить порокъ, и остановить стремленіе страстей?

Новые Лукреціи, они во вселенной видятъ токмо произведеніе или игру случая, слѣпыхъ и необходимыхъ сцѣпленій; а въ нравственности смѣшенное скопище тягостныхъ и безполезныхъ правилъ; въ законѣ естественномъ предразсудки младенчества, или постановлеще нашихъ договоровъ; въ Государяхъ искусныхъ хищниковъ нашей свободы, которые хитростію или насиліемъ посаждены на престолѣ, и которые силою могутъ также быть и низринуты; въ под-

данныхъ угнѣтаемыхъ рабовъ долженствующихъ искать своей свободы, и свергнуть съ себя иго, ежели то учинить могутъ ненаказанно.

Ежели бы сіи ужасныя начала представлены были безъ прикрасы и въ естественномъ ихъ безобразіи; тобы они произвели ужасъ, и противъ себя возмутили бы всѣ мыслящія существа, надъ коими разумъ и честность еще нѣсколько дѣйствуютъ.

И такъ ихъ прикрываютъ наружностями меньше отвратительными; но сквозь сіе обманчивое покрывало легко видѣть можно, къ чему клонятся сіи пагубныя предположенія; какія неустройства могутъ отъ нихъ возникнуть въ чинѣ Религіи и общежитія; какія странныя превращенія введутъ они въ святѣйшія уложенія; чего должно ожидать отъ того народа, гдѣ умы вообще упоены сими мерзостными заблужденіями. Едино умопредставленіе о законѣ естественномъ, о Богѣ праведномъ и всемогущемъ, можетъ служить уздою страстямъ; по разорваніи сего оплота, должно страшиться ужаснѣйшихъ наводненій; общество разстроится и рушится.

И такъ нѣтъ ничего пагубнѣе сихъ отважныхъ и нечестивыхъ мнѣнїй, стремящихся на ниспроверженїе нравственности, на изглажденїе въ умахъ различїя справедливости и несправедливости. Слѣдовательно нужно открыть и утвердить начала, на которыхъ возлежатъ законы, нравы, общество; и которыхъ не знать или отвергать человѣкъ не можетъ, не дѣлаясь чрезъ то несправедливымъ, порочнымъ въ сей жизни, и нещастливымъ въ будущей.

Мы постановимъ начало столь же простое, какъ и обильное, изъ коего естественно происходятъ всѣ правила нравственности, и праведное мѣрило всѣхъ должностей.

Но не довольно утвердить истинное начало естественнаго законоположенїя, положить прочное основанїе нравственности; вывести изъ онаго главныя человѣка обязанности въ отношенїи къ Богу, къ себѣ самому и ближнему: надлежитъ сверхъ того представить ему побужденїя довольно сильныя, чтобъ изъ сихъ истинъ составилъ онъ правило своихъ чувствованїй и поведенїя. Законъ естественный скоро бы учинился игралищемъ злыхъ людей, ежели бы онъ человѣку показывалъ только

должности его, а не имѣлъ ни наградъ для ободренія его вѣрности, ни истязаній за преслушаніе.

Хотя естественное законоположеніе и должности онымъ предписанныя основаны на разумѣ; не должно однако мыслить, что не имѣющій другаго свѣтильника кромѣ сего, акибы можетъ совершенно познать естественное право, и извлещи изъ него довольно рѣшительныя и точныя правила для управленія мыслей своихъ, движеній и путей. Опытъ всѣхъ мѣстъ, и всѣхъ вѣковъ, надъ коими не возсіялъ свѣтъ вѣры, доказываетъ тому противное. Разумъ одобряетъ правила справедливости, когда они ему будутъ показаны. Тогда онъ открываетъ соразмѣрность и соотношенія оныхъ съ желаніями и нуждами человѣка. Онъ даже удивляется и изумленъ бываетъ, что столь важныя и столь нужныя истины были сокрыты отъ свѣденія величайшихъ умовъ языческой древности. Но ежели онъ еще не совсѣмъ развращенъ гордостію; то легко сознается, что чистѣйшимъ своимъ просвѣщеніемъ обязанъ единой вѣрѣ; и что безъ сего вышняго пособія онъ былъ бы навсегда погруженъ или въ ужасной тьмѣ,

или въ самыхъ печальнѣйшихъ сомнѣніяхъ..

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Истинныя начала утверждаются на первомъ основаніи нравственности.

ЧЛЕНЪ ПЕРВЫЙ.

Нужно повѣрять частныя должности съ первыми началами нравственности.

Нѣтъ ничего полезнѣе человѣку, какъ восходить часто къ первому источнику своихъ должностей. Онъ будучи по природѣ ненавистникъ зависимости, легко увѣряетъ себя, что законы суть иго сколь безполезное, столь же и скучное; и что по намѣренію законодателя не имѣютъ инаго конца, кромѣ самовластнаго принужденія его къ повиновенію. Или онъ явно возстаетъ противъ нихъ, или хотя по видимому и уступаетъ, но наружная его покорность не согласуется съ чувствованіями сердечными, и опорочивается ропщаніемъ. Для обузданія его сопрощивленій и непо-

корности, нужно сличить частныя обязанности съ первообразными и всеобщими понятіями, которыя служатъ основою всему зданію нравственности.

Тогда человѣкъ понимаетъ, что любимѣйшія его выгоды тѣсно соединены съ его должностями; что онъ не можетъ преступить однихъ, не пренебрегши другихъ; что преслушаніе дѣлаетъ его не только несправедливымъ, но и нещастнымъ. Онъ съ покорностію и уваженіемъ носитъ спасительныя и досточтимыя узы, которыя, ни мало не связывая его свободы, обезпечиваютъ его шествіе, и предохраняютъ отъ заблужденій.

Ежели когда нибудь нужно было утвердить должности, предписываемыя нравственностію сближеніемъ ихъ съ главными, простыми и непремѣняемыми положеніями, которыя всѣхъ умы поражаютъ своею ясностію; то наипаче въ сей вольнодумческій вѣкъ, въ которомъ дерзкое нечестіе, покрытое личиною любомудрія, становяся ежедневно наглѣе, силится исказить всѣ начала.

Оно аки бы отмщевая за разумъ, и предупреждая горшія посягательства суевѣрія и предразсудковъ,

колеблетъ святѣйшїя установленїя, и попираетъ ногами священнѣйшїя истины. Оно въ самыхъ ненарушимыхъ обязательствахъ зритъ токмо политическїя и самопроизвольныя договоры; въ вѣчныхъ законахъ одну токмо выдумку людей; въ управляющихъ, токмо честолюбивыхъ и хитрыхъ похитителей свободы; въ повинующихся, токмо безсильныхъ или невольниковъ, долженствующихъ свергнуть съ себя иго, при всякой возможности учинить то безъ наказанїя. Какими бы обманами оно ни прикрывало злаго своего умысла; но видно, что оно старается снять узду съ страстей, изгладить различїе между правдою и неправдою, испровергнуть до основанїя законъ естественный. Какихъ нещастїй не должно ожидать, ежели когда нибудь оно успѣетъ въ ужасныхъ своихъ замыслахъ? Осуществленїе ихъ причинитъ страшныя неустройства въ общежитїи: оно уничтожитъ всѣ добродѣтели, оправдитъ всѣ пороки, разтлитъ всѣ чувствованїя, распространитъ взаимную и общую недовѣрчивость, воцаритъ насильство и раздоры.-- Страсти уполномоченныя симъ пагубными началами, аки съ цѣпи

сорвавшіеся лютые звѣри, повсюду разнесутъ опустошеніе и ужасъ.

ЧЛЕНЪ ВТОРЫЙ.

Во всѣ времена нравственность імѣла непріятелей; какая причина сей противъ нея вражды?

Кто знаетъ приманки и владычество страстей; тому не удивительно, что нравственность имѣетъ нынѣ столько непріятелей. Да и какимъ образомъ людямъ порочнымъ и развращеннымъ любить законъ ревнительный о своихъ правахъ, который всегда глядитъ на ихъ дѣянія претящимъ окомъ, и налагаетъ на нихъ иго, проклинаемое ихъ гордостію; который хочетъ желанія ихъ и мысль покорить постоянному и безпокойному правилу; который предписываетъ не одну внѣшнюю благопристойность, а требуетъ еще болѣе чистоты сердца. Онъ есть безотвязный свидѣтель, строгій судія, коего проницательныя и грозныя взоры преслѣдуютъ виновнаго въ неприступнѣйшихъ свѣту мѣстахъ. Онъ отъемлетъ у него всѣ его удовольствія, или ихъ отравляетъ, пока-

зуя ему въ недальномъ будущемъ наказанія въ тысящу кратъ позорнѣе и страшнѣе, нежели каковыми угрожаютъ злодѣю человѣческія уложенія. Онъ обличаетъ его въ заблужденіяхъ и слабостяхъ; онъ тяготитъ его посрамленіемъ; приводитъ въ смятеніе и ужасъ даже тогда, когда онъ находится въ большей безопасности со стороны подобныхъ себѣ.

Таковая борьба между закономъ и страстями есть состояніе для человѣка весьма насильственное, и не можетъ быть продолжительно. Сердце, внутрь коего совершается столь утомительное позорище, ощущаетъ жесточайшія терзанія. Сіи внутреннія распри скоро становятся ему несносными. И такъ оно спѣшитъ выдти изъ столь болѣзненнаго положенія, и примириться съ самимъ собою. Ежели нѣтъ въ немъ столько мужества и возвышенности духа, чтобъ порочными своими склонностями пожертвовать должностямъ своимъ: то презираетъ должности, какъ пустой предразсудокъ, дабы безъ угрызеній совѣсти предаться склонностямъ. Правду почитаетъ вздоромъ, чтобъ избавить свой разумъ отъ труда

противоборствовать страстямъ своимъ, или отъ стыда допустить ихъ господствовать надъ собою. Оно обвиняетъ законъ боясь, что бы онъ не осудилъ его. Оно убѣгаетъ взоровъ его, и желало бы жить, какъ можно, далѣе отъ его присутствiя. И такъ оно охотно приклоняетъ ухо къ воплю сему, что законъ есть токмо предразсудокъ, или постановленiе нашихъ договоровъ. Насильно говоря себѣ самому и другимъ, что различiе между добродѣтелiю и порокомъ есть вымыселъ человѣковъ, можетъ быть оно въ томъ на конецъ и увѣрится.

Изъ сего то развращенiя возникло столько системъ нелѣпыхъ, столько мерзостныхъ положенiй, клонящихся къ испровершенiю нравственности. Всѣ нападавшiе на нее, дѣлали сiе не съ одинакимъ намѣренiемъ, и не съ одинакою дерзостiю. Одни, болѣе слѣпотствуя, и наглѣе будучи, разоряютъ до основанiя все зданiе нравственности. Они въ законахъ природы ни чего не видятъ кромѣ плода политики или общежительныхъ соглашенiй. Другiе, по видимому кленутъ сiе заблужденiе не меньше пагубное

сколько и безумное. Они признаютъ, что прежде составленія обществъ, находились правила твердыя и непремѣнныя. Но сохраняя уваженіе къ естественному законоположенію, они исказили священную оныхъ книгу, ослабили силу ея, и помрачили ясность. Охота къ новости, пристрастіе къ отважнымъ и необыкновеннымъ мнѣніямъ, предразсудки воспитанія, иногда корысть, тысяща другихъ побужденій сколько неправедныхъ, столько и дѣйствительныхъ, породили заблужденія, прямо противныя началамъ нравственности.

ЧЛЕНЪ ТРЕТІЙ.

Нравственность имѣетъ, по примѣру прочихъ наукъ, начала твердыя и извѣстныя.

Весма общъ многимъ предразсудокъ сей, что нравоученіе такибы толико ниже прочихъ наукъ извѣстностію, колико оно превосходитъ ихъ своею пользою и важностію. Многіе думаютъ, что умъ человѣческій, повсюду шествуя при свѣтѣ очевидности, здѣсь принужденъ довольствоваться догадками и прав-

доподобіями. Доказательства, разсѣвающія всѣ сомнѣнія, производящія полное убѣжденіе, имѣють, говорять они, мѣсто въ однихъ токмо умственныхъ наукахъ, какъ то въ Метафизикѣ, Геометріи и прочихъ имъ подобныхъ. По словамъ ихъ, вступя въ ученіе нравственности, должно на удачу пуститься; все въ ней сумнительно и неизвѣстно; нѣтъ ни твердыхъ началъ для точнаго изслѣдованія сей матеріи; ни надежнаго основанія, на которомъ бы можно водрузить систему извѣстныхъ и очевидныхъ истинъ.

Сей обидный для нравственности предразсудокъ весьма древенъ. „Что принадлежитъ до честнаго и справедливаго, говоритъ „Аристотель, то ты увидишь въ „людяхъ столь великое о семъ „предмѣтѣ разномысліе и столько „заблужденій, что иные вѣрили, „яко бы сіи вещи ни какого не „имѣютъ въ природѣ основанія, и „зависятъ единственно отъ положительныхъ законовъ. И такъ „при разсужденіи о таковыхъ веществіяхъ, не надобно дѣлать безполезныхъ усилій для достиженія „совершенной точности. Разсудливые мужи при разбирательствѣ

„каждаго предмѣта, требуютъ точ-
„ности столько, сколько позволяетъ
„требовать самой предмѣтъ; взы-
„скивать съ Оратора строгихъ
„доводовъ столь же будетъ не при-
„лично, сколько не прилично доволь-
„ствоваться одними простыми
„правдоподобіями въ умствованіяхъ
„Математики„ *О нрав: кн.* 1 *гл.* 1.

Древніе и новые Сцептики всемѣрно старались себя и другихъ увѣрить въ томъ, что разумъ человѣческій весьма слабъ и одержимъ густымъ мракомъ; что начала нравственности весьма неизвѣстны; что правила, каковыя можно составить изъ нихъ, суть плодъ различныхъ постановленій, и слѣдовательно такъ же произвольны, какъ и воля законодателей, или условія народовъ, отъ которыхъ они ведутъ свое начало.

Но ето суть ни чего не значущія слова: нравтсвенность, какъ и прочія науки, имѣетъ начала непремѣнныя и обильныя, изъ коихъ справедливыми и естественными послѣдствіями проистекаютъ всѣ должности человѣка. Да и можетъ ли статься, чтобъ Творецъ, даровавшій намъ способность открывать съ совершенною извѣстностію мно-

жество истинъ, отъ незнанія коихъ мы не меньше были бы праведны и щастливы, каковы суть Геометрическія истины; лишилъ насъ способности познавать съ таковою же очевидностію начала нравственности, которыя суть основаніе всѣхъ должностей Богомъ отъ насъ требуемыхъ, и которыхъ не можемъ мы ни не знать, ни опустить, не здѣлавшись чрезъ то порочными и нещастными? Таковое подозрѣніе было бы хула на благость и премудрость его.

Я ни какъ не сумнѣваюсь, говоритъ одинъ искренній писатель, чтобъ изъ истинныхъ предложеній чрезъ необходимыя и столь же неоспоримыя послѣдствія, каковыя употребляются въ Математикѣ, не можно было вывести истинныхъ мѣръ справедливаго и несправедливаго: ежели захотятъ разсмотрѣть нравственность съ таковымъ же вниманіемъ и безпристрастіемъ, каковое наблюдаютъ въ разысканіи Метафизическихъ задачь. *Локкъ о разумѣ человѣческомъ.* книг. IV. гл. III.

Въ словахъ сего любомудра нѣтъ ничего излишняго. Ибо для чего бы не можно правила жизни доказать

столь же твердо и ясно, какъ доказываются предложенія, служащія предмѣтомъ или основаніемъ въ другихъ наукахъ? Доказывать, значитъ утверждать предложеніе извѣстными началами, и показывать необходимую его связь съ сими началами: и можно ли сумнѣваться, чтобъ главныя предложенія естественнаго права не подходили къ доказательствамъ сего рода?

Кто съ раченіемъ упражняется въ нравственности, а притомъ умъ его не ослѣпленъ предразсудками, и неразтлѣнъ страстями; тотъ находитъ въ ней множество началъ совершенной очевидности. Таковы на примѣръ суть сіи коренныя положенія: что человѣкъ обязанъ почитать Творца своего, познавать его волю, повиноваться его законамъ; что онъ долженъ стараться о собственномъ своемъ совершенствѣ и благополучіи, тщательно убѣгать всего того, что можетъ унизить его бытіе, или зделать его нещастнымъ; помогать ближнимъ во всемъ, чего самъ отъ нихъ имѣетъ право требовать, и проч.

ЧЛЕНЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Неизмѣнныя истины, служащія правиломъ для всѣхъ умовъ, и основанiемъ для всѣхъ знанiй.

Но не довольно знать нѣкоторыя частныя правила нравственности; надобно еще восходить до сего первоначальнаго источника, объ которомъ всѣ должности разумныхъ существъ находятъ себѣ побужденiе и основу. Розыскъ сего одинаковъ съ розыскомъ истины. Чтобъ доказать истину съ совершенною очевидностiю, надобно преносить ее изъ свѣта въ свѣтъ, дабы вознести до того яснаго и простаго начала, коего сiянiю не льзя противиться; чтобъ должностямъ нравственности положить прочное основанiе, и отнять у страстей весь предлогъ; нужно разсматривать оныя въ самомъ первоначальномъ законѣ, которой, превыше всѣхъ постановленiй, дѣйствуетъ не заемною, но своею силою, и есть начало и образецъ всѣхъ законовъ, сосредоточiе, въ коемъ съединяются всѣ частныя обязанности.

Что бы найти сiе первое основанiе повсемственнаго законоположе-

нія, необходимо надобно выдти изъ сего чувственнаго міра. Ибо нѣтъ ничего благоразумнѣе, какъ въ образованіи обществъ и въ самопроизвольныхъ договорахъ человѣческихъ искать предначертанія имъ предшествующаго; поелику оно есть правило и образецъ оныхъ. Надлежитъ убо вознестися мысліею до того духовнаго міра, до коего призраки, помрачающія здѣсь нашъ умъ, и прельщающія воображеніе, досящи не могутъ.

Тамъ вопервыхъ увидимъ сіи общія истины, служащія правиломъ и свѣтомъ для всѣхъ умовъ; сіи всеродныя предложенія, коихъ ни какое разумное существо не можетъ ни отрицать ни опровергнуть; какъ, на примѣръ: ничтожество ни къ чему неспособно; надлежитъ прежде возъимѣть бытіе, и по томъ уже дѣйствовать; цѣлое больше своей части; ложное умствованіе есть злоупотребленіе разума; не можно изъ начала извлечь послѣдствія, въ ономъ не заключающагося; между данными двумя точками прямая линія есть самая кратчайшая; средоточіе совершеннаго круга равно отстоитъ отъ всѣхъ точекъ окружности. Сіи главнѣйшія пред-

ложенія и множество другихъ имъ подобныхъ замыкаютъ въ себѣ самихъ доказательство и очевидность. Несовѣщаніе людей установило оныя; и не зависитъ отъ нихъ перемѣнить оныя, или уничтожить. Они повсюду одинаковы, и повсюду служатъ правиломъ разума неизмѣннымъ. Не должно убо смѣшивать ихъ съ онымъ; ибо они управляютъ сужденіями его и дѣйствіями, упреждаютъ или поправляютъ его заблужденія.

Истины вѣчныя; они существовали прежде міра, прежде нежели было сотворено разумное какое либо существо для познанія оныхъ, прежде нежели образовался даръ словесности, и началъ изъяснять ихъ. Истины непремѣнныя; они переживутъ всѣ превращенія и разрушенія. Пусть вселенная возвратится въ ничтожество; пусть всѣ умы престанутъ созерцать ихъ; но сіяніе и очевидность истинъ не претерпятъ чрезъ то ни малѣйшаго затмѣнія.

Мы ясно видимъ, что онѣ неприступны всѣмъ человѣческимъ на нихъ посягательствамъ; что ни какая сила не можетъ ни погасить сего свѣта, ни покривить сего пра-

вила, ни уничтожить сихъ ненарушимыхъ положенiй. Посредствомъ ихъ нашъ умъ сличаетъ всѣ человѣческiя дѣянiя съ ихъ правилами, всѣ умствованiя съ первыми началами, всѣ творенiя, всѣ движенiя съ тайными и невидимыми соразмѣрностями, составляющими правильность и красоту; на конецъ всѣ вещи вообще съ неизмѣннымъ естества уставомъ.

Истины повсемѣстныя; онѣ въ однихъ и тѣхъ же началахъ соединяютъ людей живущихъ на обѣихъ конечностяхъ земли. Не смотря на разстоянiе мѣстъ и вѣковъ, не смотря на удивительное различiе пользъ или мнѣнiй, не смотря на страсти, своенравiе, непостоянство, и столько другихъ причинъ, положившихъ между вѣками и народами столь сильныя преграды; сiи истины суть общее вязло сближающее и съединяющее всѣхъ, коихъ безчисленныя обстоятельства, по видимому, раздѣлили навсегда. Онѣ крѣпко и неизмѣнно привязываютъ ихъ къ извѣстнымъ единообразнымъ точкамъ, отъ коихъ ни единъ ни когда не отступаетъ. Посредствомъ ихъ мы видимъ, говоримъ, судимъ, какъ и

тѣ дальные народы, о коихъ знаемъ только по имени и мѣстопребыванію.

Сіи простыя и безконечныя истины въ своемъ единствѣ заключаютъ людей, жившихъ за двѣ тысячи лѣтъ, и будущихъ намъ преемниковъ чрезъ неограниченный рядъ вѣковъ. Не всѣ равно ихъ понимаютъ; но нѣтъ существа разумнаго, которое бы сколько нибудь не участвовало въ ихъ свѣтѣ. Дикій Американецъ, какъ и Европеецъ; человѣкъ самой грубый, какъ и ученнѣйшій любомудръ, видятъ въ нихъ главныя и непремѣняемыя начала, служащія основаніемъ всѣхъ знаній. Они достаточны для всѣхъ существующихъ или возможныхъ умовъ. Въ духовномъ мірѣ они суть незаходимыя солнца, коихъ неистощимый свѣтъ, безъ измѣненія и ущерба, можетъ разливаться на безпредѣльную окружность.

„Сіи истины существуютъ „прежде всѣхъ временъ; и пребудутъ долѣе всѣхъ вѣковъ. Пусть „вселенная разрушится, и даже „уничтожится: пусть не будетъ „въ ней ни одного ума, могущаго „судить о сихъ истинахъ; но „истины сами въ себѣ не измѣнят-

„ся; такъ какъ лучи солнца и „тогда бы остались при своей „силѣ, когда бы всѣ люди лиши-„лись зрѣнія. Такимъ же образомъ „истины сіи непреложны: они не „могутъ ни измѣниться, ни изгла-„диться изъ нашей природы. При „всѣхъ усиліяхъ ума, невозможно „намъ усумниться о представлені-„яхъ сихъ понятій.

„Сіи общія и непреложныя по-„нятія суть правило моихъ суж-„деній. Я ни о чемъ не могу су-„дить, не снесясь съ ними; и я „невластенъ судить, противно ихъ „представленіямъ. Мои мысли не „только не могутъ поправить, или „перемѣнить сіе правило; но еще „сами, противъ воли моей, попра-„вляются симъ высочайшимъ пра-„виломъ; онѣ безотвѣтно подчинены „его рѣшенію. Сіе твердое и не-„измѣнное правило есть столько „врожденно, и столь близко къ „сердцу, что я хотѣлъ бы почесть „его моимъ собственнымъ суще-„ствомъ; но оно превыше меня: ибо „поправляетъ меня, улучшиваетъ, „дѣлаетъ недовѣрчивымъ къ самому „себѣ, и извѣщаетъ меня о моемъ „безсиліи.„ Фен: разсуж. о бытіи Божіемъ, ст. 175 и слѣд.

Гдѣ же сіи истины, созерцаемыя разумомъ? составляютъ ли часть меня самого? конечно нѣтъ; ибо они существовали, когда меня еще не было; и переживутъ не токмо меня, но и позднѣйшее потомство. Онѣ совершенны и неизмѣнны; а я несовершенъ, и подлежу различнымъ измѣненіямъ и превратностямъ. Онѣ представляются моимъ очамъ съ величествомъ, силою, сіяніемъ, коихъ ни какъ не льзя сравнить со слабостію и несовершенствомъ моего существа. Онѣ исторгаютъ у меня согласіе на ихъ рѣшеніе. Я ихъ вижу, съ ними совѣтуюсь, пользуюсь ихъ свѣтомъ; но они не мое произведеніе. Мнѣ доказательно кажется, что имѣютъ начало гораздо вышшее моего разумѣнія. Онѣ имѣютъ естественное и непосредственное отношеніе къ верховному Существу. Отъ непремѣнности сущности его, отъ исполненія его свѣта заимствуютъ онѣ свой характеръ; или точнѣе сказать, они суть самое безпредѣльное существо, та самая истина, которая открывается мыслящимъ тварямъ, по мѣрѣ и степени, назначеннымъ ея мудростію.

Въ семъ то главномъ началѣ

соединяются всѣ частныя истины, такъ какъ лучи круга сближаются съ средоточіемъ, общимъ ихъ началомъ. Чемъ чаще восходимъ умственно къ ихъ источнику, тѣмъ онѣ яснѣе бываютъ. Тогда ощутительнѣе ихъ свойство, ихъ порядокъ и взаимное отношеніе. Получа въ семъ источникѣ крайній степень возможной имъ очевидности, истекаютъ онѣ оттуда какъ изъ Океана свѣта, разливаясь по всему пространству духовнаго міра, осіявая и оживляя всѣ умы.

Кратко сказать, сіи истины суть не иное что, какъ всеобщій и всеобъятный разумъ, отъ исполненія и единства коего питаются всѣ умы. Всѣ его созерцаютъ; но никто не можетъ сокрыть его свѣта отъ другихъ. Всѣ имъ обладаютъ, но не страшатся совмѣстниковъ, потому что сіе стяжаніе не изъ числа тѣхъ, которыя оскудѣваютъ чрезъ сообщеніе и удѣлъ. Всѣ имъ пользуются, но обиліе его не истощевается.

Въ семъ высочайшемъ свѣтѣ всего яснѣе усматриваю существенную красоту, совершенный образецъ, и постоянное правило, служащее размѣромъ художествамъ, наукамъ,

всему тому, что можетъ принять на себя порядокъ и соразмѣрность. Ибо откуда бы родилось во мнѣ понятїе столь различное отъ моего существа, столь отдаленное отъ всего мною зримаго или во мнѣ самомъ, или въ другихъ? Естьли нѣтъ ни чего выше меня; то какъ бы я могъ мыслить о томъ, что безконечно превосходитъ мою природу.

Вотще отвѣтствовали бы, что сїе величественное понятїе есть плодъ размышленїй человѣка, о собственныхъ его недостаткахъ, или несовершенствахъ другихъ существъ. Напротивъ извѣстно, что мысль самая о верховномъ совершенствѣ открываетъ, чего намъ и другимъ не достаетъ. Безъ сего перваго правила и перваго образца мы не умѣли бы отличить ни зла отъ добра, ни хуждшаго отъ лучшаго. Надобно во всякомъ родѣ познавать совершенство, дабы судить о несовершенствѣ. Такимъ то образомъ судятъ о живописи, о зодчествѣ, о сочиненїяхъ. Естьли не разумѣютъ существенныхъ принадлежностей сихъ вещей: то не могутъ видѣть въ нихъ недостатковъ. Начала вѣры, томъ 1, часть 1, глава 3. членъ 7.

ЧЛЕНЪ ПЯТЫЙ.

Движенія воли, такъ какъ и дѣйствія разума, покорены непреложному правилу.

Но сіе высочайшее правило простирающееся до всѣхъ видовъ красоты, до всѣхъ соразмѣрностей и приличій, служащее образцемъ всему, охуждающее все отдаляющееся отъ него, показующее степени приближенія къ нему, преклоняющее всѣ умы судить о вещахъ, какъ само оно судитъ; сіе правило, говорю, властвуетъ ли только надъ однимъ разумомъ человѣковъ, а сердце ихъ пребываетъ независимо отъ его законовъ? твердыя и непремѣняемыя его начала уже ли касаются только до художествъ и наукъ; а нравственность, гдѣ заблужденіе гораздо опаснѣе, предоставлена превратностямъ и ограниченности ума?

Удались отъ насъ толико странная мысль! Сіе правило не токмо непреложно, но и всеобщее; ему безъ исключенія подчинено все удобное къ принятію стройности, точности и правильности. Движенія нашего сердца не менѣе отъ

него зависятъ, какъ мысли и дѣйствія нашего ума. Оно первенствуетъ въ нашихъ сужденіяхъ; оно должно управлять и нашими хотѣніями. Отъ сообразности съ симъ первымъ образцомъ наши дѣянія и наши нравы заимствуютъ всю свою доблесть и правоту Изъ сего то источника проистекаютъ всѣ должности, все то, что ни есть мудраго и справедливаго въ законахъ положительныхъ, и право покаряющее насъ ихъ власти. И такъ есть извѣстныя и неизмѣняемыя правила, управляющія движеніями воли. Таковы суть, между прочими, слѣдующія положенія: что не должно дѣлать другимъ того, чего сами не желаемъ терпѣть отъ нихъ; что благодѣянія заслуживаютъ признательность; что душа превосходнѣе тѣла; что чувства должны быть покорены разуму; что надобно быть вѣрну въ своихъ обязательствахъ, и проч.

Сіи начала извѣстны всѣмъ людямъ, только въ различныхъ степеняхъ. Просвѣщенные народы больше обращали на нихъ вниманія, и болѣе оттуда извлекли слѣдствій. Другіе бываютъ болѣе или менѣе грубы, судя по тому, что

одни не столько, сколько другїе небрегли о образованїи ума и воли. Но не можетъ быть общества между людьми, гдѣ бы не знали сихъ началъ, или бы понятїя о нихъ были вовсе погашены; точнѣе сказать, существо, не имѣющее никакого понятїя о сихъ коренныхъ правилахъ, было бы совершенно отлично отъ человѣка.

Но таковая степень невѣжества несовмѣстна человѣческой природѣ. Страсти сколько бы ни владычествовали надъ сердцемъ человѣка, но не возмогутъ совершенно пресѣчь сообщенїя съ правдою. Мыслящїя существа во всѣхъ мѣстахъ, во всѣхъ вѣкахъ какъ бы прикованы къ неподвижному нѣкоему средоточїю. Сїя высочайшая правда о важнѣйшихъ предмѣтахъ влагаетъ въ нихъ единообразныя и непремѣняемыя мысли. Она причиною, что люди при всемъ ихъ развращенїи еще не дерзали открытно присвоять пороку имя добродѣтели, и принуждены принимать на себя личину справедливыхъ, чистосердечныхъ, кроткихъ и благодѣтельныхъ, дабы привлечь къ себѣ уваженїе другихъ. Ни рука мощнаго злодѣйства, ни рука самаго времени не могутъ разрушить сей вѣчной

преграды истины и правды.

Внутренній учитель, котораго нарицають разумомъ, упрекаетъ насъ во грѣхѣ съ совершенною властію. Онъ не терпитъ сего, и умѣетъ укротить самое наглое безстудіе. Послѣ толикихъ вѣковъ необузданнаго владычества порока, добродѣтель всіо еще именуется добродѣтелію; и сего наименованія ни одинъ лютѣйшій и безразсуднѣйшій врагъ лишить ее не можетъ. Такимъ образомъ порокъ, хотя торжествуетъ въ мірѣ, принужденъ скрываться подъ личиною лицемѣрія и мнимой честности, дабы привлечь къ себѣ уваженіе, котораго онъ не смѣетъ ожидать, показавшись въ собственномъ видѣ. Порочнѣйшіе люди не могутъ дойти до того, чтобъ изгладилось въ нихъ понятіе о истинной добродѣтели. Еще не было на земли такого человѣка, который бы возмогъ другихъ, или себя самаго увѣрить въ томъ, что равно или еще почтительнѣе, быть обманчивымъ, нежели праводушнымъ, быть вздорливымъ и коварнымъ, нежели кроткимъ и благотворительнымъ. Фен. разсуж. о быт. Бож. стр. 188 и слѣд.--Но естьли вы отвергаете сіе первоначальное

правило, предшествующее всѣмъ установленіямъ; то добродѣтель уже есть пустое имя, и ужаснѣйшія продерзости явятся ни злыми, ни добрыми дѣлами. Вопросимъ здѣсь послѣдователя Гоббезіева; должно ли почитать своего отца, быть вѣрну въ своихъ обязательствахъ, благодѣяніямъ отвѣтствовать признательностію? онъ безъ запинанія скажетъ, что сіи должности существенны, и необходимы. Поступимъ далѣе, и еще вопросимъ: сіи обязанности естественнымъ ли и непремѣняемымъ закономъ суть предписаны; или, будучи сами въ себѣ произвольны; одолжены своимъ бытіемъ непринужденнымъ договорамъ людей? Естьли признательно скажутъ, что сіи обязанности сами по себѣ суть дѣйствительны и непремѣнны; а пороки, независимо отъ человѣческихъ узаконеній, несправедливы и отвратительны; такъ пусть намъ изъяснятъ, почему вѣрность, благодарность, сыновняя любовь почитаются добродѣтелями; а вѣроломство и оскорбленіе, причиненное родителю, пороками; (когда нѣтъ закона одни предписывающаго, а другіе осуждающаго): или почему существовали законы преж-

де, нежели люди составили общества, и сопряглись взаимными соглашеніями?

Гдѣ тотъ законъ, который прежде всѣхъ установленій предписываетъ мнѣ уваженіе къ моимъ родителямъ, вѣрность къ друзьямъ, признательность къ благотворителямъ; и который выдаетъ меня за несправедливаго и преступника, когда я предаюсь противнымъ порокамъ? гдѣ книга содержащая оный? гдѣ законоположникъ и издатель? конечно, законъ сей начертанъ на сердцѣ самимъ отцемъ природы. И такъ сознаемся, что первѣе всѣхъ установленій, всѣхъ соглашеній, существуетъ законъ, которой одни дѣянія предписываетъ, а другія возбраняетъ; ибо онъ былъ послѣдствіе человѣческой природы до ея созданія. Сей законъ есть не иное что, какъ отсвѣтъ и изтеченіе вѣчнаго закона.

Послѣдователь Гоббезіевъ, избѣгая признательности, могущей испровергнуть всю его систему, можетъ отвѣтствовать, что вѣроломство, неблагодарность, насиліе, и другія преступленія не запрещаются ни какимъ закономъ природы; а не позволительны для того, что нару-

шаютъ общественныя договоры, и вредятъ общей безопасности. Но пусть не вввѣряетъ себя обманчивой надеждѣ чрезъ сїе уклониться отъ истины, или прикрыть свои заблужденїя. Дабы учинить его безотвѣтнымъ, довольно будетъ еще единождыі вопросить его: почему то считается нравственнымъ зломъ, что испровергаетъ произвольныя договоры, и нарушаетъ общественное спокойствїе? Какой законъ осуждаетъ сего рода неправду?

Не льзя ему иначе отвѣтствовать, какъ напередъ допустивъ одно что либо изъ двухъ: или признать законъ древнѣе человѣчества; естественную правду независимою отъ общества и всѣхъ установленїй, спослѣдствующихъ оному; самостоятельное и живое правило, управляющее всѣми сотворенными духами, существовавшее прежде ихъ, имѣющее остаться въ своей силѣ, когда бы и духовъ не было; такое правило, котораго ни чемъ не льзя ни смягчить, ни измѣнить или согласиться, не употребляя никакихъ околичностей, что всѣ дѣянїя сами по себѣ суть ни благи, ни злы; что должности, почитаемыя даже за существеннѣйшїя,

суть тягостное и безполезное бремя; что въ самыхъ гнуснѣйшихъ и ужаснѣйшихъ злодѣйствахъ нѣтъ ни безчинія, ни неправды; что оставивъ человѣческія законоположенія и общественныя постановленія, могущія предписывать, что сами запрещаютъ, или истязывать за то, чего отъ насъ требуютъ, въ порокѣ и добродѣтели вовсе нѣтъ ни добра, ни зла для любомудра, свергшаго съ себя иго народнаго мнѣнія и предубѣжденія черни; что на конецъ измѣнить дружеству, оскорбить родителя, умертвить благодѣтеля, есть поступокъ ни доброй, ни худой; а становится законнымъ тогда, когда бываетъ полезенъ, и когда мы не должны страшиться ни негодованія, ни ненависти подобныхъ намъ.

Но естьли бы нашелся толико дерзскій человѣкъ, что въ защищеніе мерзостнаго начала Гоббезіева могъ бы вовсе уклониться отъ здраваго смысла, или не устыдился бы многихъ послѣдствій, испровергающихъ всю честность, уничтожающихъ всѣ должности, слагающихъ узду со всѣхъ злодѣевъ; съ таковымъ имѣть прѣніе было

бы безполезно; надлежало бы только его убѣгать, и сожалѣть о немъ.

ЧЛЕНЪ ШЕСТЫЙ.

О законѣ вѣчномъ. Онъ былъ признанъ всѣми мудрецами древности.

Существуетъ убо первоначальный и коренный законъ, необходимо предшествующїй всѣмъ установленїямъ. Не человѣкъ его учредилъ, и не въ его волѣ оный перемѣнить, или испровергнуть. Не можно ни избѣгнуть его суда, ни затьмить его свѣта. Онъ не долженъ страшиться ни безумїя злости, ни кичливости разума, ни премѣны вѣковъ. Сей законъ есть не иное что, какъ высочайшїй разумъ, „коему всѣ мы должны быть по-„слушны, который нечестивыхъ „осуждаетъ на жизнь бѣдственную, „а добрыхъ надѣляетъ щасливымъ „жребїемъ.

„Отъ сличенїя съ нимъ должны „зависѣть учрежденїе или перемѣна „и прочихъ законовъ, кои нарицаются временными.

„Что бы вкратцѣ и свойственнѣе „изобразить понятїе о семъ высо-„чайшемъ и вѣчномъ законѣ, на-

„чертанномъ во глубинѣ нашихъ „сердецъ, довольно сказать, что „онъ есть такой законъ, кото-„рой требуетъ повсемѣстнаго „благоустройства. Онъ самъ въ „себѣ неизмѣненъ; хотя и служитъ „образцемъ и мѣриломъ для времен-„ныхъ и преходящихъ законовъ, на „коихъ утверждаются земныя цар-„ства.„ Св. Авг. о произволенiи кн. 1. гл. 6.

Причина сему очевидна: законъ вѣчный въ самомъ существѣ есть не иное что, какъ естественный и необходимый порядокъ, которому все должно быть сообразно и поко-рено. Сей порядокъ есть всегда одинаковъ: отъ перемѣнъ, бываю-щихъ въ человѣческихъ и временныхъ законахъ, ни мало не измѣняется вѣчный законъ, потому что онъ же ихъ утверждаетъ, и предписываетъ; когда различiе временъ и мѣстъ востребуетъ или ограничить чѣмъ старыя постановленiя, или замѣнить ихъ другими новыми. Среди всѣхъ переворотовъ пребываетъ онъ всегда одинъ и тотъ же. Онъ есть правило нашихъ должностей, но не зависитъ отъ ихъ исполненiя. Наши недоумѣ-нiя, наши заблужденiя, наши ложныя системы ни мало не колеблютъ

твердости безотмѣнныхъ его рѣшеній; что онъ повелѣваетъ, безъ сумнѣнія есть добро, праведно, необходимо; хотябъ всѣ люди того не понимали, или сложились бы испровергнуть. Что онъ возбраняетъ, есть не справедливо, порочно, безчинно; какъ бы ни старались то оправдать, и тому послѣдовать. Въ человѣкѣ нѣтъ ни мудрости, ни правоты, ни благоразумія, ни справедливости, ниже другой какой добродѣтели; когда мысли, желанія, и всѣ поступки его не соотвѣтствуютъ симъ непремѣннымъ правиламъ, живущимъ въ самой истинѣ, во всеобщей мудрости, которые также, какъ они, суть вѣчны и неизмѣнны.

И для чего бы сему вѣчному закону не быть мѣриломъ всякой вѣрности и правильности въ художествахъ, всякой правоты и добродѣтели во нравственности; когда по оному самъ Творецъ образуетъ и созидаетъ всѣ свои творенія?

Сіи нерушимыя правила представлены зрѣнію всѣхъ умовъ Такимъ образомъ слѣпотствующіе даже идолопоклонники признавали законъ, предъидущій всѣмъ общественнымъ договорамъ; законъ древнѣйшій всѣхъ

человѣческихъ дѣянiй; законъ всеобщiй, объемлющiй всѣ мѣста, и всѣ времена; законъ, котораго не льзя преступить безъ наказанiя даже и тогда, когда можно укрыться отъ взора и строгости людей; на конецъ такой законъ, котораго приговоръ ужасенъ, и издатель самъ Богъ.

Такъ о немъ мыслитъ Сократъ. Сократъ у Ксеноф. книга 4. стр. 470.

,,Существуютъ, говоритъ онъ, ,,извѣстные законы, которые хотя ,,не письменны, но служатъ основою ,,и образцемъ всѣхъ земныхъ законовъ. Не народы составили сiи ,,законы; ибо не могутъ они собраться во едино мѣсто, а притомъ и не всѣ говорятъ однимъ ,,и тѣмъ же языкомъ. Боги даровали ,,ихъ людямъ.,,

Извѣстно, съ какою силою и съ какимъ благородствомъ изъясняется Цицеронъ, когда онъ говоритъ о естественномъ правѣ, служащемъ основою всѣмъ договорамъ, и мѣриломъ всѣмъ человѣческимъ законамъ; о семъ началородномъ правилѣ, которое отдѣляетъ справедливое отъ несправедливаго; которое существуетъ прежде всѣхъ временъ, и

бытіемъ своимъ не одолжено гражданскимъ установленіямъ; которое есть повсемѣстно, и ни отъ какихъ не зависитъ перемѣнъ, зримыхъ во временныхъ правленіяхъ; которое не можетъ допустить ни изключенія, ни потворства; потому что обязанность повиноваться ему основана на самой природѣ вещей; и слѣдовательно она есть непремѣнна.

,,Истинной законъ, говоритъ ,,сей витія философъ отъ лица ,,всѣхъ мудрецовъ, необольщенныхъ ,,Епикурейскимъ ученіемъ, есть ,,здравый разумъ, и гласъ природы, ,,начертанный на сердцѣ всѣхъ лю- ,,дей. Законъ постоянный, вѣчный, ,,непреложный; не позволяется ни- ,,чего въ немъ убавить, ничего ,,перемѣнить, замѣнить его дру- ,,гимъ, кольми паче вовсе его унич- ,,тожить. Ни народъ, ни Сенатъ ,,не могутъ освободить отъ него. ,,Для сообщенія о себѣ понятія ,,людямъ, онъ не требуетъ другаго ,,орудія, кромѣ себя самаго. Онъ ,,таковъ въ Римѣ, каковъ въ Аѳи- ,,нахъ; таковъ нынѣ, каковъ и ,,во всякое другое время; у всѣхъ ,,народовъ, во всѣхъ вѣкахъ онъ ,,одинаковъ и неизмѣненъ. Посред- ,,ствомъ его Богъ образуетъ

,,вещи и самодержавно управляетъ ,,всѣми людьми. Онъ единъ Творецъ его, властитель и оберегатель.,;

,,Кто дерзнетъ освободиться отъ ,,онаго, тотъ дѣлается врагомъ ,,величества, противникомъ себѣ ,,самому, непокоривымъ природѣ. ,,Тотъ въ своемъ собственномъ ,,сердцѣ ощущаетъ праведную ,,месть своей ослушности, хотя ,,бы могъ избѣгнуть всѣхъ строгостей земнаго судилища. Сей ,,законъ необходимо предшествуетъ ,,всѣмъ человѣческимъ установленiямъ. Онъ существовалъ и ,,тогда, когда не было ни гражданскихъ сообществъ, ни политическихъ правленiй. Онъ имѣетъ ,,непреоборимую силу, и вся вселенная ему покорена.,, Цицер. о зак. кн. 2. гл. 5. о общ. кн. 5. у Лакт. Божест. уста. кн, 6. гл. 8.

,,Самые даже стихотворцы ,,благоговѣютъ къ сему высочайшему закону, не зависящему ни отъ ,,какихъ соглашенiй, не могущему ,,никогда выдти изъ употребленiя, который есть всегда древенъ и всегда новъ; который, ,,ежели разсмотрѣть подробно,

„есть самая правда верховнаго „Существа.„ Естественные зако- „ны говоритъ Софоклъ, имѣютъ „всякаго уваженія достойное на- „чало; ибо они отъ небесъ нис- „ходятъ. Не можно ихъ погребсти „въ забвеніи; ибо въ нихъ скры- „вается Божеская сила, которая „торжествуетъ надъ нашею не- „справедливостію, и никогда не „состарѣвается.„ Софоклъ въ Едипѣ „стихъ 875 и слѣд.

ЧЛЕНЪ СЕДМЫЙ.

Сей высочайшій законъ присущъ всѣмъ умамъ; заблужденія и пороки ничего противъ его не доказываютъ.

Не однимъ философамъ и мудрецамъ извѣстенъ сей вѣчный законъ. Грубѣйшіе умы, самые дикіе народы внемлютъ его гласу и поражаются свѣтомъ. Всеобщій законодатель пускай обозритъ страны, еще не вышедшія изъ дикаго состоянія, и уже образованныя; пусть къ тѣмъ и другимъ простретъ поучительную рѣчь сію, что надобно быть справедливымъ и благодѣтельнымъ,

что чистосердечїе предпочитается притворству, вѣрность вѣроломству, кроткость наглости, признательность неблагодарности: отвсюду будутъ ответствовать ему, что принялъ на себя трудъ вовсе безполезный; что сїи положенїя, и другїя подобныя начертаны на сердцѣ всѣхъ и каждаго; что человѣкъ имъ научается не отъ подобныхъ себѣ; что они въ немъ суть даръ природы; и предшествуютъ всѣмъ урокамъ, всѣмъ размышленїямъ, всѣмъ умствованїямъ; что самый дикїй, естьли еще не совсѣмъ отрекся чувствїя человѣчества, не имѣетъ нужды ни въ законодателѣ, ни въ учителѣ для удостовѣренїя себя, что добродѣтель предпочтительнѣе порока; что не должно другимъ дѣлать того, чего самъ не желаешъ отъ нихъ терпѣть; что несправедливо и безчестно измѣнить своему другу, умертвить благодѣтеля, оклеветать невиннаго.

Кромѣ сего единообразнаго и непремѣняемаго чувствїя человѣчества, что еще потребно, дабы испровергнуть суетное хитрословїе желающихъ увѣрить, что

порокъ или добродѣтель, добрыя или злыя дѣла суть одни произвольныя наименованія?

За симъ почто рыться въ лѣтописяхъ народовъ, дабы открыть, что ихъ нравы, обычаи, законы имѣли жестокаго, или нечистаго? Согласны въ томъ, что невѣжество, предубѣжденія, страсти, и тысячи другихъ подобныхъ причинъ, при разсужденіи о естественномъ правѣ, часто ввергали народъ, и самыхъ законодателей въ великія заблужденія. Главныя положенія часто не къ тому были прикладываемы, къ чему надлежало ихъ приспособлять; ужасныя злоупотребленія были уполномочены всеобщимъ обычаемъ, или даже освящены законами и религіею.

Но да не торжествуетъ нечестивецъ чрезъ сіе признаніе. Среди хаоса ложныхъ и безразсудныхъ мнѣній, среди постыдныхъ обычаевъ, нелѣпыхъ или звѣрскихъ узаконеній, главное положеніе, отличающее правду отъ неправды, дѣйствовало во всей своей силѣ. Люди ослѣпленные своими предразсудками, и поврежденные страстьми, обманывались въ примѣненіи начальныхъ правилъ справедливости; раздѣлялись въ послѣдствіяхъ: но коренныя на-

чала естественнаго закона были всѣмъ общи, и оставались непремѣнными. Каждой народъ, а не рѣдко и каждой частной человѣкъ пролагалъ себѣ особливую стезю, послѣдуя своимъ прихотямъ и страстямъ; но всѣ начинаютъ путь свой отъ одной и той же точки. Всѣ съединяются въ сихъ главныхъ должностяхъ, кои исполнять и цѣлые народы и частные люди равно обязаны; всѣ допущаютъ, что сіи должности предписаны такимъ закономъ, которой древнѣе всѣхъ обществъ, и независимъ ни отъ какихъ человѣческихъ договоровъ или соглашеній.

Такимъ образомъ врагъ нравственности пусть не изнуряетъ себя исканіемъ обычаевъ или законовъ, противныхъ понятію о справедливости въ невѣдомыхъ и дикихъ странахъ; а скажетъ намъ одно сіе: нашелъ ли онъ въ какой нибудь странѣ вселенныя государство, область, общество, семѣйство, гдѣ неблагодарность, насиліе, вѣроломство были бы въ уваженіи, а вѣрность, кротость, признательность въ презрѣніи?

Вопроси ты грубаго Индѣйца,

который отчаянно болящихъ убиваетъ, для прекращенія ихъ страданій, все ли равно нарушить обязательства, или быть въ оныхъ вѣрнымъ? умертвить благодѣтеля, или быть предъ нимъ благодарнымъ? онъ съ огорченіемъ отвергнетъ столь нелѣпый вопросъ; онъ никогда не сомнѣвался, что бы не было нравственнаго закона, не зависимаго отъ прихотливаго своенравія людей. Онъ уважаетъ справедливость даже тогда, когда оскорбляетъ какое нибудь частное право закона, послѣдуя господствующимъ предразсудкамъ, утвержденнымъ примѣромъ его современниковъ, и преданіемъ предковъ.

Вопроси тѣхъ варварскихъ и звѣрскихъ народовъ, коихъ пороки или заблужденія врагъ нравственности гордо намъ противополагаетъ. Проникни въ тѣ отдаленныя земли, гдѣ человѣческій родъ, ослабѣвшій, и ниспадшій, представляетъ отвратительнѣйшее зрѣлище: протеки то и другое полушаріе, вездѣ ты найдешь единообразныя чувствованія о первыхъ началахъ естественнаго закона.

Ты увидишь Кафра и Готтентота, дикаго жителя дубравъ

Африканскихъ, и того, коего промыслъ поселилъ на краяхъ Азїи или Америки, разглагольствующихъ о различныхъ статьяхъ нравственности такъ единомысленно, что какъ бы они напередъ имѣли сношенїе между собою; равно чтущихъ чистосердечїе и благотворительность, проклинающихъ сердце подлое и вѣроломное: и принужденъ будешь сознаться, что высочайшїй и всеобщїй свѣтъ присущь ихъ сужденiямъ, и заставляетъ одинако умствовать и говорить о извѣстныхъ истинахъ. Онъ ихъ привязываетъ къ извѣстнымъ началамъ нравственности съ такою твердостїю, что ни превратность вѣковъ, ни различїе климатовъ, или обычаевъ, ни порча нравовъ, ни мракъ невѣжества, не могутъ совершенно затмить сего свѣта, ни исказить всеобщихъ понятїй о естественномъ правѣ. И чемъ лучше связать языкъ хулителей естественнаго права, какъ не симъ совершеннымъ и неизмѣннымъ согласїемъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ въ коренныхъ началахъ нравственнаго закона?

ЧЛЕНЪ ОСЬМЫЙ

Самые нечестивцы принуждены благоговѣть къ вѣчному закону.

Не только человѣкъ правдивый и мудрый признаетъ вѣчный законъ, отличающїй справедливое отъ несправедливаго. Самые даже нечестивцы не могутъ не благоговѣть къ нему. Воззри на сего порочнаго и страстiю одержимаго человѣка: разсмотри со вниманiемъ движенiя и поступки его. Доколѣ свирѣпствуетъ въ немъ обуреванiе чувственности: дотолѣ законъ нравственный, охуждающїй бѣшенство страсти, какъ бы вовсе не существуетъ для него.

Но какъ скоро минута упоенiя пройдетъ, и насыщенная страсть уступитъ мѣсто разуму: человѣкъ стыдится самаго себя, и упрекаетъ себя въ своихъ заблужденiяхъ и въ своей слабости. Ибо гдѣ бы нашлась толь зверская, толь развращенная душа, которая, ради подлой корысти, измѣнивъ своему другу, обезчестивъ своего благодѣтеля, или учинивъ какое нибудь гнусное и позорное дѣло, могла взирать на себя безъ ужаса?

Сей человѣкъ не страшится по

добныхъ себѣ, потому что не имѣлъ ни сообщника, ни свидѣтеля въ своемъ злодѣйствѣ; но онъ страшится себя самаго. Онъ для своихъ собственныхъ глазъ учинился предмѣтомъ омерзенїя и ужаса. Пусть, сколько хочетъ, скрывается отъ строгости законовъ; пусть онъ обманываетъ бдительность начальства; довѣренность или чинъ дозволяютъ ему ни во что вмѣнять всеобщую къ нему ненависть; но онъ въ своемъ сердцѣ находитъ судилище, ни какимъ пронырствамъ неприступное; такого свидѣтеля, коего не можно ни обольстить, ни подкупить; толь строгаго и ужаснаго судїю, что не льзя ни избѣгнуть претящаго взора, ни заглушить упрековъ, ни преодолѣть силы неутомимаго мучителя, которой денно и ночно жестоко его язвитъ и терзаетъ.

Даже на лонѣ удовольствїй и изобилїя, на высотѣ честей и самомъ престолѣ, среди шумныхъ веселостей, онъ слышитъ изходящїй изъ глубины своего сердца громкїй и грозный голосъ, приводящїй его въ смущенїе и трепетъ.

Какоежъ начало сего стыда и страха? какая невидимая рука такъ

вооружаетъ совѣсть противу виновнаго человѣка? Какой есть тотъ живый, величественный, ужасный законъ, который присущь уму человѣка во всѣхъ мѣстахъ, и во всѣхъ вѣкахъ; который утѣшаетъ его, когда онъ добродѣтеленъ и вѣренъ; страшитъ и смущаетъ, когда попустилъ страстямъ восхитить власть, единому токмо разуму принадлежащую?

И въ то самое время, когда сей высочайшій законъ наказуетъ распутство людей презрѣніемъ и забвеніемъ, когда ихъ предаетъ слѣпотствующей и ожесточенной ихъ волѣ; когда въ величайшемъ гнѣвѣ своемъ не задерживаетъ на пути совратившихся съ истинной стези, попущая имъ жить здѣсь безъ всякаго смущенія и упрековъ совѣсти; и въ сіе время, повторяю, не надобно мыслить, чтобъ онъ болѣе уже не имѣлъ власти надъ ними: онъ умѣетъ еще покорить ихъ себѣ; онъ всюду за ними слѣдуетъ; и доводитъ ихъ до того, что принуждены бываютъ сами себя осудить, и предъ нимъ смириться.

Нечестивцы и ожесточенные въ семъ Божественномъ законѣ ищутъ

ежели не правила жизни, то по крайней мѣрѣ защиты противъ насилія и несправедливости имъ подобныхъ. Они не терпятъ нарушителей закона, когда отступленіе отъ него сопряжено съ ихъ вредомъ; они хвалятъ добродѣтель, которую онъ заповѣдуетъ; одобряютъ узаконенія, имъ изданныя на счетъ гордости, неблагодарности, вѣроломства или жестокости другихъ.

Посмотри на сего дерзскаго и развращеннаго человѣка, оспоривающаго законъ естественный растлѣніемъ нравовъ, или нечестіемъ его умствованій: ему желательно, что бы сей священный законъ былъ одно только пустое имя; онъ дерзаетъ говорить, онъ силится вѣрить, что добродѣтели и пороки есть только одна мечта. Но хищникъ покусится ли отнять у него плодъ его трудовъ, помрачить славу, или посягнетъ и на самую жизнь его: тотчасъ увидитъ его вопіюща противъ насилія: онъ объявляетъ его преступникомъ закона естественнаго, онъ влечетъ его предъ сіе неумытное судилище, гдѣ неправда никогда не находитъ себѣ пощады. Онъ угрожаетъ ему

мщеніемъ страшнѣйшимъ, нежели мщеніе людей; такимъ образомъ, что охуждаетъ и силится испровергнуть, то иногда почитаетъ священнымъ и необходимымъ въ общежитіи.

Одинъ древній Философъ, истощилъ всю тонкость своего ума, и силу краснорѣчія, дабы изгладить различіе между правдою и неправдою; дабы доказать, что порокъ и добродѣтель суть слова введенныя однимъ обычаемъ людей; что безъ гражданскихъ установленій кромѣ нашихъ склонностей мы не имѣли бы никакого другаго правила жизни. Но что могутъ лжемудрованія противъ вѣчнаго и непремѣняемаго закона? Когда одинъ изъ его учениковъ за добро воздалъ ему зломъ; то природа заставила внять ея гласу, и предубѣжденія любомудра исчезли. Онъ принужденъ былъ сознаться; что между поступками одни суть благія и достохвальныя, а другія злочинны и мерзостны; что опредѣляющее ихъ различіе заимствуетъ основу свою отъ начала, предъидущаго всѣмъ договорамъ или соглашеніямъ. Онъ укоряетъ Ментора въ его неблаго-

дарности и несправедливости, онъ съ негодованіемъ прогоняетъ его отъ себя. Нуменій у Евсевія *praep. Euang.* стр. 738.

Такимъ то образомъ жалобы природы испровергаютъ системы, сооружаемыя гордостію и развращеніемъ. Самый распутный человѣкъ съ жаромъ востаетъ противъ безчинія подобныхъ себѣ, когда бываетъ предмѣтомъ онаго. Онъ не можетъ въ другихъ терпѣть несправедливости, которую за часъ прежде самъ здѣлалъ съ спокойнымъ духомъ. Слѣдовательно законъ природы всегда находился въ его сердцѣ, даже тогда, когда мракъ страстей препятствовалъ ему зрѣть свѣтъ его.--Онъ самъ произноситъ приговоръ противъ разврата, которой дерзалъ защищать, доколѣ въ немъ находилъ пищу испорченному вкусу самолюбія.

Обманщикъ не можетъ терпѣть лжи: хищникъ кленетъ татьбу, когда дѣлается жертвою оныя: запальчивый человѣкъ съ отвращеніемъ смотритъ на того, кѣмъ обладаетъ гнѣвъ; убійца ненавидитъ убійцу; и прелюбодѣй извлекаетъ мечь на отраженіе того, кто оскорбилъ

его тѣмъ же преступленїемъ: очевидное доказательство, что на скрыжалѣхъ сердца нашего начертанъ перстомъ самаго Бога естественный законъ, и правила честности, которыя на конецъ умъ человѣческїй собралъ, и изложилъ въ книгахъ.

Пусть сей дерзскїй хулитель естественнаго закона, величающїйся тѣмъ, что сергъ съ себя иго предразсудковъ, для коего порокъ есть ничего незначущее наименованїе, а добродѣтель одна только мечта; которой думаетъ, что личная выгода есть единственное правило дѣянїй: пусть, говорю, сей лжемудръ войдетъ въ театръ въ ту самую минуту, какъ занимательная пїеса, поддерживаемая и одушевляемая, прелестями представленїя, начинаетъ приводить въ движенїе ложи и партеры. Тамъ появляются на сценѣ, съ одной стороны человѣкъ правдивый, благотворительный, великодушный и притомъ утѣсненный; съ другой вѣроломный, наглый, безчеловѣчный, всегда торжествующїй, и издѣвающїйся надъ бѣдствїями честнаго человѣка, коего онъ попираетъ ногами.

Ставъ тронутъ противо-

положностію и увлекаемъ всеобщимъ впечатлѣніемъ, нашъ Философъ забываетъ свои ложныя системы. Счастливое развлеченіе возвращаетъ его природѣ. лжемудръ сокрылся, и видятъ человѣка смягченнаго нещастіями тѣснимаго праведника, съ трудностію воздерживающа свое негодованіе на кичливаго утѣснителя и противъ себя, но непримѣтнымъ для него образомъ доказывающа, что всѣ мы въ сердцѣ носимъ неизгладимый законъ, который содѣлываетъ порокъ достойнымъ презрѣнія и ужаса, и самыхъ враговъ добродѣтели заставляетъ благоговѣть, и удивляться ей.

Мы смѣемъ теперь отдать сіе на совѣсть тому же презорчивому краснобаю, утверждающему, что нравственность не имѣетъ никакихъ началъ; что дѣянія неразнственныя въ своемъ существѣ, дѣлаются добрыми или злыми только по установленію, или прихоти людей. Онъ нагло вопіетъ противу естественнаго закона; онъ силится все то оправдать, что законъ осуждаетъ.

Такъ! пусть онъ намъ скажетъ, не пріятнѣе ли для него

снискивать себѣ удовольствїе, сохранять свои выгоды, удовлетворять наклонностямъ сердца честными и позволительными средствами, нежели безчестными и законопреступными? не больше ли ощущаетъ удовольствїя, когда онъ достигъ края своихъ желанїй праводушїемъ и благорасположительностїю, нежели когда бы успѣлъ въ томъ чрезъ жестокость или вѣроломство?

Пусть утвердитъ, ежели можетъ, что онъ безъ смущенїя бы смотрѣлъ на мать свою, сестру, или дочь, учинившихся забавою и жертвою всенароднаго неистовства; что ничего бы безчестнаго не нашелъ въ поведенїи жены, нарушающей клятву свою, отдающей на поруганїе святость брачнаго ложа; что равнодушно бы принялъ, когда бы неблагодарный и вѣроломный другъ, не уваживъ ни законовъ цѣломудрїя, ни правъ гостепрїимства, своими посѣщенїями поселилъ разстройство и безславїе въ домѣ его. Но опомнись, безумный! хотя на одну минуту останови бредъ свой; оставь свои мудрованїя и системы; взойди въ свое сердце;

приклони ухо твое ко гласу природы въ то самое время, когда получаешъ извѣстіе, что другъ измѣнилъ тебѣ, что ложный свидѣтель на тебя клевещетъ, что важныя услуги твои платятся обидами; что наглый злодѣй покушается на честь или на жизнь твою: уже ли и здѣсь не узришь ты безчинія и неправды? Какое странное надобно будетъ имѣть понятіе о человѣческомъ родѣ, ежели въ немъ находятся умы обуявшіе до такого степени, что съ запинаніемъ должны отвѣтствовать и на подобные сему вопросы?

То, что называютъ порокомъ или безчиніемъ, отвѣтствуетъ нечестивецъ, есть зло не потому, что противно мнимому закону природы, коего никогда не было: но для того, что вредитъ моимъ пользамъ, и прерываетъ мои наслажденія. Ежели сей отвѣтъ есть искрененъ; то надобно также допустить, что нравственное зло предполагаетъ и зло физическое; слѣдовательно неожиданная измѣна друга, бывшаго повѣреннымъ тайны, нечувствительность одолженнаго, клевета и оскорбленія вѣроломнаго слуги,

возбуждаютъ въ немъ таковыя же чувствованія, каковыя и пожаръ, истребляющій домъ его, или наводненіе, опустошающее нивы.

Но кого онъ думаетъ увѣрить, что одинакимъ глазомъ смотритъ на произшествія столь различныя? всѣ люди не изключая и дерзновеннѣйшаго невѣрца, въ приключеніяхъ втораго разряда видятъ несчастіе, но не преступленіе. Они огорчаются потерею имущества, но не находятъ въ ней ничего, заслуживающаго ихъ ненависть или гнѣвъ.

Но въ первомъ предположеніи изумленіе и негодованіе мгновенно объемлютъ всю ихъ внутренность; и въ то самое время, когда они довольно имѣютъ власти надъ своимъ сердцемъ, дабы охладить его горячность, и укротить мстительность, не могутъ безъ ужаса взирать на неблагодарность, измѣну, жестокость, и на все носящее на себѣ очезрительный знакъ неправды и злодѣянія. Сіе чувствованіе предходитъ всѣмъ размышленіямъ; оно есть всеобще, единообразно во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ временахъ. Убо сама природа вды-

хаетъ его; и слѣдовательно оно есть рѣшительное доказательство, что различїе между порокомъ и добродѣтелїю непосредственно истекаетъ изъ самой ихъ сущности, и ни отъ какихъ не зависитъ установленїй.

И дѣйствительно кто могъ когдалибо читать, или слушать хладнокровно повѣствованїе о томъ, что Iудейскїй царь учинилъ съ Урїею, о подлыхъ хитростяхъ, о позорномъ домогательствѣ, употребленныхъ для приведенїя въ дѣйство сугубаго злодѣйства? Не довольствуясь безславїемъ сего храбраго воина, сего вѣрнаго слуги, онъ хочетъ отнять у него жизнь; и съ ужаснымъ безчеловѣчїемъ соединяя злобное вѣроломство, дѣлаетъ его же вручителемъ роковаго писанїя ко Iоаву. II цар. гл. XI. Толико подлый и мерзскїй поступокъ приводитъ чувствительныя души въ ужасъ и содроганїе во всѣхъ концахъ земли, и не можетъ не быть предметомъ отвращенїя.

На противъ того кто не удивится милосердїю и великодушїю того же самаго государя, когда онъ спасаетъ жизнь не-

благодарнаго, сколь несправедливаго, столь и злобнаго врага, неумолимаго гонителя, вѣроломца и клятвопреступника? Онъ его находитъ погруженна во снѣ, онъ видитъ его повerженна у ногъ своихъ, безъ оружїя, безъ защиты; уединенїе, темнота ночи благопрїятствуютъ мстительности; сопровождавшїй его воинъ самъ вызывается умертвить его однимъ ударомъ, которой столь же вѣренъ, какъ и легокъ; можетъ онъ навсегда освободиться отъ жестокаго и непримиримаго врага, прекратить опасности и бѣдствїя блуждающей и скрытной жизни, и утвердить себя на престолѣ. Толь убѣдительныя побужденїя, противъ коихъ едва ли бы кто другой устоялъ, ни сколько не движутъ сердцемъ Давида. Среди пустыни и глубокой ночи онъ созерцаетъ Бога яко свидѣтеля и судїю своего поступка. Присносущїе сего Святаго и страшнаго Существа остановляетъ его руку, предупреждаетъ, или и вовсе потушаетъ въ сердцѣ желанїе мщенїя. 1 Цар. гл. 26.

Ежели въ самомъ дѣлѣ добро-

дѣтель есть одно только название, и кромѣ личной пользы нѣтъ другаго правила жизни: то Давидъ долженъ казаться намъ человѣкомъ безразсуднѣйшимъ. Когда же примѣръ его исторгаетъ похвалу у тѣхъ самыхъ, для коихъ служитъ обличенiемъ: когда нельзя не удивляться великодушiю его и умѣренности: то сiя единообразная и общая признательность есть явнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ, что кромѣ выгоды и законовъ человѣческихъ есть другое правило для сужденiя о нравственности дѣянiй.

Хотя бы безчестiе нанесенное Лукрецiи осталось безъ наказанiя; но всё бы слыло злодѣянiемъ. Хотя бы Тарквинiй и Неронъ спокойно наслаждались плодомъ своего буйства и жестокости; но можно ли намъ ихъ не гнушаться, яко злодѣевъ? Высочайшая власть, восхищаемая, или во зло употребляемая злонамѣренными людьми, сильна была защитить ихъ отъ строгости законовъ; но развратная ихъ жизнь въ совѣсти современниковъ и потомства обрѣла высшее судилище, Судiю неумолимаго, приговоръ строжай-

шій, рѣшеніе коего не подлежитъ вовсе аппелляціи.

Отдѣленіе 2.

Самоначальный источникъ, изъ коего истекаютъ правда и нравственность.

ЧЛЕНЪ ПЕРВЫЙ.

Законъ, отдѣляющій правду отъ неправды, находится въ Богѣ, или точнѣе сказать, есть самъ Богъ.

Но гдѣ же искать сего высшаго правила, сего вѣчнаго закона, о коемъ доселѣ говорили? прибѣгнемъ ли къ безполезнымъ умозрѣніямъ? Не думаемъ ли открыть первый источникъ истины, когда углубимся размышленіемъ въ природу вещей, или на мѣсто ясныхъ и точныхъ понятій поставимъ неопредѣлительныя и темныя выраженія? Нѣтъ; существенное начало, служащее основою всей нравственности, безъ котораго не льзя понять ни закона, ни обязанности въ прямомъ смыслѣ взятой, не можетъ быть внѣ сей само-

начальной истины, которая есть совершенный образецъ, высочайшее правило, единственный источникъ всея красоты, справедливости и стройности въ творенiяхъ.

И такъ хотя мы утверждаемъ, что всѣ обязанности, всѣ правила нравственности происходятъ отъ самой истины, отъ первобытной правды, отъ вѣчнаго закона: однако съ сими реченiями отнюдь не съединяемъ сомнительныхъ и отвлеченныхъ понятiй. Многимъ людямъ ничто не кажется толико несбыточно, какъ что выражается посредствомъ оныхъ словъ. Погрузясь въ чувственности, все невидимое почитаютъ какъ бы несуществующимъ. Истина, справедливость, для многихъ суть не другое что, какъ пустое имя или простыя понятiя, существующiя только въ нашемъ разумѣ, и въ тужъ минуту изчезающiя, какъ скоро престанемъ объ оныхъ мыслить. Сiе мечтанiе весьма грубо, однакожъ весьма обще. Вознесемся мысленно, куда чувства и воображенiе досящи не могутъ.

Истина, главнѣйшее правило всѣхъ движенiй нашего сердца, такъ какъ и всѣхъ дѣйствiй разума, есть истина не въ отвлеченномъ смыслѣ.

Она совсѣмъ различна отъ тѣхъ слабыхъ и сумрачныхъ свѣрканій, которыя въ художествахъ и наукахъ показываютъ намъ все то, что въ нихъ находимъ истиннаго, справедливаго, и красиваго. Ето есть капля отъ кади, или малѣйшее истеченіе безконечнаго и неизчерпаемаго Океана.

Истина, которую мы поставляемъ первымъ основаніемъ нравственности, есть дѣйствительная истина, истина упостась имущая, которая открывается людямъ, показуетъ конецъ, куда они должны стремиться, и путь, которой можетъ ихъ привести къ оному; или лучше сказать, которая есть сама и конецъ и путь.

Правда, которая есть началомъ и мѣриломъ всякой доброты, правильности, совершенства, не есть чистое отвлеченіе, ни произведеніе нашихъ мыслей. Ето есть несозданная, вѣчная правда, которая существовала прежде, нежели какой либо сотворенной разумъ могъ сображаться съ нею, и ей послѣдовать. Сія правда есть существо всегда назирающее человѣческія дѣйствія, примѣчаю-

щее всѣ ихъ поступки, ежеминутно предписывающее имъ то, что они должны дѣлать, укоряющее ихъ въ своихъ заблужденіяхъ и развратности.

Вѣчный законъ, яко первый источникъ нравственности, не есть простое понятіе, существующее только въ нашемъ разумѣ. Это есть живой законъ, которой безошибочно и безпристрастно судитъ о мысляхъ, движеніяхъ и дѣяніяхъ разумныхъ существъ. Судъ сего первообразнаго закона весьма различенъ отъ суда законовъ написанныхъ въ книгахъ человѣческихъ. Сіи налагаютъ обязанность, и угрожаютъ наказаніемъ за ослушаніе; но будучи безсильны и безгласны, дѣлаются игралищемъ злодѣевъ, ежели посторонняя сила не поддерживаетъ ихъ приговора, и не отмщеваетъ за преступленіе.

Напротивъ того законъ вѣчный не имѣетъ нужды ни въ орудіи ни въ побудителяхъ къ исполненію его. Онъ самъ отъ себя заимствуетъ силу и могущество. Онъ самъ пишетъ свои опредѣленія въ безсмертной книгѣ неизгладимыми буквами. Онъ самъ собою

производитъ въ дѣйство свои повелѣнія, когда и какъ назначено его премудростію, такъ что ни какой обманъ и никакая преграда не могутъ отмѣнить его заключеній, ни остановить исполненія оныхъ.

„Всеобщій и повсемственный „разумъ, говоритъ Филонъ, есть „истинный законъ, законъ живый и безпристрастный, которой ни „кѣмъ изъ смертныхъ не былъ пи„санъ на бездушныхъ скрыжалѣхъ „или столпахъ; но начертанъ въ „безсмертномъ умѣ рукою без„смертной природы. Филонъ въ кн. подъ названіемъ: omnem virum bonum esse liberum. стр. 871.

Кратко сказать, сія истина, управляющая всѣми разумными существами, сія правда, устрояющая всѣ ихъ движенія и поступки, сей высочайшій законъ, одобряющій или осуждающій всѣ ихъ дѣянія, суть не иное что, какъ самъ Богъ, созерцаемый въ различныхъ отношеніяхъ. Вотъ куда надлежитъ восходить, ежели хощетъ найтить самоначальный источникъ нашихъ должностей и подлинное основаніе нравственности.

Такъ мыслили во всѣхъ вѣкахъ испытатели и изслѣдователи сихъ истинъ. Въ самомъ язычествѣ отчасти то провидѣли, и искренно сознавались,, что вотще ищутъ происхожденія справедливости и естественнаго права, не возносясь ко всеобщей природѣ, т. е. къ Богу; что въ семъ только самобытномъ началѣ обрѣтается первородное и существенное понятіе добра и зла, правды и неправды.,, Хризип. кн. III о богахъ: у Плутарха de sto.cor repug. Томъ II. стр. 1035.

Цицеронъ утверждаетъ сію истину ссылаясь на мудрецовъ всѣхъ „вѣковъ.,, Это есть, говоритъ онъ, общее и единообразное всѣхъ мудрецовъ мнѣніе, что существуетъ высочайшій законъ, независящій отъ людей, ни отъ произвольныхъ соглашеній народовъ происходящій: законъ первобытный и существенный, отъ котораго прочіе заимствуютъ свое начало и свою силу. Онъ есть не иное что, какъ превѣчный разумъ, высочайшая премудрость, самое Божество, сохраняющее и управляющее вселенную, побуждающее къ добру, и воздерживающее отъ зла. Человѣческія

законы сами собою не были бы сильны поощрить насъ къ добродѣтели, и отвратить отъ порока. Сїя сила древнѣе народовъ и гражданскихъ обществъ: она вѣчна, какъ самъ Богъ, Творецъ и учредитель всѣхъ вещей. Въ самомъ дѣлѣ Богъ есть всевѣдущъ, праведенъ и премудръ; и сему только всеобъятному разуму, сей безконечной премудрости, сей неизмѣнной правдѣ свойственно различать худое отъ хорошаго, и хорошее отъ лучшаго; между порокомъ и добродѣтелїю, между правдою и неправдою поставить средостѣнїе, толикожъ древнее, и толикожъ необходимое, какъ и онъ Самъ.,,

Въ царствованїе Тарквинїя Римъ не имѣлъ еще письменнаго закона противу насильства и прелюбодѣянїя; но сынъ сего Государя не менѣе погрѣшилъ противъ вѣчнаго закона, учинивъ насилїе Лукрецїи: онъ отложился отъ здраваго разсудка; онъ не внялъ гласу природы, внушающему презрѣнїе къ пороку, и любовь къ добродѣтели. Сей самоначальный законъ, источникъ и образецъ прочихъ законовъ, не тогда началъ существовать, когда его написали; онъ столькоже древенъ, какъ самъ Богъ; ибо есть не другое что,

какъ самой разумъ всевышняго Бога. Цицер. о зак. кн. II. стр. 332. томъ IV. изд. 1577 смотр. Платона о зак. кн. IV. и въ Критіи.

Гдѣ же, восклицаетъ здѣсь знаменитый Фолософъ, сіе неизмѣнное правило, отдѣляющее правду отъ неправды, сей разумъ, превышающій всѣ ограниченные и несовершенные умы человѣческаго рода? гдѣжъ сей неумолчный оракулъ, противъ коего ни мало не сильны суетныя предубѣжденія народовъ? Гдѣ сей живый свѣтъ, озаряющій всѣ духовныя существа? разумное око зритъ его, и ничего бы не узрѣло, когдабы оный былъ невидимъ; ибо не иначе, какъ посредствомъ его, и съ помощію чистѣйшихъ его лучей, созерцаетъ всѣ вещи.

Мой умъ не есть сей первоначальный разумъ, сія всеобщая и непреложная истина: онъ есть только орудіе, чрезъ которое сообщается душѣ сей самобытный свѣтъ. Есть солнце для духовъ, которое всѣхъ ихъ освѣщаетъ гораздо лучше, нежели сколько видимое солнце освѣщаетъ тѣла. Сіе солнце умовъ изливаетъ на насъ вмѣстѣ и свѣтъ и любовь къ своему свѣту. Сіе солнце истины въ

одно и тоже время свѣтитъ въ обоихъ полушаріяхъ. Одинъ человѣкъ никогда не можетъ скрыть лучей его отъ другаго человѣка; онъ равно видимъ во всякомъ, даже сокровеннѣйшемъ мѣстѣ вселенныя. Гдѣ сей разумъ толико присущь мнѣ и столько отличный отъ меня? гдѣ сей совершенный, вѣчный, непремѣнный разумъ? не Богъ ли это, чего я ищу? (*Фенелонъ* разсужд. О бытіи Божіемъ стр. 196 и пос.

ЧЛЕНЪ ВТОРЫЙ.

Внѣ Бога нѣтъ источника нравственной обязанности, ни основанія правды.

И такъ внѣ Бога искать главнаго правила нашихъ обязанностей и основанія нравственности, есть великая погрѣшность. Удивительно, что такой ученый мужъ, каковъ Гроцій, могъ сказать, что законоположеніе естественное, и всѣ правила въ немъ заключающіяся якобы не зависятъ отъ понятія о Богѣ и его промыслѣ.,, ,,Всѣ доселѣ говоренное мною о ,,правѣ естественномъ и тогда

„нѣкоторымъ образомъ было бы „совмѣстительно, когда бы согла- „ситься, чего въ другомъ случаѣ „никакъ не можно допустить, „что нѣтъ Бога, или хотя и „есть, но онъ не печется о дѣ- „лахъ человѣческихъ.„ Гроцій о правѣ мира и войны предисл. § XI.

Какъ онъ не усмотрѣлъ, что понятіе о справедливости изчезаетъ, какъ скоро отдѣлить его отъ понятія о всесовершеннсмъ существѣ, началѣ и образцѣ всякія правды. Нѣтъ даже между языческими Философами, кои бы не замѣтили необходимой связи между частными правилами нравственности и правиломъ всеобщимъ и самобытнымъ. Откуда заключили, что оныя будучи только примѣненіями, истеченіями сего перваго начала, не могли существовать безъ него, такъ какъ лучи безъ солнца. Внушать людямъ, что нѣтъ Бога, или хотя и есть, но не имѣетъ вліянія на происходящее на земли, значитъ по мнѣнію Цицеронову, опровергать всю нравственность, прерывать всѣ союзы общества, истреблять добрую совѣсть, и изгонять правду.

Теперь вопросимъ тѣхъ, которые бы по нещастію не знали Бога,

или явно не нападая на сїю въ основанїе принятую истину, надѣялись безъ нея составить политическое тѣло, и изъ правила естественнаго извлечь правила нравственности: можетъ ли остаться какая обязанность для разсуждающаго безбожника, твердаго въ своихъ началахъ, неустрашимаго противъ ужасовъ, внушаемыхъ намъ воспитанїемъ, которой противополагая всегда Философїю предубѣжденїямъ, сдѣлался на конецъ нечувствителенъ къ угрызенїямь совѣсти? что будетъ для него правда или неправда, порокъ или добродѣтель, какъ не народный предразсудокъ? Онъ дерзаетъ даже опровергать понятїе высочайшей, живой, вѣчной правды; которая есть существенный порядокъ и самая святость. Подлинно, для человѣка, погруженнаго въ такое нечестїе и столь ужасное ослѣпленїе, не можетъ быть дѣйствїй добрыхъ или злыхъ. Во всякомъ случаѣ, минутная выгода управляетъ его выборомъ.

Противъ сего возразятъ: желанїе быть щастливымъ, есть началомъ всѣхъ нашихъ движенїй и всѣхъ нашихъ поступковъ. Какоежъ можетъ быть дѣйствїе сего желанїя

въ Епикурейцѣ и безбожникѣ? Онъ не ожидаетъ, ни страшится ничего послѣ смерти. Его домогательства и чаянія всѣ ограничиваются только сею жизнію. Онъ не знаетъ, онъ не желаетъ другаго благополучія кромѣ того, коимъ здѣсь наслаждаются. Поставь же его въ одномъ изъ такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ по его сужденію не льзя учиниться благополучнымъ, какъ только чрезъ злодѣяніе. Что удержитъ его отъ онаго? отречется ли онъ отъ желанія быть щастливымъ. Но сіе желаніе составляетъ часть его существа; коего впечатлѣнія изгладить или остановить нѣтъ никакой возможности.

Будетъ ли онъ искать въ будущности награды за жертву, требуемую отъ него добродѣтелію; но въ очахъ его добродѣтель есть только пустое названіе, а будущая жизнь чистая мечта. Такимъ образомъ превѣчной законъ, отдѣляющій правду отъ неправды, почитая за вымыслъ; не вѣря промыслу, пекущемуся о мірѣ, онъ не можетъ зрѣть другой награды за добродѣтель, ни другаго наказанія за порокъ, кромѣ тѣхъ, которыя происходятъ отъ людей. Слѣдственно

онъ не умедлитъ предаться пороку, естьли того воспребуютъ его страсти, и естьли можетъ увѣриться въ ненаказанности и скрытности.

Скромной или малодушной темпераментъ, миролюбивой или славолюбивой характеръ, страхъ безчестія или общей ненависти, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преодолѣть приманки страстей, и отвратить нѣкоторую часть злыхъ послѣдствій пагубныхъ его началъ.

Но ежели онъ рожденъ съ пылкими страстями и стремительнымъ характеромъ; ежели щастіе, или его происки доставили ему надежныя средства удовлетворить развращеннымъ своимъ склонностямъ: то какой оплотъ поставимъ противъ сего быстраго потока? отвлеченныя понятія честности и справедливости могутъ ли обуздать его буйство, и остановить потопленіе? Таковой безбожникъ, предполагаю я, воспаленъ сильною страстію: стремительная склонность влечетъ его къ тѣмъ предмѣтамъ, отъ которыхъ онъ надѣется великихъ выгодъ и пріятнаго услажденія. Но для достиженія оныхъ надобно употребить неблагодарность, вѣроломство, же-

стокость. Тайное похищеніе, скрытной ядъ, навсегда неизвѣстная измѣна, извлекаютъ его изъ нещастія, освобождаютъ отъ совмѣстника, доставляютъ ему удовольствія, почести и богатство. Мысль о честности остановитъ ли его на краю бездны? есть ли такой примѣръ, чтобы гладный Левъ добровольно упустилъ добычу, которую бы могъ пожрать ненаказанно? погибло бы общество, когда бы природа, которая сильнѣе злости человѣческой, между закономъ и столь ужаснымъ развращеніемъ не поставила непреодолимой преграды.

Какое, повторимъ еще, побужденіе можетъ побудить безбожника, имѣющаго столь пылкія желанія къ пожертвованію страстію обязанности? для укрощенія его стремительности, или для отвращенія его отъ предпріятій что можетъ сказать ему человѣкъ погрязшій подобно ему въ нечестіи безбожія? Онъ ему представитъ неудобства, которымъ себя подвергаетъ, предаясь подстрекающей его страсти, презрѣніе своихъ собратій, строгость законовъ, угрызенія собственной своей совѣсти...

Но страстію обладаемый без-

божникъ, о которомъ здѣсь рѣчь, можетъ быть въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ не долженъ страшиться ни мщенія законовъ, ни ненависти людей. Что касается до угрызеній совѣсти, коими ему угрожаютъ, то онъ скажетъ, что сей страхъ предоставляетъ онъ слабымъ душамъ, обдержимымъ дѣтскими предубѣжденіями; чтожъ принадлежитъ до него собственно, онъ довольно извѣстенъ, что сіи пустыя угрозы не сильны ни поколебать, ни коснуться души мудраго, которой уже увѣренъ, что нѣтъ, ни Бога, ни вѣчнаго закона; что человѣческія дѣйствія суть ни благи ни злы сами въ себѣ; что договоры, или гражданскія постановленія, полагающія между ними произвольное различіе, ни кого не могли обязать, а паче отсутствующаго, и съ ущербомъ личныхъ выгодъ; что человѣкъ не имѣя другаго правила кромѣ своихъ наклонностей, ни другаго побужденія кромѣ своей собственной пользы, въ желаніяхъ и предпріятіяхъ своихъ не находитъ другихъ границъ, кромѣ невозможности. Сіи умствованія сколь ни ужасны и ни вздорны, но заграждаютъ всякому

успа, кто утверждаетъ, что нѣтъ Бога, или что онъ ни мало не печется о людяхъ.

Но ежели ты останавливаешся на сложеніи нашей природы, на рѣшеніяхъ разума, на впечатлѣніи нашего нравственнаго смысла, на согласіи связующемъ всѣ существа въ мірѣ; то даешь добродѣтели ломкую или мечтательную подпору. По примѣру безумнаго зодчаго, ты употребляешь безполезныя усилія для сооруженія великаго зданія естественнаго законоположенія, не положивъ твердаго и незыблемаго основанія.

Не льзя сказать, чтобы человѣческая природа, составъ нравственнаго міра, мысли о стройности и согласіи, впечатлѣнныя во всѣхъ душахъ, свѣтъ разума, напоминанія совѣсти, не доставляли намъ правилъ для различенія добродѣтели отъ порока; истинныхъ путей, по коимъ мы должны шествовать, отъ путей обманчивыхъ, низводящихъ въ бездну. Но сіи правила заслуживаютъ нашу покорность только тогда, когда сами подчинены высшему правилу, которое есть высочайшая правда Божія; когда отъ сего перваго начала заимству-

ютъ украшающее ихъ сїянїе и право покарять насъ подъ свою власть. Отдѣлить ихъ отъ онаго, поставить въ главной и независимой законъ, значитъ отнять у нихъ силу, значитъ здѣлать ихъ неосновательными, сомнительными, а по сему и безполезными.

Сїи частныя правила естественнаго права въ нравственномъ мїрѣ суть тоже, что планеты въ мїрѣ физическомъ. Они не собственнымъ сїяютъ свѣтомъ. Они отражаютъ къ нашимъ глазамъ лучи, но не суть началомъ оныхъ. Они помрачаются, скрываются отъ нашего взора, и не приносятъ ни какой пользы, какъ скоро прервано будетъ сообщенїе между ими и тѣмъ источникомъ, изъ котораго они почерпали свою жизнь и свой свѣтъ.

И такъ не должно намъ ослѣпляться пустымъ именемъ. Кто понятие о высочайшемъ Существѣ отлагаетъ въ сторону, тотъ говоритъ безразсудно, или старается обмануть, утверждая, что законы нравственности основываются на природѣ вещей. Природа есть ничто, ежели она не есть существенный вещей порядокъ и чертежъ Мїроздателя, которой

прочимъ существамъ вообще, а человѣку особенно даровалъ такой составъ, какой ему угоденъ былъ; которой между различными частями вселенныя учредилъ соотвѣтствіе и соотношеніе каковыя премудрость его почла необходимо нужными. „Говоря о при„родѣ, я разумѣю подъ симъ „именемъ Творца ея и правителя, „то есть всевышняго Бога, „ Св. Златоустъ въ толк. на 1 къ Корин. XI. 3.

ЧЛЕНЪ ТРЕТІЙ.

Мысль о Богѣ возраждаетъ мысль о законахъ естественныхъ; однакожъ начало правды не зависитъ отъ ея опредѣленія или произвольнаго хотѣнія.

Понятіе о семъ высочайшемъ Существѣ не можетъ представиться уму, не возраждая въ немъ понятія о нравственныхъ законахъ. Когда я разсуждаю о сихъ простыхъ и ясныхъ истинахъ, служащихъ основою всѣмъ наукамъ, и стараюсь привесть ихъ къ своему началу; то вижу съ перваго взгляду, что они суть только изліянія

или лучи первообразной и самобытной истины, которая есть Богъ.

Когда разсуждаю, что Существо разумное, справедливое, добродѣтельное есть досточтимѣе того, которое пренебрегаетъ разумъ, предается развратнымъ склонностямъ, ненавидитъ порядокъ и согласїе, вредитъ своимъ ближнимъ; то удостовѣряюсь совершенно, что сїе разсужденїе есть сообразно законамъ высочайшей правды, которая есть Богъ. Словомъ сказать, ежели есть Существо, высочайшее, благое и совершенное; то не можетъ оно одобрить заблужденія; поелику оно есть истина. Не можетъ одобрить гордости, клеветы, вѣроломства, жестокости; поелику есть высочайшая правда.

Изъ сего начала раждаются неизмѣнныя правила человѣческихъ дѣйствїй. Врагъ естественнаго закона, которой есть такъ же врагомъ откровенія, не взирая на свои предубѣжденія, принужденъ въ томъ согласиться. Богъ говоритъ онъ, не можетъ быть неправеденъ, ни лживъ, ни злобенъ, ни безразсуденъ; но изъ сей посылки выводитъ самое нелѣпое за

ключенiе, что яко бы Религiя, ея догматы, таинства и писанiе не могли быть произведенiемъ Божiимъ, и суть только вымыслъ человѣческiй.

Здѣсь не мѣсто опровергать его заблужденiе, и заставить молчать его безстыдство. Вопросимъ только: почему ты знаешь, что Богъ не можетъ быть ни лжецомъ, ни злотворцемъ, ни неправеднымъ. Онъ безъ сомнѣнiя скажетъ, что естественное и непреоборимое впечатлѣнiе внушаетъ всѣмъ мыслящимъ существамъ, что ложь, жестокость, несправедливость, и прочiе симъ подобные пороки вовсе несовмѣстны съ понятiемъ о существѣ совершенномъ въ высочайшемъ степени.

И такъ ты во глубинѣ сердца своего носишъ внутреннее убѣжденiе, предъидущее твоимъ размышленiямъ и умствованiямъ, убѣжденiе независимое отъ всѣхъ мнѣнiй и предразсудковъ, что вѣроломство, ложь, жестокость, склонность ко вреду не свойственны природѣ разумнаго существа; что они ее оскверняютъ и унижаютъ; что напротивъ Существо тѣмъ совершен-

нѣе, свѣтѣе, чемъ оно вѣрнѣе, отдѣльнѣе отъ всякаго безчинїя, благорасположительнѣе къ ближнему.

Ежели Богъ не можетъ не ненавидѣть, и не осуждать того, что противно его совершенствамъ, свойству существа его; то ложъ, клевета, насилїя и всякая неправда должны быть для него отвратительны, потому что онъ есть самая благость, истина и правда. Но что Богъ ненавидитъ, и отвергаетъ, яко несправедливое, развратное, то въ самомъ дѣлѣ есть таково; ибо Онъ есть самая истина, всеобъятный разумъ, высочайшая святость и правда; слѣдовательно Его сужденїя всегда вѣрны, и должны служить правиломъ для нашихъ мыслей.

И такъ между добродѣтелїю и порокомъ, равно какъ между истиною и заблужденїемъ, есть различїе, различїе неизгладимое, которое бытїемъ своимъ одолжено началу превышающему всѣ возможные договоры или установленїя. Добродѣтель убо заслуживаетъ награду, такъ какъ порокъ достоинъ наказанїя и сего требуетъ неизмѣнный законъ исти-

ны и правды. Порокъ не будетъ всегда ненаказаннымъ и торжествующимъ, ни добродѣтель всегда попираема и нещастна. Слѣдовательно послѣ сего времени искуса и приуготовленія наступитъ царство постоянное и вѣчное; гдѣ воздастся всякому по дѣламъ его, и премудрость путей Божіихъ и смотреніе промысла явятся оправданны.

Однако не надлежитъ мыслить, что нравственныя законы якобы заимствуютъ свою твердость и силу обязывать насъ только отъ опредѣленія Божія или его произволенія. Таковая мысль подъ видомъ Богопочтенія учинила бы Бога противорѣчущимъ самому себѣ. Она, кажется, возвышаетъ его могущество; но посягаетъ на его святость и правосудіе.

Слѣдственно Философъ Анаксархъ утверждалъ опасное и ложное положеніе, говоря вообще: *Богъ хочетъ чего либо не потому, что справедливо; но потому справедливо, что онъ того хочетъ.* У Плутарха въ жиз. Алек. Александръ былъ въ отчаяніи, когда въ сильномъ гнѣвѣ умертвилъ любезнаго Клита.

,,Ахъ говоритъ ему ласкатель, ,,для утоленія его скорби и ,,успокоенія совѣсти; ахъ! тотъ ,,ли это Александръ, на коего ,,всѣхъ народовъ глаза отверз-,,сты? Увы! се онъ простертъ ,,на земли, какъ подлый неволь-,,никъ страшась закона и пори-,,цанія; тотъ, которой долженъ ,,самъ быть закономъ для дру-,,гихъ и правиломъ всякія спра-,,ведливости. Его назначеніе есть ,,повелѣвать, все покорять подъ ,,власть свою; а не бояться отзы-,,ва другихъ, и отъ мнѣнія дѣлать ,,зависимымъ покой свой.

,,Не уже ли ты не знаешь, ,,продолжаетъ сей подлецъ при-,,дворный, что у Юпитера, по ,,выраженію Піитовъ, съ одной ,,стороны богиня правды, а съ ,,другой Ѳемиза? Симъ вымысломъ не то ли намъ внушить хотятъ, что Государь, которой есть образъ Юпитера, и представляющій на земли лице его, можетъ, какъ и самъ Юпитеръ, располагать вѣсами правды? что дѣла и повелѣнія его изъяты отъ предосужденія?

Нелѣпое и ужасное мнѣніе, которое Гоббезій положилъ въ осно-

ванїе своей системѣ! онъ подчиня справедливость и несправедливость своенравїю деспотовъ и тиранновъ, вовсе испровергаетъ естественный законъ.

И такъ въ нравственности находятся естественныя и непремѣнныя обязанности, которыя относительно къ образу нашего разумѣнїя суть древнѣе Божїя опредѣленїя, и не зависятъ отъ самовластныхъ Его законовъ. Владычество Его воли не простирается до совершенства сущности Его. Оно ограничивается упражненїемъ Его могущества. Бытїе въ Богѣ не есть дѣйствїе Его воли или Его выбора. Онъ не потому существуетъ, что хощетъ; но потому, что требуетъ того необходимость Его самобытности. Тожъ надобно разумѣть о всевѣденїи, святости, правдѣ и проч. Сїи свойства неминуемо истекаютъ изъ Его сущности. Онъ не можетъ ихъ отрещись, ни имъ противорѣчить; и сїя невозможность естъ слѣдствїемъ и доказательствомъ Его высочайшаго совершенства.

Отсюду слѣдуетъ, что Богъ имѣетъ власть только надъ бытїемъ вещей, а не сущностїю ихъ. Онъ можетъ сотворить вещество, кругъ

человѣка, или оставить ихъ въ ничтожности; но не можетъ произвесть ихъ съ чуждыми природѣ ихъ свойствами; поелику въ своихъ превѣчныхъ, непремѣнныхъ, независимыхъ отъ опредѣленій воли своея понятіяхъ зритъ Онъ, что разумъ есть существенъ человѣку, и что кругъ не можетъ быть безъ такой поверхности, которой всѣ точки равно отдалены отъ центра.

Такимъ образомъ всѣ согласны, что есть предложенія отъ вѣка истинныя. Тожъ должно разумѣть и о правилахъ нравственности, кои долженствуютъ управлять склонностями нашего сердца, дѣйствіями нашего разума, и имѣютъ непосредственное и существенное отношеніе къ главной истинѣ, то есть, къ Богу, и соучаствуютъ въ его неизмѣнности. Какъ необходимо и непремѣнно то, что бы Богъ существовалъ, былъ всемогущъ, всевѣдущъ; такъ необходимо и непремѣнно и сіе, дабы кругъ, треугольникъ имѣли точно такое, а не другое свойство; дабы начало нравственности, частное дѣйствіе были истинныя или ложныя, справедливыя или несправедливыя.

Сіи предложенія, на примѣръ:

разумной твари надобно жить по разуму; человѣкъ долженъ чтить своего Творца, надлежитъ быть вѣрну въ своихъ законныхъ обязательствахъ; воздавать всякому должное: сіи предложенія, говорю, суть толикожъ вѣчны и истинны, какъ и всѣ положенія геометрическія. Хотя бы и не было положительнаго закона, которой бы повелѣвалъ слѣдовать симъ правиламъ; однако мы тѣмъ не менѣе были бы обязаны взимать ихъ за правило жизни; ибо ясно понимаемъ, что они проистекаютъ изъ вѣчнаго и неизмѣннаго чиноположенія.

Но скажемъ вкратцѣ, что мы доселѣ подробно говорили о истинномъ началѣ нравственнаго закона.

Нравственный законъ былъ столько же нуженъ для руководства и храненія нравственныхъ существъ, сколько физическій нуженъ для тѣлъ. Когда бы Богъ не благоизволилъ создать вселенную; то не было бы ни нравственнаго, ни физическаго законовъ.

Но что такое суть законы? единственныя средства къ соблюденію и усовершенствованію нравственныхъ и физическихъ существъ.

Что бы воспослѣдовало съ системою міра, ежели бы тѣла отступили отъ законовъ недвижимости, твердости, притяженія и проч? что такое есть человѣкъ, которой удаляясь отъ нравственныхъ законовъ, предается безчинію? множество подобныхъ уменьшаетъ гнусность развращенія; но въ очахъ разума оно ужаснѣе, нежели когда бы весь міръ отступя отъ физическихъ законовъ, обратился въ свой прежній хаосъ.

И такъ безъ Бога нѣтъ творенія; хотя нѣкоторые безумцы утверждаютъ противное, не понимая того сами; безъ творенія нѣтъ существъ ни физическихъ ни нравственныхъ; безъ существъ нѣтъ закона; то есть, нѣтъ средствъ для сохраненія и усовершенствованія ихъ. Что очевиднѣе сего слѣдствія, которое служитъ новымъ доказательствомъ необходимости возноситься къ Творцу для сысканія источника нравственнаго закона, ни чемъ не различествующаго отъ источника творенія? ибо сотворить существа, и подчинить ихъ законамъ, служащимъ къ ихъ сохраненію и усовершенію, было одно и тоже

дѣйствїе Мїроздателя, которой одинъ только зналъ природу существъ, и слѣдственно могъ предписать имъ свойственные законы, законы необходимо нужные для системы творенїя и ея частей; законы, коихъ малѣйшее преступленїе было бы пагубно для существъ долженствующихъ исполнять оные.

ЧЛЕНЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Щастїе и слава человѣка неразрывно соединены съ нравственнымъ закономъ.

Не довольно открыть истинный источникъ началъ, на которыхъ возлежитъ зданїе нравственности: надлежитъ еще проникнуть далѣе, и дать возчувствовать сихъ первыхъ началъ тѣснѣйшую связь съ ближайшими къ сердцу пользами и долговѣчною славою человѣка.

Испровергать нравственный законъ, значитъ уничтожать знатнѣйшїя человѣка преимущества; значитъ заграждать ему путь къ мудрости и щастїю. Ежели изгладишъ въ умѣ его существенное различїе, отдѣляющее добродѣтель отъ порока; ежели не представишъ ему другаго источ-

ника должностей, кромѣ народныхъ соглашенiй или договоровъ; то унизишъ его, и сдѣлаешъ нещастнымъ.

И вопервыхъ сiя ужасная система пресѣкаетъ все сообщенiе между человѣкомъ и виновникомъ бытiя его. Единожды отрекшись отъ естественнаго закона, или щитая его за мечту, онъ уже не признаетъ законодателя. Онъ живетъ по своему умурасположенiю въ совершенной и всегдашней независимости. Ежели онъ избѣгаетъ нѣкоторыхъ пороковъ, или исполняетъ коекакiя добродѣтели; то ето потому, что польза того требуетъ, дабы онъ ограничивалъ свои желанiя. Онъ не щитаетъ обязанностiю чтить Бога, угождать ему, повиноваться его законамъ; ибо странной системы, мною опровергаемой, заключенiе есть таково, что высочайшее Существо не должно ничего предписывать разумнымъ тварямъ; и что будучи совершенно равнодушно къ ихъ поступкамъ и жребiю, предоставило имъ самимъ трудъ располагать своею судьбою и нравственностiю.

Изъ сего видно, что человѣкъ

не долженъ ни чего ожидать отъ его благости даже и тогда, когда бы не надлежало ему страшиться его гнѣва. Такимъ образомъ сообщенiе между Творцемъ и тварями вовсе прервано; однакожъ оно служило къ ихъ славѣ и щастiю.

Противникъ естественнаго закона необходимо теряетъ изъ виду свое первое предопредѣленiе. Онъ живетъ на удачу: мечется, куда глаза глядятъ, и въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ блуждая по сему шару, не токмо не видитъ цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться; но даже не знаетъ, имѣетъ ли какую. Подобно путнику, коего застигла ночь среди лѣса, наполненнаго рытвинами и стремнинами; или кораблю возмещаемому штурмомъ на неизвѣстномъ морѣ, онъ не имѣетъ надежнаго пути, его движенiя и усилiя истощеваютъ его безъ всякаго успѣха. Онъ всегда волнуется отъ своихъ мыслей; безразсудно слѣдуетъ слѣпымъ прихотямъ и пылкой опрометчивости; будущую жизнь почитаетъ за ничто, или за сонное мечтанiе.

Ежели правда, что человѣкъ

не имѣетъ другихъ должностей, кромѣ тѣхъ, которыя самъ онъ захотѣлъ возложить на себя, то вотъ уже и потерялъ различіе отъ тѣхъ нижшихъ существъ, которыя появляются на земли, дабы послѣ разрушиться, и быть погребеннымъ во прахѣ и вѣчной нечувственности. Онъ связанъ подобно имъ только краткимъ періодомъ настоящей жизни; а будущее по смерти все для него странно или непонятно. Его намѣренія, его предпріятія, его движенія, его чаянія, все для него замыкается въ тѣсномъ кругѣ сего міра. Какъ скоро преходящія общества, коихъ я членъ, кончатся; или смерть разрушитъ цѣпи связующія меня съ оными, и возвратитъ мнѣ прежнюю мою независимость: то вотъ я сталъ существо свободное, безъ обязанности, безъ опредѣленія.

Въ то самое время, когда кажусь связанъ сими произвольными, кои пустые болтуны выдаютъ за непремѣнныя постановленія естественнаго закона, я не меньше остаюсь столько же непонятнымъ, какъ и нещастнымъ существомъ. Имѣя цѣлію только временныя удовольствія, трогаясь только надеждою

или страхомъ благъ и золъ сея жизни, всегда буду подверженъ непостоянству моихъ прихотей, измѣненіямъ личной выгоды. Во зло употреблю свой разумъ, и свою свободу всякой разъ, когда найду въ томъ собственную пользу, и могу сіе сдѣлать ненаказанно; безъ запинанія предамся пороку, ежели онъ мнѣ обѣщаетъ удовольствія болѣе, нежели добродѣтель, и учиню сіе безъ упрековъ совѣсти; ибо какое бы право добродѣтель имѣла на предпочтеніе, ежели она дѣйствительно есть одно пустое наименованіе?

Человѣкъ получилъ въ удѣлъ разумъ, могущій созерцать истину въ самомъ ея источникѣ; и онъ ли принужденъ будетъ, по направленію самой природы, познавать только тлѣнные и временные предмѣты, представляющіеся здѣсь на земли его взору? его сердце томится ненасытимою жаждою желаній, которыя совокупно доказываютъ и его бѣдность и его превосходство. Одно только безконечное, неизмѣнное, вѣчное благо можетъ его насытить и удовольствовать; и не уже ли Творецъ для насыщенія его опредѣлилъ одни притворныя блага, кои послѣ минутнаго упоенія оставляютъ ему

ужасную пустоту, отягощенїе, крайнюю тоску, дѣлающую его несноснымъ самому себѣ, какъ скоро вникнетъ въ свое сердце, или на минуту выступитъ изъ заглушающаго и увлекающаго вихря? какое уничиженїе! какое поврежденїе человѣческой природы! какое оскорбленїе ея Творцу!

Вотъ новое доказательство! что *деистъ* не смотря на его ложныя умягченїя и льстивыя увѣренїя, ведетъ къ той же самой крайности, къ которой и развратное ученїе *матерїалистовъ*. Сїе явно и безъ околичностей равняетъ насъ со скотомъ. Оно даетъ намъ одно и тоже происхожденїе и назначенїе. А тотъ по видимому стыдится сей ужасной продерзости; онъ не смѣетъ причинять нашей природѣ столь жестокой обиды; но косвенными путями ведетъ къ подобному же уничиженїю. Разрывая союзъ человѣка съ Богомъ, ты лишаешъ его самыхъ лучшихъ преимуществъ, развращаешъ всѣ чувствованїя влїянныя въ его душу Творцемъ природы; (ибо человѣкъ послѣ сего, не знаетъ ни начала, ни назначенїя, ни употребленїя оныхъ); помрачаешъ все его существо. Онъ долженъ быть или добродѣтельнымъ безъ награды, или

порочнымъ отъ отчаянія жизни обуреваемой всегдашними бѣдствіями. Онъ не зритъ другаго предѣла, кромѣ вѣчнаго безчувствія или уничтоженія.

И такъ надобно признать за несумнительное начало, что Творецъ природы всегда имѣетъ очи отверзты на творенія рукъ своихъ; что особо назначилъ человѣку конецъ, къ которому онъ долженъ стремиться, и путь ведущій къ оному; что онъ ему предписалъ должности, предложилъ награды; что сіи должности, древнѣе всѣхъ обществъ, основаны на непреложномъ порядкѣ, и вѣчной правдѣ.

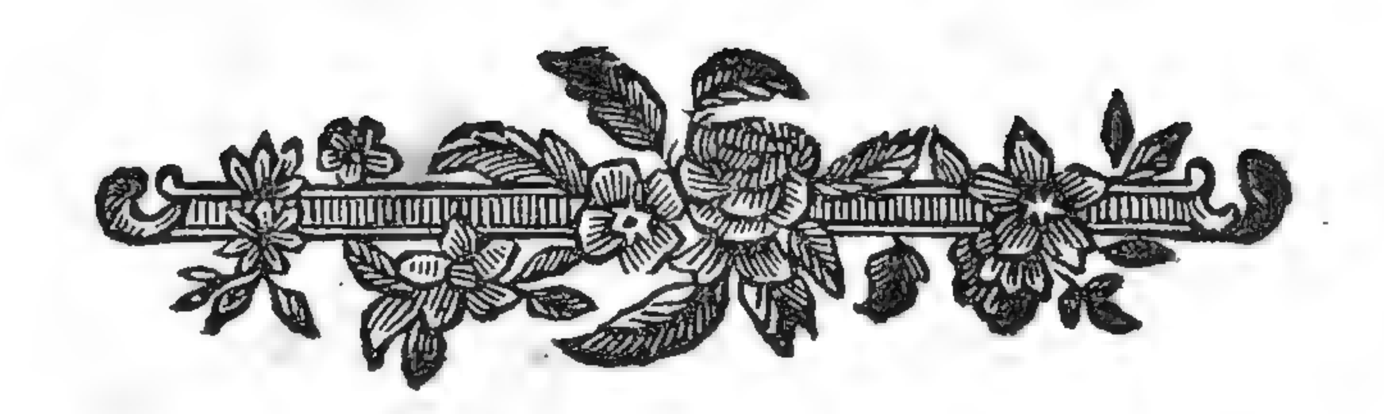
Въ сей колико утѣшительной, толико извѣстной истинѣ человѣкъ находитъ правило своихъ дѣйствій, конецъ и предмѣтъ своихъ познаній и упражненій, титло своего величія, основаніе своихъ надеждъ. Онъ уже не желаетъ жить слѣпо, или по произволу своихъ страстей; онъ трудится надъ усовершенствованіемъ своего тѣла и души; онъ по возможности споспѣшествуетъ пользѣ общества, котораго есть членомъ. Но знаетъ такъ же, что ни

одно общество, какъ и прочія части свѣта, не изъяты отъ обязательства чтить и прославлять имя Божіе; слѣдовательно всѣ общія или частныя выгоды должны исчезать, или быть ни во что вмѣняемы, когда не льзя ихъ согласить съ симъ главнымъ концемъ. Онъ всякую вещь цѣнитъ по ея добротѣ, позволительныя удовольствія различаетъ отъ тѣхъ, которыя могли бы унизить и развратить его: словомъ сказать, онъ знаетъ, какъ должно употреблять ему свое время, свое имѣніе, свою власть, свои способности, дабы подвигомъ добрымъ подвизаться, и скончa теченіе, неосужденно явиться предъ неумытнымъ судилищемъ триѵпостаснаго Бога, сея вѣчныя Правды и вѣчнаго Вождя существъ.

Конецъ второй части.

СОЗЕРЦАНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

СОЗЕРЦАНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

ЧАСТЬ III.

ОТДѢЛЕНІЕ 3.

Открываются соотношенія частныхъ обязанностей и первобытнаго начала правды.

ЧЛЕНЪ ПЕРВЫЙ.

Всѣ должности проистекаютъ изъ естественнаго и вышняго чиноположенія, коего учредитель есть самъ Богъ.

Чрезъ таковое раздробленіе восходя къ первобытному и коренному правилу, отъ коего получаютъ себѣ начало всѣ должности разумныхъ существъ; напослѣдокъ доходятъ до самобытнаго, независимаго чиноположенія, комо-

рое всѣмъ существамъ назначаетъ кругъ и образъ ихъ дѣйствованія; требуетъ, чтобъ всякая вещь стремилась къ своему предмѣту и концу. Самъ Богъ не можетъ уклониться отъ того; ибо не можетъ противорѣчить своимъ собственнымъ совершенствамъ, ниже измѣнить своей сущности.

Сіе чиноположеніе нравится само по себѣ. Оно есть самоначальная красота, неизмѣнное и повсемѣстное мѣрило всего справедливаго и изящнаго. Отъ сходства съ симъ первобытнымъ образцемъ зависятъ правильность, точность, совершенство художествъ, наукъ и нравовъ. Съ симъ то совѣтуясь высочайшимъ подлинникомъ, люди блюдутъ порядокъ, соразмѣрность, согласіе въ мысляхъ своего разума, въ движеніяхъ своего сердца, въ дѣлахъ рукъ своихъ. Все поражающее наши чувства, все представляющееся очамъ разума кажется намъ красивымъ и совершеннымъ по мѣрѣ того, какъ оно близко или далеко отъ невидимаго чиноположенія, связующаго части одного и тогожде цѣлаго взаим

ною зависимостію, заставляющаго ихъ дѣйствовать къ единой цѣли, на конецъ различныя ихъ отношенія и частныя свойства сопрягающаго въ совершенное единство.

Сіе чиноположеніе не есть произвольное. Гдѣ оно не познано или пренебрежено, тамъ кромѣ смѣшенія и безобразія ничего невидно. И не надобно думать, чтобъ владычество онаго ограничивалось только нѣкоторыми предмѣтами; все ему покорено; оно столь же всеобще, какъ и необходимо. Оно не есть только правило сихъ грубыхъ существъ, сихъ чувственныхъ съединеній, наполняющихъ міръ вещественный. Въ духовномъ мірѣ несравненно больше употребляетъ власть свою. Чиноположеніе превосходное и прекрасное; ибо всякая вещь по толику красива, по колику есть подражаніе оному: чиноположеніе древнѣйшее Божескихъ и человѣческихъ законовъ, поелику служитъ образцомъ для нихъ,; древнѣе самыхъ понятій и сущности вещей; ибо сіи понятія и сіи сущности суть вѣчны и непреложны не потому, что

находятся въ осуществленныхъ вещахъ, но для того, что суть истеченіе изъ вѣчнаго, неизмѣннаго, самосущнаго чиноположенія, или изъ высочайшаго и всеобъемлющаго разума, которой есть Богъ.

Таково убо истинное основаніе нравственной обязанности. Оно есть пустое только имя для тѣхъ, кои останавливаются на соглашеніяхъ или законахъ человѣческихъ; оно подвержено перемѣнѣ, ежели кромѣ свободныхъ приговоровъ и произвольнаго установленія Творца не имѣетъ ни какого другаго побужденія, ни какой другой подпоры. Дабы сообщить оному прочную и незыблемую основу, надлежитъ возвратить оное къ своему началу, т. е. къ сему естественному и необходимому чиноположенію, о коемъ теперь говорили, къ сему естественному праву, выше коего уже не льзя вознестись. Здѣсь то начаородное сѣмя замыкающее въ себѣ всю систему законовъ естественныхъ; источникъ всѣхъ отношеній и должностей нравственности, такъ что низходя отъ начала къ послѣд

ствїямъ, или отъ послѣдствїй восходя къ началу, всегда должно начинать съ сего края, всегда должно возвращаться къ оному.

ЧЛЕНЪ ВТОРЫЙ.

Должности человѣка относительно къ виновнику его бытїя.

Для познанїя сего естественнаго чиноположенїя и налагаемыхъ имъ обязанностей, надлежитъ на нѣсколько времяни оставить сей чувственный и земный мїръ, и преселиться мысленно въ мїръ невещественный, въ сїю обитель свѣта и истины. Тамъ представляются взору нашему различныя существа, могущїя быть предмѣтомъ нашего познанїя: Богъ, сотворенные духи и вещество. Каждое изъ сихъ существъ стоитъ въ чинѣ своемъ.

Богъ есть существо самобытное, высочайшее и всесовершенное: мы должны находиться въ глубокомъ смиренїи предъ величествомъ совершенствъ его, вѣчно благоговѣть къ нему. Но сїе верховное Существо не есть такое зрѣлище, которое кромѣ

безплоднаго удивленія не должно возбудить въ насъ никакого другаго чувствованія. Наши къ нему отношенія обширнѣе и гораздо ближе къ сердцу. Мы находимся въ совершенной и вѣчной отъ него зависимости. Отъ него то ежеминутно получаемъ бытіе, движеніе и жизнь. Наше разумѣніе безъ его свѣта есть густая тьма: наша воля, обнаженная его любви, разстроивается и совращается съ пути правды. Ежели Богъ хотя на минуту оставитъ насъ самимъ себѣ, то тотъ часъ обратимся въ прежнюю ничтожность. Онъ есть первое наше начало, нашъ послѣдній конецъ, наше единственное и неизмѣнное правило, верховное наше добро.

Еще больше углубимся въ сей первой разрядъ нашихъ должностей. Единъ Богъ есть источникъ и раздаятель благъ. Пусть всѣ твари соберутся и совокупно начнутъ дѣйствовать для содѣланія меня щасливымъ: ежели Богъ не поддержитъ ихъ усилій, и не дастъ имъ способности произвесть въ дѣйство ихъ намѣреній; то всѣ ихъ начинанія

явятся безплодными, а желанія немочными; и я останусь въ моемъ убожествѣ и нищетѣ. Между ними и моимъ сердцемъ пространство безконечное; и никакое ограниченное существо не можетъ прейти сея бездны. Душа моя живетъ въ странѣ неприступной не только веществу, но и прочимъ мыслящимъ созданіямъ.

И такъ единъ Богъ можетъ служить посредникомъ между духами, учредить между ними сообщеніе мыслей и чувствованій. Вліяніе его пусть хотя на едино мгновеніе престанетъ дѣйствовать; то все сношеніе между ними будетъ прервано, или учинится даже невозможнымъ. Слѣдовательно ни какая тварь не можетъ ни просвѣтить, ни ощастливить меня. Она сама изведена изъ ничтожества; она не больше имѣетъ, какъ то, что ежеминутно получаетъ отъ руки чуждой. Она можетъ сорадоваться моему благополучію; но не въ состояніи поспѣшествовать оному собственною и независимою дѣятельностію.

Единъ токмо Богъ есть начало всѣхъ вещей, хотя упо-

требляетъ иногда вторыя причины для совершенія своихъ намѣреній суда и милости. Твари суть не другое что, какъ посредство его благодѣяній, орудіе его гнѣва, завѣса скрывающая дѣйствія его могущества. Духи, какъ и все прочее, повинуются токмо Богу. Они ни на минуту не могутъ скрыт ся отъ его взора, ни выступить изъ предѣловъ его власти. Онъ единъ печалитъ ихъ и утѣшаетъ: отъ его руки исходятъ пріятныя или болѣзненныя впечатлѣнія, различныя чувствованія, дѣлающія щастливыми или нещастливыми.

Такимъ образомъ каждое движеніе сердца, которое не возносится къ Богу, останавливаясь на дѣлахъ рукъ его, есть во первыхъ суетно и безплодно: ибо твари сами по себѣ не сильны содѣйствовать нашему благополучію; во вторыхъ оно есть порочно и безчинно: ибо нарушаетъ естественный порядокъ, и ограниченнымъ существамъ приписываетъ свойство истиннаго блага и послѣдняго конца, что прилично одному только верховному Существу. Приманки, удаляющія

насъ отъ Бога, привязывающія къ видимымъ и скоропреходящимъ вещамъ, побуждающія любить ихъ для нихъ самихъ, суть приманки ложныя и обманчивыя, отметаемыя закономъ самой природы; ибо уничижаютъ нашу душу, развращаютъ, и на послѣдокъ смерть ей причиняютъ. -- Потщимся убо творить угодное предъ Богомъ, кромѣ его не желая ни какого другаго свидѣтеля своимъ поступкамъ, и благоволеніемъ его ограждая себя отъ всѣхъ навѣтовъ, презрѣнія и несправедливости людей.

Кратко рещи, естественный порядокъ требуетъ, чтобъ мы имѣли глубочайшее благоговѣніе къ Виновнику нашего бытія и разпредѣлителю нашей судьбы; чтобъ со смиреннымъ упованіемъ призывали себѣ на помощь того, который купно есть Зиждитель и Отецъ нашъ, источникъ благихъ, и властитель міра; чтобъ питали въ себѣ живую и всегдашнюю благодарность къ сему всеблагому и всесильному Существу, отъ котораго получаемъ все, что имѣемъ, и все, что есмы; чтобъ среди всѣхъ приключеній оскор-

бительныхъ или прїятныхъ обожали пути Промысла Всевидящаго, Вездѣсущаго, которой всемъ разполагаетъ по правиламъ высочайшей правды и безпредѣльной мудрости: чтобъ мы жили единственно для того, кто есть первое наше начало, и послѣднїй нашъ конецъ; чтобъ имѣли къ нему любовь пламенѣющую, искреннюю, плодоносную, неослабную, покаряющую себѣ страсти, очищающую наши желанїя, и все наше существо освящающую; дабы въ нравственномъ чиноположенїи все также повиновалось его волѣ, какъ все чтитъ его законы въ чиноположенїи физическомъ; дабы все ему покорствовало по выбору или по нуждѣ; дабы онъ былъ Богъ духовъ еще болѣе, нежели вещества. Сїи должности толико справедливы, толико сообразны закону природы; что разумъ внушилъ бы ихъ всѣмъ людямъ, естьли бы только не былъ ослѣпленъ или очарованъ страстьми.

ЧЛЕНЪ ТРЕТІЙ

Должности человѣка относительно къ ближнимъ.

Одинъ и тотъ же законъ природы, которой подчиняетъ человѣка Богу, яко послѣднему его концу и высочайшему благу, поставляетъ его на ряду съ другими существами, имѣющими общее съ нимъ происхожденіе, одинаковыя должности, одинаковыя способности, тоже самое назначеніе. Его наклонности, нужды, внутреннее содроганіе при видѣ опасности и при недостаткѣ помощи, все въ немъ свидѣтельствуетъ, что онъ призванъ жить въ обществѣ съ подобными ему. Странномыслящіе умы, враги рода человѣческаго, хотя дерзнули отрицать сіе начало, и усиливались заблужденію дать видъ правдоподобія; но лжемудрованія ихъ ни кого не обольстили, ни поколебали. Послушали сихъ краснобаевъ, и снова продолжали вѣрить природѣ. Богъ не съ тѣмъ даровалъ способности человѣку, чтобъ сей попустилъ имъ томиться въ вѣчномъ

бездѣйствіи. И кто не знаетъ, что въ общежитіи только онѣ развертываются, растутъ, приходятъ въ совершенство и зрѣлость? Не вотще убо природа съ доброжелательствомъ, дружествомъ, состраданіемъ, великодушіемъ, соединила впечатлѣнія толь чистыя и толь сладостныя. Сія естественная и сильная наклонность одного пола къ другому въ святомъ союзѣ не согласно ли проповѣдуетъ виды и намѣреніе Міроздателя?

Здѣлай опытъ, прерви связь общежительную, отними взаимность вспоможеній: скоро узришь землю опустошенную и человѣчество истребленнымъ. Какая участь послѣдуетъ съ новорожденнымъ дѣтищемъ безъ сообщенія мужа и жены? Онъ умретъ при самомъ рожденіи, и минутное его бытіе учинится посмѣятельнымъ даромъ природы. Въ старости, сопутствуемой немощами и нуждами мало различествующими отъ тѣхъ, съ каковыми сопряжено младенчество, человѣкъ былъ бы принужденъ страдать, и умереть въ ужасномъ недостаткѣ всѣхъ жизненныхъ потребностей. Не здѣлавши ничего для другихъ, ни какого не имѣлъ бы права на

ихъ призрѣніе и благодарность. Въ томъ самомъ промежуткѣ, которой развитіе дѣтства отдѣляетъ отъ безсилія дряхлости, чего бы онъ не претерпѣлъ, будучи оставленъ самому себѣ? Блуждая и скитаясь по лицу земли, снѣдаясь смертельною скукою, или волнуемъ будучи непрерывными ужасами, онъ палъ бы подъ тяжестію столь нещастной жизни, и скоро бы учинился добычею лютыхъ звѣрей.

Но не отъ однихъ нуждъ тѣлесныхъ составились общества, и здѣлались необходимыми для человѣка. Безъ общежитія разумъ его оставался бы погруженъ въ плачевномъ невѣжествѣ и глупости. Сердце заранѣе предавшись слѣпымъ и неистовымъ впечатлѣніямъ, преобразило бы его въ существо столь же презрительное и нещастное, какъ и скотъ. Здѣсь опытъ замѣняетъ всѣ умствованія. Въ дикомъ человѣкѣ ничего не видно кромѣ невѣжества, грубости, нискихъ а часто и звѣрскихъ наклонностей. Сляченъ къ землѣ въ срамномъ видѣ, онъ не имѣетъ желаний и заботъ, кромѣ относящихся къ его тѣлу.

Духовное, невидимое какъ бы не существуетъ для него. Драгоцѣннѣйшія способности его безъ упражненія перераждаются, и никогда не улучшиваются. Умъ его покрывается густымъ мракомъ; вся дѣятельность обращается на подлыя и презрительныя предмѣты. О законѣ естественномъ имѣетъ понятія или совсѣмъ ложныя, или весьма темныя: онъ находится въ невѣденіи о существеннѣйшихъ и нужнѣйшихъ обязанностяхъ: онъ нарушаетъ ихъ безъ стыда и безъ угрызеній совѣсти; онъ не знаетъ ни своего произхожденія, ни виновника бытія своего, ни превосходства своего опредѣленія; короче сказать, онъ живетъ и умираетъ почти также какъ и скотъ.--Можно ли вообразить себѣ, чтобъ толико постыдное низхожденіе было въ планѣ Творца? Можно ли было ожидать, что бы нашлись столь злонамѣренные и несмысленные писатели, кои начали бы говорить на щетъ общежительства, изъявляя сожалѣніе о семъ мечтательномъ состояніи, въ которомъ человѣкъ безъ связи съ другими, безъ зависимости, безъ отношенія къ подобнымъ ему скитался

бы по лѣсамъ на подобіе звѣрей?

Ктожъ убо, какъ не самъ Творецъ природы вложилъ въ наше сердце сію благоразположительность къ подобнымъ намъ, побуждающую насъ дѣлать имъ все зависящее отъ насъ добро, отнюдь не отдѣлять личныхъ пользъ отъ пользъ сочеловѣковъ, и собственнаго нашего благополучія искать въ благополучіи другихъ? „Мы не рождены только для насъ самихъ, говоритъ одинъ любомудръ древности, но еще для отечества и нашихъ друзей.„ Земныя произведенія опредѣлены на службу человѣка; а люди созданы другъ другу вспомоществовать, и благотворить взаимно. И такъ неотрицаемый долгъ требуетъ, чтобъ всѣ мы слѣдовали назначенію природы, по возможности и силъ нашихъ содѣйствуя общей пользѣ и благополучію всѣхъ членовъ, составляющихъ общество, чрезъ взаимное сообщеніе должностей и услугъ; съ толикоюжъ готовностію сказывая благодѣянія, какъ и получая оныя; все наше попеченіе, искусство и имущество устремляя къ тому, чтобъ

паче и паче укрѣплялся узелъ связующій людей.

Изъ сего начала раждаются всѣ должности общежитія. Довлѣетъ открыть оное, и здѣлать точное къ нему примѣчаніе, дабы почерпнуть надежныя для себя правила во всѣхъ положеніяхъ, въ каковыхъ промыслу угодно будетъ насъ поставить. Они суть многочисленны, но могутъ быть приведены въ одно столь-же ясное, какъ и простое: *относительно къ другимъ быть въ тѣхъ же самыхъ разположеніяхъ, въ каковыхъ желательно, чтобъ они для насъ были.*

Изъ сихъ то разположеній, когда они искренны, происходятъ благородныя и великодушныя чувствованія, отъ коихъ зависятъ миръ и благополучіе народовъ; всеобщее безкорыстіе, внимающее одному только долгу, и чуждое всякаго лицепріятія; добродушная откровенность въ бесѣдахъ и поступкахъ; постоянная вѣрность въ отечественныхъ законахъ; безропотное повиновеніе начальству; неослабное прохожденіе должностей общественныхъ и семейныхъ;

непреодолимая преданность истинѣ и правдѣ; и такая честность, что ни какія бури искушенія и бѣдствія ни поколебать ее, ни въ уныніе привести не могутъ.

ЧЛЕНЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Должности наши въ отношеніи къ ближнимъ не ограничиваются сею жизнію.

Сіе начало, на естественномъ равенствѣ основанное, что надобно дѣлать другимъ то, чего мы въ правѣ отъ нихъ требовать, есть весьма изобильно въ своихъ послѣдствіяхъ. Древніе любомудры умѣли тѣмъ пользоваться, и выводили множество заключеній. Совсѣмъ тѣмъ далеки еще были отъ того, чтобъ познать всѣ отношенія и пространство оныхъ. Ихъ изслѣдыванія, усилія и самое законодательство ограничивались только настоящею жизнію; и слабыя ихъ понятія о будущей служили больше предмѣтомъ любопытства и словопрѣнія, нежели правиломъ чувствій и поведенія: такъ удивительно ли, что они коренѣли въ

невѣденіи о главныхъ обязанностяхъ взаимнаго нашего сношенія.

Христіанскій любомудръ простираетъ взоръ свой гораздо далѣе. Настоящая жизнь для него есть не иное что, какъ странствованіе, мѣсто искушенія и приуготовленія. Союзъ его на земли съ другими людьми въ очахъ его есть одно только слабое изображеніе безсмертнаго общества, которое послѣ краткаго жительства въ сей слезной юдоли должно соединить добрыхъ въ блаженномъ мирѣ и ненарушимомъ покоѣ. Общество искреннее и совершенное, откуда раздоры изгнаны навсегда, гдѣ умы и сердца соединены чистою и вѣчною любовію; потому что недѣлимое и безконечное добро, коимъ обладаютъ, всѣхъ удовлетворяетъ своимъ единствомъ и преизбыточествомъ. Общество чистое и неизмѣняемое, которое не будетъ осквернено ни какими умыслами властолюбія, ниже возмущено какоюлибо личною выгодою; гдѣ самолюбіе не имѣетъ доступа, и ни кто въ себѣ не ощутитъ ни суетныхъ безпокойствъ, ни подлой зависти, ни

законопреступныхъ желанїй.

Съ симъ то высокимъ чаянїемъ благочестивые люди соображаютъ свои чувствованія и поступки. Доброжелательство его не ограничивается сообщенїемъ однихъ токмо временныхъ благъ; оно на пути своемъ изливаетъ различныя благодѣянія на все его окружающее; однихъ дѣлаетъ участниками своихъ совѣтовъ и познанїй; другихъ, своея довѣренности или богатства; словомъ: оно ничего не опускаетъ, что можетъ только укрѣпить связь общества, и привесть его въ цвѣтущее состоянїе; но истинной его предмѣтъ есть сожительство на небесѣхъ; ибо одно сїе достоинствомъ и продолженїемъ своимъ соотвѣтствуетъ началу, оное вдыхающему, и концу, къ коему оно стремится.

Такимъ образомъ награда заслугъ его есть внѣ времени. Не отъ людей ожидаетъ оно воздаянія себѣ. Оно не ищетъ ни ихъ удивленїя, ни рукоплесканїй. Вся цѣль его споспѣшествовать ихъ усовершенствованію, и поставить ихъ на стезю истиннаго щастїя; или естьли и желаетъ

ихъ признательности, то для нихъ же, а не для себя; ибо человѣкъ не можетъ быть неблагодаренъ не здѣлавшись несправедливымъ.

Заставить насъ любить ближняго безпримѣсною и дѣйствующею любовїю, сїя слава такъ собственна Христїанству, что земная мудрость ни восхитить ее, ни участвовать въ ней не можетъ. Единой токмо нравственности, основанной на ученїи о будущей жизни, принадлежитъ заставить насъ возлюбить должности общежитїя, открыть ихъ начало, преодолѣть препятствїя къ исполнительности, и предложить праведное мздовоздаянїе. Она требуетъ, чтобъ человѣкъ не половиною, а всѣмъ сердцемъ возносился къ Богу; и въ семъ самобытномъ источникѣ усилившись и очистившись, дары природы и щастїя щедродательно изливалъ на всѣхъ подобныхъ ему, созданныхъ, какъ и онъ самъ по образу Божїю, и благодатїю призванныхъ созерцать Бога и наслаждаться имъ. Сїя вторая должность основана на первой: и есть ея истеченїе.

Такимъ то образомъ нравоученіе, поддержанное и улучшенное Религіею, вдыхаетъ въ насъ искреннюю благотворительность ближнимъ. Ибо любить другихъ какъ самихъ себя значитъ желать всѣхъ людей видѣть щастливыми; значитъ всемѣрно стараться доставить имъ такоежъ добро, какого себѣ желаемъ, и ожидаемъ.

Но чтобъ вознестись до сего высокаго доброжелательства ближнимъ, надобно прежде содѣлаться чуждымъ всякой личности; иначе должны будемъ страшиться совмѣстниковъ, потому что отъ раздѣленія уменьшаются земныя блага. Надобно желать только общаго добра разумной твари, которое своимъ единствомъ и избыточествомъ всѣхъ удовлетворяетъ, и которымъ тѣмъ больше обладаемъ, чѣмъ ревностнѣе труждаемся сообщить его другимъ.

Кто понимаетъ или любитъ одни только временныя выгоды, тотъ въ собратіяхъ своихъ не видитъ кромѣ соперниковъ и враговъ; ибо имъ я тѣже требованія и права, какъ и онъ, силятся у него похитить все, или часть благъ, отъ коихъ дѣлаетъ зависимымъ свое щастіе. Сіи блага ограничены: а при-

томъ даются намъ вѣсомъ и мѣрою. Слѣдовательно можемъ ли мы не содрогаться по крайней мѣрѣ внутренно, когда будутъ еще участвовать въ нашемъ удѣлѣ, которой и безъ того недостаточенъ насытить нашу алчность?

Предположимъ на примѣръ человѣка страстно любящаго достоинства, высокія званія, могущество, и все лестное для честолюбія: доколѣ страсть сія обладаетъ его сердцемъ, дотолѣ не можетъ онъ не бояться, или не ненавидѣть тѣхъ, кои своею довѣренностію, или происками умѣли предвосхитить оныя, и заступить мѣста, о коихъ онъ воздыхалъ. Они причиною, что онъ остается въ постыдной неизвѣстности и несносномъ для него забвеніи.

И такъ одна надежда учиниться наслѣдникомъ будущаго блаженства, можетъ очистить сердце, изгнать изъ него самолюбіе, и замѣстить сіе благородными и возвышенными чувствіями. Всякая Философія, всякая нравственность, ограничивающая свои наставленія временнымъ благоустройствомъ, унижаетъ душу, стѣсняетъ ея способности, растлѣваетъ чув-

ствія. Она неминуемо ослабляетъ всѣ связи общества, членовъ его отвлекаетъ отъ народной пользы, дабы соединить ихъ въ точку собственности. Вотще она силится благовиднымъ здѣлать сіе постыдное и законопреступное расположеніе; не смотря, что иногда и не замѣтятъ ея подлости и злонамѣренности.

И такъ весьма тѣ непростительно погрѣшаютъ, кои разсужденія свои и правила о должностяхъ въ отношеніи къ ближнимъ ограничиваютъ сею жизнію, вовсе не простирая взора за предѣлы гроба. Они безъ вниманія проходятъ сіе, что обязанности взаимнаго благорасположенія гораздо обширнѣе и величественнѣе; что взимаютъ онѣ свою основу отъ превосходства нашей природы и высокаго ея опредѣленія; слѣдственно имѣютъ естественное и неминуемое отношеніе къ постоянному и вѣчному общежитію, коего земное есть одинъ токмо образъ.

Чтобъ не быть намъ должными, и исполнить всѣ обязанности относительно къ подобнымъ намъ, надлежитъ познать суету

настоящихъ благъ, великость и прочность будущихъ. Надобно сличать время съ вѣчностію, должности временнаго общества измѣрять пользами того, которое Религія начально образуетъ здѣсь на земли, а довершитъ на небѣ. Ограниченное непремѣнно должно относиться къ неограниченному; преходящее и минутное, къ вѣчному и неизмѣнному; искушенія и пріуготовленія, къ предѣлу и успѣху.

Во всѣхъ убо случаяхъ, гдѣ пользы временнаго общества спорятъ съ пользами вѣчнаго, разумъ не позволяетъ колебаться; что оканчивается съ жизнію: то не заслуживаетъ даже сравненія съ безконечнымъ предмѣтомъ. Величіе, слава, удивленіе народа, живѣйшія и разнообразнѣйшія удовольствія, должайшая жизнь, и самое владычество надъ свѣтомъ; всѣ сіи блага при всей ихъ очаровательности, суть чистая ничтожность, ежели не могутъ за нами слѣдовать по другую страну гроба. Что замыкается въ предѣлахъ времени, то затмѣвается и изчезаетъ предъ вѣчностію. *Возлюбиши ближняго*

твоего, якоже самъ себе; такъ говоритъ слово Божіе: то есть, всемѣрно старайся доставить ему такоежъ добро, какого себѣ желаешъ, и которое можетъ учинить тебя совершеннымъ и благополучнымъ. Но здѣсь на земли ничто не можетъ наполнить пустоты твоего сердца, ни насытить его желаній. Слѣдовательно и взоръ и мысли устремляй только къ блаженной вѣчности, единственному краю твоихъ желаній. Къ сему щастливому концу долженъ ты приводить и своихъ собратовъ, желаніями, благодѣяніями, и всѣми для тебя возможными средствами.

Сколь чудная погрѣшность, и сколь ужасная холодность, любовь къ ближнему ограничивать только пустыми и скоропреходящими его выгодами, которыя ни какой не имѣютъ соразмѣрности съ сущностію и продолженіемъ его желаній, которыя послѣ минутнаго обольщенія навсегда будутъ у него отняты, и онъ остается въ некончаемомъ убожествѣ! Ложныя и обманчивыя блага, часто заграждающія путь къ пріобрѣтенію благъ существен-

ныхъ и прочныхъ; блага зловредныя, ибо усиливаютъ наслѣдственную склонность ко грѣху, ослѣпляютъ душу и вовлекаютъ въ неизчислимыя крайности, охуждаемыя и закономъ вѣры, и закономъ природы. Назовемъ ли доброжелательствомъ ревность Агрипины, желавшей утвердить престолъ за мерзостнымъ ея сыномъ? Жизнь Нерона можетъ быть здѣлала бы честь Сенекинымъ наставленіямъ; когда бы онъ имѣлъ равнаго и друга себѣ.

Посмотримъ на произходящее въ общежитіи: имѣютъ ли какое попеченіе о вѣчномъ благополучіи подобныхъ себѣ? подвергнулись бы весма колкимъ издѣвкамъ, когда бы вздумали невѣжду наставить, связать языкъ злослова и клеветника. Все время тамъ проходитъ въ совершенномъ забвеніи нужнѣйшихъ обязанностей относительно къ ближнему; въ такихъ разговорахъ и занятіяхъ, кои Религія охуждаетъ, нравоученіе порочитъ, и не большое число мудрецовъ презираетъ въ отчужденіи отъ шумнаго свѣта.

ЧЛЕНЪ ПЯТЫЙ.

Должности человѣка относительно къ самому себѣ.

Что законъ естественный предписываетъ человѣку въ отношенiи ка самому себѣ, это составляетъ послѣднiй разрядъ нашихъ должностей. Они суть многочисленны и весьма важны. Но можно привесть ихъ въ сiе общее правило, что человѣкъ долженъ трудиться надъ усовершенствованiемъ самаго себя, и достигать верховнаго блаженства.

Чтобъ получить то и другое, нужно познать степень и кругъ дѣйствiй Богомъ ему опредѣленный во вселенной. Онъ поставленъ безконечно ниже начала и конца своего; на ряду съ другими существами, имѣющими одинакую природу и одинакую надежду; выше вещества и всѣхъ тѣлъ покоренныхъ его власти.

Такимъ образомъ человѣкъ есть равенъ духамъ сотвореннымъ, совершеннѣе тѣлъ. Онъ долженъ соединиться съ Богомъ, любить

его всѣмъ сердцемъ, и всему предпочитать. Ибо коль ужасное превращеніе смѣть сравнивать какую либо вещь съ Богомъ!

Онъ долженъ любить мыслящія существа, поставленныя на одной съ нимъ степени, не такъ какъ виновниковъ, но яко общниковъ своего благополучія. Онъ равно долженъ избѣгать чрезмѣрной къ нимъ привязанности, и не считать ихъ порабощенными себѣ. Ибо они не суть ни послѣдній конецъ его, ни верховное благо -- Человѣкъ призванъ къ блаженству, но не можетъ наслаждаться онымъ, прежде нежели пройдетъ блазненную пустыню сея жизни, которая есть поприще удовлетворенія за грѣхи добрыми дѣлами и слезами, и поприще сраженія духа съ плотію. Ему надлежитъ неослабно трудиться надъ тѣмъ, чтобъ общее съ животными, то есть, чувства повиновались разуму, а разумъ Богу.

На конецъ онъ долженъ повелѣвать тѣлами: ибо кто сомнѣвается, чтобъ душа, созданная по образу Божію, не была благороднѣе безчувственнаго веще-

ства? Цѣлая громада свѣта, столь удивительная по своей обширности и лучезарности, есть ничто въ сравненіи съ разумнымъ и безсмертнымъ существомъ. И такъ духъ и вещество хотя соединены между собою, но превосходство перваго требуетъ, чтобъ сіе повиновалось безъ сопротивленія и ропота, а тотъ господствовалъ бы, ни на черту не отступая отъ своихъ правъ, и никого не допуская восхитить у себя власть сію.

Еще глубже вникнемъ въ сію матерію, столь великое имѣющую отношеніе къ нашимъ должностямъ и преимуществамъ. Человѣкъ не есть чистый духъ; но составленъ изъ тѣла и души. Тѣснѣйшая и неизъяснимая связь соединяетъ сіи два противныя существа. -- Богъ человѣка поставилъ надъ ними, яко пастыря, руководителя, врача того и другаго. И такъ онъ долженъ сохранять ихъ достоинство: въ слабостяхъ поддерживать ихъ, отъ золъ освобождать, и приводить къ концу, для котораго Творецъ извелъ ихъ изъ небытія. Но единъ Богъ есть истинный

конецъ нашъ и наше верховное добро. Въ немъ только находимъ совершенство, успокоенїе, щастїе сродныя природѣ нашего существа. Такимъ образомъ обязанности человѣка относительно къ самому себѣ состоятъ въ томъ, чтобъ всѣ мысли разума, всѣ ощущенїя сердца, всѣ движенїя тѣла, всю дѣятельность существа своего покарять естественному чиноположенїю, или всеобъемлющему уму Божїю.

Вѣрный исполнитель закона своей природы тщательно будетъ охранять, возстановлять, умножать благосостоянїе своего тѣла. Онъ потщится избѣгать всѣхъ излишествъ, могущихъ разстроить или остановить сїю чудесную машину. Но никогда изъ виду не потеряетъ безконечнаго превосходства своея души; для нея то собственно и о тѣлѣ своемъ печется, котораго безпорядокъ почти всегда причиняетъ уму замѣшательство въ его дѣйствїяхъ.

Слѣдовательно на предпочтенїе тлѣннаго нетлѣнному, мертвеннаго безсмертному будетъ взирать онъ какъ на ужасное нѣкое превращенїе естественнаго чина. Также коль

скоро тѣло учинится препятствіемъ къ усовершенствованію души; ни мало не усумнится своими удовольствіями, навыкомъ и самою жизнію пожертвовать добродѣтели и требованіямъ закона.

Сія душа, для усовершенія которой пріемлю на себя труды и попеченія, есть разумъ и воля. Первый дѣлаетъ ее способною познавать истину; а вторая любить добро, и вкушать удовольствіе. Къ сему двойственному предмѣту движется она нѣкіимъ тайнымъ, мощнымъ, повсемственнымъ впечатлѣніемъ, которое не можетъ имѣть другаго начала, кромѣ начальника природы. И такъ все вниманіе свое долженъ я устремлять къ истинѣ; а подъ симъ именемъ не разумѣю только частныя истины, сіи мрачныя и недостаточныя свѣденія, представляющіяся здѣсь на земли нашему взору. Столь ограниченный предмѣтъ не можетъ утолить палящей меня жажды, видѣть, и познавать. Вседневный опытъ удостовѣряетъ, что потребна мнѣ самая истина, истина въ ея источникѣ и полнотѣ, истина совершенно открытая; она едина

можетъ насытить мой умъ, установить его колебанія, положить предѣлъ его изысканіямъ.

Я долженъ всю дѣятельность сердца моего направлять ко благу, не къ симъ частнымъ благамъ, или скоропреходящимъ удовольствіямъ, раздражающимъ алчбу мою, и никогда ненасыщающимъ; но къ благу безконечному, къ удовольствію чистому, которое безъ всякой примѣси желчи совершенно соотвѣтствуетъ и живости и продолжительности моихъ желаній. Ограничивать вниманіе и изслѣдованія разума частными истинами; желанія и горячность воли гибнущими благими, есть превращать чинъ природы, противорѣчить намѣреніямъ Творца, забыть высокое души опредѣленіе. Я столь великъ, что кромѣ Бога ни что меня недостойно. Не могу обойтись безъ него, ибо моя природа не такова, чтобъ не имѣлъ я нужды въ высочайшемъ добрѣ; но для щастія моего единъ токмо Богъ потребенъ, и больше никто.

Такимъ образомъ духовное мое существо стремится къ природному совершенству: когда не ослѣпляет-

ся наружностями, не плѣняется обманчивымъ блескомъ хитрословія, не увлекается быстрымъ потокомъ предубѣжденій и примѣровъ, и о всѣхъ вещахъ судитъ подобно истинѣ; когда, говорю, никакого не здѣлаетъ заключенія, ни чего не пожелаетъ не снесясь прежде съ истиною, не принявъ за правило ея рѣшеній, какъ Божескихъ совѣтовъ высочайшаго разума.

Не довольно для человѣка знать вообще, какой свѣтъ можетъ предохранить его отъ заблужденій, управлять его поступками; наипаче нужно ему открыть источникъ онаго; иначе все будетъ онъ приписывать себѣ самому; никого кромѣ себя не признаетъ началомъ своея мудрости: и истина, которая должна посрамить растлѣнное человѣчество, пріуготовить оное къ уврачеванію, показуя ему великость бѣдствій его, послужитъ только къ образованію неблагодарныхъ и кичливыхъ любомудровъ.

Самый разумъ говоритъ мнѣ, что человѣкъ по сердцу есть все то, что онъ есть; что благіе или злые нравы зависятъ

единственно отъ любви, яко своего начала; слѣдовательно основѣ должностей его состоитъ въ благоустройствѣ воли. Но любовь бываетъ хорошо расположена и сообразна естественному чину, когда имѣетъ сїю двойственную принадлежность любить то, что должно, и любить по мѣрѣ цѣны вещи.

Ктожъ не видитъ, что собственно говоря, единъ только Богъ достоинъ любви; ибо онъ единъ есть истинное благо разумной твари. Прочїя существа служатъ мнѣ только средствомъ познать, и стяжать сей высокой предмѣтъ. Не здѣлавшись напередъ безумнымъ, не могу возлюбить ихъ для нихъ самихъ, ни успокоить въ нихъ надеждъ и желанїй. Симъ образомъ ставъ превыше всеобщаго потопленїя, всѣ временныя вещи увлекающаго въ бездну ничтожества или забвенїя, равнодушно и безъ зависти буду взирать на суетную пышность свѣта, на успѣхи или превращенїя вѣка. Пожалѣю о сихъ слѣпотствующихъ и низкихъ душахъ, кои останавливая выборъ свой надъ единою суетою, заслужи-

ваютъ быть участниками ея бренности и непостоянства.

И такъ человѣкъ бываетъ совершенъ, когда разумъ его освободясь отъ мрака и колебанїй заблужденїя, мирно наслаждается свѣтомъ истины; когда воля, не будучи развращена, любитъ только то, что должно любить; когда чувства въ немъ покорствуютъ разсудку, а разсудокъ Богу. Таково есть естественное чиноположенїе! Но его уже нѣтъ въ человѣкѣ; смѣсь и нестроенїе заступили мѣсто сего щастливаго доброгласїя. Разумъ его утопаетъ во мглѣ, содѣлавшись игралищемъ заблужденїя; сердце порабощено многимъ законопреступнымъ желанїямъ; онъ уже не познаетъ истины; онъ уже не любитъ правоты; онъ и слѣпъ и развратенъ.

Слабый лучь по временамъ возсїяваетъ въ его душѣ; показуетъ ему требованїя закона: но скоро поглощается туманомъ страстей. Умъ его стыдится сего внутренняго неустройства, и не можетъ возстановить порядка; охуждаетъ злыя желанїя, и не можетъ вдохнуть законныхъ Но.

какимъ образомъ разогнать сей облежащїй насъ туманъ, и свергнуть тяготящее насъ бремя страстей? Исторїя всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что человѣкъ оставленный самому себѣ, не познаетъ ни происхожденїя золъ своихъ, ни врачевства отъ оныхъ. Поищемъ убо въ вѣрѣ тѣхъ свѣденїй и пособїй, коихъ разумъ не силенъ намъ доставить.

Отдѣленїе 4.

Гдѣ разсматривается постановленїе естественнаго законоположенїя.

ЧЛЕНЪ ПЕРВЫЙ.

Нравоученїе не находитъ на земли постановленїя достойнаго себя.

Но къ чему служитъ доказывать, что между правдою и неправдою находится существенное различїе независящее отъ нашихъ мнѣнїй; что должности человѣка, относительно къ Богу, ближнему и самому себѣ, предписаны

естественнымъ и непреложнымъ закономъ: если въ то же время не будетъ доказано, что вышняя сила печется о приведеніи въ дѣйство сего закона; что въ рукахъ у себя держитъ она двѣ мощныя пружины, движущія и склоняющія людей, разумѣю, страхъ и надежду; что вѣрному исполнителю онаго предлагаетъ великолѣпнѣйшія награды, а измѣннику грозитъ ужаснѣйшею казнію; такъ что ни кто не можетъ нарушить естественнаго права, не здѣлавшись и несправедливымъ и нещастнымъ.

Безъ сей двойственной подпоры законъ естественный былъ бы игралищемъ злыхъ людей. Правило немочное и безполезное, ежели наблюдается безъ добраго для насъ слѣдствія, или пренебрегается ненаказанно; оно въ такомъ случаѣ не заслуживаетъ и имени закона; оно не больше значитъ, какъ простой совѣтъ предоставленный прихоти и своевольству низшихъ. Законъ совершенъ только тогда, когда съ своими требованіями соединяетъ сіе святое постановленіе, которое надеждою награды и страхомъ наказанія предупреж-

даетъ всякое преслушанïе.--Гдѣ же найдемъ оное? Въ законахъ ли человѣческихъ и окружающемъ ихъ ужасѣ? Правда сïе побужденïе иногда дѣйствительно. Прещенïе законовъ и народной власти предотвращаетъ многïя безчинïя. Безчестïе и казни въ умѣ черни производятъ впечатлѣнïе гораздо болѣе, нежели приманки порока.

Но сïе средство совсѣмъ недостаточно къ тому, чтобъ естественные законы обезпечить въ ихъ твердости и исполнительности. Ибо во первыхъ сколько такихъ нарушенïй права естественнаго, кои озлобляя частнаго человѣка, не возмущаютъ тишины народной, и слѣдовательно изъяты отъ строгости законодателей? Во вторыхъ между самыми преступленïями сколько скрытныхъ, и слѣдовательно не подверженныхъ отмщенïю. Сколько хитрыхъ или сильныхъ злодѣевъ, остающихся въ неизвѣстности или безъ наказанïя? Не часто ли случается видѣть порокъ въ благоденствïи и изобилïи; а добродѣтель попираему, осужденну на всегдашнее забвенïе и бѣдность?

На конецъ третïе; прещенïе

закона, пріуготовленія и ужасъ казней, могутъ остановить руку; но не могутъ подавить злыхъ желаній. Законы человѣческіе не управляютъ ни началомъ нашихъ дѣйствій, ни побужденіями. Они иногда устрашаютъ злодѣя, но оставляя его таковымъ, каковъ онъ есть; и какоежъ исполненіе закона, когда по внѣшности воздерживаются отъ нѣкоторыхъ пороковъ, а сердце порабощено страстямъ; когда человѣкъ презираетъ чинъ природы, гнушается своими должностями, питаетъ въ себѣ пагубнѣйшія намѣренія, и для осуществленія ихъ ожидаетъ только удобнаго времени и случая?

И такъ для подкрѣпленія естественнаго закона и для предохраненія его отъ наглости злыхъ людей, потребно постановленіе не человѣческое, но Божеское.--Возразятъ на сіе: славолюбіе, страхъ безчестія удержатъ въ предѣлахъ должности всякаго, кто бы покусился выступить изъ оныхъ. Слаба преграда для буйной страсти и мощной корысти!--Съ другой стороны опытъ научаетъ насъ, что развратнѣйшіе люди умѣютъ разпутство прикрывать лицемѣрі-

емъ, избѣгать презрѣнія и негодованія народнаго, и по конецъ жизни мирно наслаждаться плодомъ своего притворства.

Могутъ еще сказать, что величественнѣйшее и ужаснѣйшее природы постановленіе обрѣтается въ самой совѣсти человѣка? И дѣйствительно человѣкъ ничего такъ не страшится, какъ не нравиться самому себѣ, стыдиться самаго себя, и укорять себя въ своихъ порокахъ и заблужденіяхъ. Картина собственныхъ слабостей и порчи нравовъ есть для него скучное и нестерпимое зрѣлище. Вотъ, скажутъ, охраненіе естественнаго права!

Но вопервыхъ къ нарушенію закона естественнаго нерѣдко возбуждается человѣкъ величавыми приманками страстей также пылкихъ, какъ и безчинныхъ: коимъ сопротивленіе походитъ на борьбу съ самимъ собою. Среди сего смятенія, и сихъ внутреннихъ колебаній, гласъ совѣсти или заглушается, или остается безъ вниманія. Во вторыхъ когда ни чѣмъ не льзя обуздать страстей, какъ только упреками совѣсти: то чѣмъ они будутъ стремительнѣе, тѣмъ больше увеличится опасность, и тѣмъ недѣйстви-

тельнѣе будетъ предохранительное средство. Одни только полузлодѣи останутся истязанными; и ненаказаннымъ будетъ удѣломъ всѣхъ безсовѣстныхъ злодѣевъ.

На послѣдокъ, ежели не простирать мыслей своихъ за предѣлы сея жизни; то угрозы совѣсти въ очахъ дерзскаго злотворца что могутъ быть, какъ не плодъ суевѣрія, или народной предразсудокъ? По собственному и другихъ опыту извѣстно, что горестное раскаяніе и лютое укореніе совѣсти близко слѣдуютъ за важными преступленіями; и кто усумнится, чтобъ сіе внутреннее терзаніе не служило уздою? Но дабы сіе карательное чувство не лишилось своея силы и дѣятельности, не надобно отдѣлять его отъ мысли о будущей жизни, гдѣ Богъ воздастъ комуждо по дѣломъ его.

Совѣсть есть страшный свидѣтель; ибо представляетъ намъ высочайшаго Законоположника, котораго она есть служитель и орудіе. Обличеніе ея насъ ужасаетъ, ибо знаемъ, что рѣшенія совѣсти суть приговоръ Судіи всесильнаго, вѣчнаго, неумолимаго. Онъ по недовѣдомымъ причинамъ можетъ попускать

иногда злому человѣку наслаждаться плодомъ его нечестія, а доброму стенать подъ тяжестію притѣсненія и бѣдностй: но молчаніе его о неустройствахъ, оскверняющихъ и мятущихъ землю, не есть съ его стороны ни разсѣянность, ни безпечность. Онъ неусыпно зритъ на дѣянія человѣческія: одни одобряетъ, а другія охуждаетъ; скоро все приведетъ въ порядокъ; осушитъ слезы праведника стѣсненнаго, сокрушитъ жестоковыйную главу нечестивцовъ, и покроетъ ихъ вѣчнымъ стыдомъ и болѣзнію. Вотъ какимъ образомъ угрызенія совѣсти, поддерживаемыя памятію суда будущаго, дѣлаются сильнымъ оплотомъ противъ ярящихся волнъ страстей!

Но отдѣли совѣсть отъ величественной мысли о будущемъ, оставь человѣка въ неизвѣстности о безсмертіи души; увѣрь, что нѣтъ Бога, или что порочный не долженъ страшиться его гнѣва; или некасаясь сихъ коренныхъ истинъ, попытайся, безъ посредства ихъ, соорудить систему нравственности: и увидишъ законъ естественный въ совершенномъ безсиліи, или такъ сказать, обезоружишь его. Вотще

будешъ призывать ему на помощь обличенія совѣсти; скоро почувствуешъ, что голосъ ея слабъ, упреки безсильны, а угрозы пустыя и не основательны.

Для вящшаго удостовѣренія, что всякая система естественнаго законоположенія есть слаба, несовершенна, непрочна, когда не подкрѣплена ученіемъ о Богѣ мстителѣ порока и мздовоздателѣ добродѣтели; пусть вообразятъ себѣ общество основанное однимъ изъ сихъ мнимыхъ мудрецовъ. Граждане, послушныя наставленіямъ сего новаго законодателя, пусть будутъ такого мнѣнія, что нѣтъ Бога, или никакого не дѣлаетъ онъ вниманія къ поведенію людей; что онъ съ лишкомъ великъ и высокъ, нежели чтобъ заниматься ему земными произшествіями; а люди такъ слабы, и малозначущи, что и воззрѣнія его, кольми паче гнѣва, не заслуживаютъ.

Предположимъ, что сія новая республика имѣетъ всѣ нужныя понятія о пользѣ, человѣколюбіи, доброжелательствѣ; словомъ, всѣ пружины, каковыми лжемудрованіе силится замѣнить религію. Что тогда послѣдуетъ съ есте-

ственнымъ закономъ при сихъ ломкихъ подпорахъ? Какой оплотъ противоположимъ стремленію страстей? Ибо не надобно вѣрить сему, что Философское лепетаніе аки бы достаточно править ими, и укрощать ихъ буйство. Онѣ довольно имѣютъ власти надъ уморасположеніемъ народнымъ, чтобъ оправдать величайшія нестроенія, и представить ихъ въ пріятномъ видѣ. Впрочемъ онѣ умѣютъ сокрыться отъ взора и порицанія людей; когда не смѣютъ ласкаться надеждою, предубѣдить ихъ въ свою пользу, и получить отъ нихъ одобреніе.

Ежели человѣкъ порочный будетъ считать себя безопаснымъ со стороны неба, и о томъ только пещись, чтобъ остаться ненаказаннымъ на земли: то нравственный міръ преобразится въ жилище однихъ только злодѣевъ. Добродѣтель, ни какой не имѣя надежды по смерти, и за всѣ пожертвованія закону, получая награду только отъ свидѣтельства своей совѣсти, или отъ почтенія нѣскольких частныхъ людей, кои суть ничто въ отношеніи къ множеству не-

справедливыхъ, скоро изнеможетъ въ подвигѣ своемъ и не укоснитъ полезное самовольство предпочесть безплодной и злополучной вѣрности. Законопреступныя склонности, не встрѣчая на пути ни какой преграды себѣ, всѣхъ за собою повлекутъ въ пропасть разврата. Страсти, на подобіе сорвавшихся съ цѣпи звѣрей, причинятъ ужаснѣйшія опустошенія. Мало помалу всѣ узы общества ослабнутъ; и вселенная учинится позорищемъ насилія и ужаса; на которомъ главное лице будетъ представлять варварскій законъ сильнѣйшаго.

ЧЕНЪ ВТОРЫЙ.

Власть и силу нравственности замыкать въ предѣлахъ сея жизни, значитъ унижать и обезоруживать ее.

И такъ для подкрѣпленія естественнаго закона и дѣйствованія его нужно было Богу къ повелѣніямъ своимъ присоединить сильнѣйшія побужденія. Кто умѣетъ ускользнуть отъ правосудія людей, или довольно силенъ, чтобъ не страшиться онаго: того надлежало привести въ робость понятіемъ о вышней Правдѣ. Для укрощенія своевольства страстей

его потребенъ былъ вѣчный и неусыпный назиратель, коего грозное око преслѣдовало бы въ неприступнѣйшихъ свѣту убѣжищахъ; потребно верховное Судилище, коего приговоры никогда не остаются безъ исполненія, и не могутъ быть остановлены ни многолюдствомъ, ни довѣренностію виновныхъ; потребны сколь неизбѣжныя, столь и страшныя казни, о коихъ едина бы мысль сильна была уравновѣсить ложныя приманки порока, такъ чтобъ виновный будучи не въ состояніи сокрыться отъ взора своего судіи, ни преодолѣть его могущества, искалъ токмо въ одномъ раскаяніи безопасности и спасенія. Не взирая на сіе строгое постановленіе, не рѣдко еще случается видѣть слабыхъ или порочныхъ людей въ обольщеніи и плѣненіи своихъ склонностей! Чтожъ бы послѣдовало, когда бы страсти, при толикой дерзости и предпріимчивости ихъ, еще изъяты были отъ сего спасительнаго страха?

Сколько ни было писателей о повсемѣстномъ законоположеніи; но почти всѣ изъ нихъ впадали въ сію странную погрѣшность, что вліяніе естественнаго закона заключали въ

тѣсныхъ границахъ настоящей жизни. Онъ, по ихъ системѣ, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ земнаго благополучія. Внутреннее удовольствіе отъ исполненія долга своего, миръ съ самимъ собою и ближними, ихъ къ намъ почтеніе, доброжелательство; вотъ выгоды, которыхъ праведникъ можетъ ожидать отъ добродѣтели. Смущеніе и безпокойство совѣсти, безславіе, болѣзни, ненависть, презрѣніе людей, строгость законовъ: се наказанія, коими устрашаютъ порочнаго человѣка. Слабый оплотъ противъ стремительности страстей! Недостаточное постановленіе, дабы заставить людей быть покорными и послушными закону!

Безъ сомнѣнія не должно отвергать ни одного изъ сихъ побужденій: но надлежитъ присоединить къ нимъ другія сильнѣйшія, и долговѣчнѣйшія. Надлежитъ вскрыть завѣсу, и по другую страну гроба показать человѣку всемогущаго законодателя, которой преступниковъ наказываетъ соразмѣрно величеству огорченнаго, и назначенію огорчившаго. Иначе всѣ предписанія и угрозы

закона останутся недѣйствительными. При повелительномъ голосѣ господствующей и сильной страсти пусть порочный будетъ безъ свидѣтеля, и внѣ опасности со стороны людей: что тогда укротитъ его желанія, и удержитъ отъ злодѣянія? Красота ли добродѣтели, безобразіе ли порока, или укоренія совѣсти? Побужденія конечно сильныя, но они дѣйствуютъ еще на неиспорченные нравы, и съ умноженіемъ разврата чувствительно ослабѣваютъ. Кто не имѣетъ предъ глазами будущей жизни, тотъ способенъ ко всякому злодѣянію; ежели того потребуетъ страсть его, и мѣсто или время помогутъ ему укрыться отъ презрѣнія и мщенія сочеловѣковъ.

И такъ ослабляютъ, или и вовсе обезоруживаютъ законъ естественный, когда почитаютъ его только временнымъ постановленіемъ. Онъ весьма различествуетъ отъ человѣческихъ уложеній. Сихъ назначеніе ограниченно, и преходяще. Законодателей намѣреніе въ томъ состоитъ, чтобъ сохранить благоустройство и тишину въ обще-

ствѣ, что не всегда было и не всегда будетъ. Ето суть запасныя постановленія, для предотвращенія или пресѣченія раздоровъ и жалобъ между проходящими путниками. По достиженіи цѣли нашего странствованія, уже не имѣемъ нужды во временныхъ законахъ: они исчезаютъ вмѣстѣ съ побужденіемъ, которое ихъ осуществило.

Но законъ естественный не знаетъ сихъ превращеній; онъ есть вѣченъ и неизмѣненъ. Онъ переживаетъ всѣ человѣческія узаконенія. Онъ и тогда будетъ существовать, когда не будетъ ни Республикъ, ни Государствъ. Онъ не оставляетъ человѣка и по смерти; вѣчно послужитъ ему правиломъ; вѣчно будетъ предписывать ему должности. Тогда предастся забвенію и самое имя законовъ, оберегающихъ права преемства и наслѣдственнаго достоянія, и опредѣляющихъ миръ или войну; а законъ требующій, чтобъ человѣкъ славилъ своего Творца, любилъ его для себя самаго, и все прочее для Бога, не потерпитъ ни затмѣнія, ни умаленія силы своей.

„При разсужденіи о нравствен-„ности, говоритъ одинъ знаме-„нитый любомудръ, оставлять „безъ вниманія другую жизнь, „которая неразрывную имѣетъ „связь съ промысломъ Божіимъ, и „довольствоваться нижайшимъ сте-„пенемъ естественнаго права, по „примѣру безбожника; значитъ, „науку сію лишать самой луч „шей ея части, и въ то же вре-„мя испровергать многія обще „полезныя взаимности, кои безъ „сего главнаго основанія стоять „не могутъ.

„Наука естественнаго права, „истолкованная по началамъ Хри-„стіанства, или по началамъ здра-„вой Философіи, несравненно вы-„ше и совершеннѣе, нежели чтобъ „все измѣрять выгодами сея жи-„зни. Мало сего; ежели безвѣр-„ный не родился съ симъ сча-„стливымъ расположеніемъ, чтобъ „находить удовольствіе въ добро-„дѣтели: то что воспрепят-„ствуетъ ему учиниться, не „говорю нарушителемъ закона, „но даже и злодѣемъ,, когда симъ „средствомъ надѣется онъ улуч-„шить свое состояніе, и остать-„ся ненаказаннымъ? Примѣч. Лейб-

ница на разсужденіе о правѣ естественномъ. Пуфенд. § 6.

ЧЛЕНЪ ТРЕТІЙ

Добродѣтель не можетъ сама себѣ быть наградой.

Скажутъ можетъ быть, что добродѣтель ни въ чемъ посторонемъ нужды не имѣетъ; что она будучи сама себѣ наградою, безъ сожалѣнія можетъ всѣмъ прочимъ жертвовать; что желаніе получить высочайшее благо, и страхъ лишиться онаго должны на сердцѣ человѣка производить живое и глубокое впечатлѣніе; что не нужно въ будущемъ устроеніи искать постановленія, которое внутрь насъ носимъ. Вотъ пышныя правила послѣдователей Зеноновыхъ! Добродѣтель, говоритъ надмѣнный Стоикъ, успокоиваетъ желанія мудраго; онъ съ нею блаженствуетъ и среди самыхъ мученій.

Но сія пщетная величавость всегда казалась посмѣянія достойною. Добродѣтель есть путь, а не предѣлъ. Она руководствуетъ къ высочайшему благу, но не мо-

жетъ собою замѣнить онаго, ниже соделать насъ щастливыми; ибо не рѣдко требуетъ отъ насъ тягостнѣйшихъ и огорчительнѣйшихъ жертвъ. Ея упражненіе есть укрощать наши предосудительныя склонности, отражать ложныя приманки порока, мужественно сносить убожество, болѣзнь, поношеніе, кои часто бываютъ удѣломъ честнаго человѣка въ семъ мірѣ. Она можетъ назваться цѣною благополучія; ибо чрезъ нее обрѣтаемъ благодать у Бога, которой бывши зрителемъ терпѣнія нашего и борьбы съ соблазномъ, обѣщаетъ намъ вѣнецъ некончаемаго живота, и царствованія съ нимъ.

Если же отнимешъ у добродѣтели сію утѣшительную надежду; если ограничишъ ее однимъ свидѣтельствомъ совѣсти и зрѣлищемъ собственнаго бытія; если заставишъ ее въ нейже самой искать начала своихъ усилій, побужденія и мздовоздаянія пожертвованій: то приведешь ее въ совершенное изнеможеніе. Она кромѣ слабости ничего не будетъ чувствовать; она лишится и

движенія и жизни; она не въ состояніи будетъ ни презрѣть гнусныхъ приманокъ корысти, ни воспротивиться сильнымъ страстямъ; словомъ сказать, ни къ чему великому не будетъ способна. Тогда со стороны людей, ощущая одну только холодность къ себѣ и непризнательность, и по смерти не видя заплаты своихъ лишеній, ни возмездія трудовъ, смутится, разстроится: благородная гордость ея и мужество уступятъ мѣсто унынію и отчаянію.

Человѣкъ желаетъ быть счастливъ, и сіе желаніе, составляющее часть его природы, не можетъ ни умалиться, ни угаснуть. Онъ не можетъ рѣшиться на безусловное пожертвованіе: совершенное безкорыстіе въ глазахъ его навсегда останется мечтою. Ему потребна весьма великая и продолжительная награда, чтобъ замѣнить все то, чемъ онъ жертвуетъ своей должности, какъ то имуществомъ, свободою, добрымъ именемъ и самою жизнію. Ибо есть случаи, въ коихъ потеря всѣхъ сихъ благъ неизбѣжна для того, кто строго держится правилъ справедливости. А добродѣтель ни къ чему

не ведущая, кажется неопредѣленною мыслїю, и неспособною наполнить пустоту сердца: слѣдовательно счастливое и скрытное злодѣйство легко можетъ быть предпочтено безплодной и злощастной вѣрности.

Предположенїе еще разительнѣе представитъ сїю истину. Поставь человѣка въ одномъ изъ сихъ ускихъ промежутковъ, гдѣ всякой выходъ запертъ добродѣтели; гдѣ надобно будетъ избрать злодѣянїе или убожество; согласиться на законопреступной поступокъ, или подвергнуть себя изгнанїю, безчестїю, смерти. Пусть явится къ нему Философїя съ своими крѣпительными пособїями. Что она можетъ представить сему человѣку въ скорбь погруженному, и угнѣтенному немилостїю, лишенному довѣренности и имущества, осужденному на забвенїе, или и къ казни приговоренному; когда онъ уже никакой не имѣетъ надежды возстановить прежняго своего положенїя, и никакого не видитъ конца своимъ бѣдствїямъ, кромѣ жестокой и потаенной смерти? Чѣмъ она возможетъ усладить горесть его участи, поддержать

колеблющееся терпѣнїе, и вознаградить всѣ жертвы, коихъ добродѣтель требуетъ отъ него? Воззоветъ ли его къ собственной его совѣсти и внутреннему удовольствїю, которое добродѣтель даетъ ему вкушать во глубинѣ серддца, дабы паки отыскать то, что несправедливость людей и прихоти судьбы у него похитили? Совѣсть конечно сильна утѣшить его во всѣхъ нещастїяхъ; она можетъ поддержать его среди жесточайшихъ потрясенїй: ея одобренїе больше стоитъ, нежели удивленїе и похвала всего свѣта. Но чтобъ среди всѣхъ переворотовъ душа мудраго пребыла спокойною, и была удовлетворена за всѣ ея пожертвованїя, нужно совѣсти быть поставленной предъ очами всеблагаго и всесильнаго Бога, которой по краткомъ искушенїи долженъ увѣнчать терпѣнїе праведника, и его плачь премѣнить на радость.

Разкроетъ ли предъ нимъ храмъ славы, куда безпрепятственно входятъ подобные ему подвижники? Но сколько такихъ случаевъ, въ коихъ человѣкъ, дабы не покачнуть вѣсами правды, долженъ

согласиться не токмо быть нещастнымъ, но несчастливымъ безъ свидѣтеля, и слѣдовательно безъ воздаянія; ежели для угнѣтенной невинности нѣтъ другой награды, кромѣ удовольствія представлять собою тщетное зрѣлище безполезнаго терпѣнія и бѣдствующей добродѣтели?

Добродѣтель по тому только неоцѣненна, что руководствуетъ насъ къ наслажденію высочайшимъ благомъ.—По сему чертежу истины и Религіи не трудно понять, что добродѣтель есть не токмо существенное добро, но и предпочтительнѣе всего здѣсь прельщающаго и забавляющаго людей. Не льзя не трогаться сіяющею въ ней красотою; не льзя не знать, отъ куда происходитъ, и куда ведетъ. Тогда для стяжанія и сбереженія сего великаго сокровища безропотно жертвуютъ ложными пріятностьми порока, охотно подвергаютъ себя убожеству, уничиженію; ибо увѣрены, что добродѣтель нѣкогда воздастъ намъ съ лихвою все нами для нея оставленное.

Чѣмъ же можетъ она ободрить того, кто мыслитъ, что нѣтъ

Бога, или что онъ не удостоиваетъ землю своего на нея воззрѣнія; что смерть есть предѣлъ бытія человѣческаго, или должна погрузить человѣка въ вѣчную безчувственность? Добродѣтель въ глазахъ его не больше значитъ, какъ призракъ и суетное ума мечтаніе. Она ни чего ему не обѣщаетъ по смерти; а въ сей жизни попускаетъ бѣдствовать. Онъ представитъ себѣ всѣ здѣланныя ей пожертвованія, и воскликнетъ, какъ Брутъ на Филиппинскихъ поляхъ. „Несчастная добродѣтель! Какъ я обманутъ моею службою тебѣ! Я возлюбилъ тебя отъ самаго младенчества; и се плодъ моея къ тебѣ привязанности! Я воображалъ тебя существеннымъ и прочнымъ добромъ; а теперь ясно вижу, хотя уже очень поздно, что ты не иное что, какъ бездушный истуканъ, привидѣніе или невольница счастія! Для чего не прежде оставилъ я тѣсный и прискорбный путь твой, дабы предаться несправедливости и невоздержности, симъ обильнѣйшимъ источникамъ богатства и веселостей.„

Сїе роптанїе кажется намъ нелѣпымъ и нечестивымъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ есть таково въ отношенїи къ тому, кто не безбожникъ, и чаетъ воскресенїя мертвыхъ. Но предположивъ, что по смерти нѣтъ награды честному человѣку, хульныя слова Брутовы возприимутъ видъ основательнѣйшихъ жалобъ. Пусть хотя на минуту поставятъ себя на мѣстѣ сего величаваго Римлянина. Онъ думалъ, что добродѣтель, правосудїе, любовь къ отечеству рано или поздно должны восторжествовать надъ несправедливостїю злыхъ людей: опытъ доказалъ ему противное. Побѣда постоянно отзывалась въ пользу притѣснителей народной вольности; и правая сторона повержена лежала у ногъ мятежниковъ. И такъ онъ обманулся въ мысляхъ своихъ о добродѣтели. Онъ служа подъ ея знаменами, ничего не прїобрѣлъ, кромѣ какъ избрать любое изъ двухъ; или умертвить себя, или учиниться посмѣшищемъ надмѣннаго соперника; между тѣмъ какъ злодѣй, коего руки дымящїеся кровїю знатнѣйшихъ Римлянъ возлагали

оковы на отечество, процвѣталъ счастїемъ, и утопалъ въ роскоши и забавахъ.

Въ столь трудномъ положенїи можно ли Философу соблюсть равнодушїе? Такимъ образомъ унынїе его премѣнилось въ отчаянїе, участь неизбѣжная для всякаго, кто въ случаѣ подобныхъ сему жестокихъ опытовъ, не знаетъ другаго возмездїя за добродѣтель, кромѣ самой добродѣтели. Онъ падетъ подъ тяжестїю рока своего, или избавленїя отъ ней поищетъ въ самоубїйствѣ Онъ за безумїе почтетъ благими и прїятностями сея жизни жертвовать мечтамъ воображенїя.

Толико истинно сїе, что правила нравоученїя безъ подпоры и побужденїя Религїи не вѣрны и не прочны. Какой убо законодатель будетъ столько слѣпотствующъ, чтобъ не чувствовать нужды въ пособїяхъ оной, или такъ злонамѣренъ, что началъ бы и гнушаться оными? Какую силу сообщитъ онъ своимъ учрежденїямъ? Откуда истекать будетъ обязанность повиноваться ему и за свято почитать его

волю? Гдѣ его сокровища для удовлетворенія ненасытнымъ желаніямъ человѣка, и для заплаты требуемыхъ отъ него жертвъ? Что онъ предложитъ могущее привязать насъ къ добродѣтели, и преодолѣть мнимыя прелести порока? Безъ вѣры, нерѣшимы суть сіи задачи; и законъ естественный остается безоружнымъ и беззащитнымъ.

Отдѣленіе 5.

Какимъ путемъ доходятъ до познанія того, что намъ предписано естественнымъ законоположеніемъ.

ЧЛЕНЪ ПЕРВЫЙ.

Разумъ оставленный самому себѣ не силенъ составить достаточную систему нравоученія. примѣръ Цицерона.

Доздѣ мы были руководимы разумомъ; который показалъ намъ источникъ нашихъ должностей и коренное правило нравоученія. При его свѣтѣ изъ перваго начала правды извлекли всѣ положенія, долженствующія управлять нашими мыслями, чувствіями, поступками, и пред-

упреждать заблужденія или увлекающія насъ страсти. Однако воздержимся отъ заключенія, что яко бы разумъ достаточенъ самъ по себѣ образовать полную систему нравственности. При свѣтильникѣ откровенія можетъ онъ вознестись до первыхъ началъ естественнаго законоположенія, понять различныя отношенія человѣка, и открыть раждающіяся оттуда обязанности. Но что онъ можетъ, когда бы Религія не разсѣяла облежавшей его темноты, не утвердила его шествія, и не уставила его колебаній? Способнѣе будучи наводить сомнѣнія, нежели рѣшить ихъ, онъ породилъ только ложныя, противорѣчащія мнѣнія, часто постыдныя и нечестивыя, всегда неосновательныя или безполезныя. Исторія рода человѣческаго къ несчастію то доказываетъ разительнѣйшимъ образомъ, и повсемѣстнымъ примѣромъ по мѣрѣ того, какъ народы размножаясь потеряли изъ виду первое свое происхожденіе; они вовсе исказили общій залогъ праотеческихъ преданій. Мысль о Богѣ, его промыслѣ, ученіе о мірозданіи, паденіи человѣка, мало по малу измѣнились въ памяти людей. Єто были ручьи, кои удаляясь отъ

общаго исходища, лишались чистыхъ и естественныхъ водъ, и наполнялись чуждыми и мутными; заблужденія порожденныя страстями потопили землю. Все было покрыто мракомъ и неизвѣстностію отъ смѣси суевѣрія и басней.

По сему можно судить, въ какомъ нравоученіе находилось состояніи, среди толикой порчи ума и сердца. Важнѣйшія истины оставались въ неизвѣстности, или посрамленіи. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и спаслись отъ поврежденія; но не будучи въ связи съ главными началами, долженствующими служить имъ подпорою, лишились и свѣта и силы. Наконецъ является Философія. Она возвѣщаетъ о себѣ съ пышностію, и беретъ на себя открыть людямъ надежный и легкій путь къ достиженію мудрости и щастія. Истина, столь долго стенавшая подъ бременемъ тысячи нелѣпыхъ или срамныхъ толковъ, паки появляется въ міръ въ новомъ сіяніи. -- Но исполненіе сколь худо соотвѣтствовало гордымъ ея обѣщаніямъ! Она ничего намъ не принесла, кромѣ условныхъ положеній, и не кончаемыхъ споровъ. Соискательныя и завистливыя училища, движимыя

больше славою, нежели пользами истины непрестанно все разрушали, ничего сами не созидая. Логическія тонкости, обольщенія витійства, всѣ обороты ума только на то употреблялись, чтобъ верхъ одержали любимыя ихъ системы.

Среди сихъ безумныхъ прѣній, коихъ и начало и конецъ была одна только гордость; важнѣйшія истины, служащія основою Религіи и нравственности, казались не больше какъ произвольными мнѣніями. Пороки пользуясь симъ безначаліемъ, разлились по лицу земли безпрепятственно и безъ мѣры. Отважныя и гибельныя нововведенія сняли узду со страстей; а страсти получа вольность, потрясли основаніе нравоученія, и распростерли мрачное покрывало сомнѣній на всѣ начала.

Умствованія лжемудровъ размножались до чрезмѣрности; и овладѣвъ испорченными сердцами, часто заглушали гласъ совѣсти, и не допускали пользоваться ея внушеніями. При всей продолжительности вниманія, при всей неутомимости изслѣдованій, не льзя было открыть истины, погруженной въ хаосъ ложныхъ мнѣній, и

противорѣчащихъ системъ. Естьли бы народъ, которой не зналъ или презиралъ прѣнія любомудровъ, не соблюлъ еще нѣкоторыхъ останковъ праотеческихъ преданій: то сомнительство о всемъ можетъ быть учинилось бы господствующею и повсемѣстною сектою.

По крайней мѣрѣ сіе достовѣрно, что Философія при всей ея величавости, никогда не могла образовать систему нравоученія. Всѣ ея усилія ничего не произвели, кромѣ какъ обнаружили слабость разума и доказали нужду въ Откровеніи для воззванія человѣка къ первобытному его состоянію. Одинъ или два примѣра могутъ замѣнить намъ всѣ прочіе.

Естьли былъ когда нибудь знаменитый мужъ, и которымъ Философія могла бы славиться; то подлинно таковъ есть Отецъ Римскаго краснорѣчія. Цицеронъ не хотѣлъ особенно привязываться ни къ какой сектѣ. Ето значило бы жертвовать истиною пристрастіямъ человѣческимъ, выгодамъ системы. Естьли бы онъ и вздумалъ здѣлать выборъ, то по его разсужденію палъ бы оный на Ака-

демїю или училище Зеноново. Но за благоразумнѣйшее и полезнѣйшее почелъ онъ взимать у своихъ современниковъ и предшественниковъ все то, что ему представлялося справедливымъ и лучше обдуманнымъ. Онъ умѣлъ соединить и привести въ порядокъ, что у другихъ было разбросано и неустроено. И такъ его сочиненїя можно почитать хранилищами, содержащими раскрытыя сокровища искуснѣйшихъ любомудровъ его времени и прежнихъ вѣковъ. Совѣтовать съ Цицерономъ есть вмѣстѣ слушать то, что Грецїя и Италїя дотолѣ имѣли разумнѣйшаго.

И такъ посмотримъ, столь искусная рука, которой, при собственныхъ ея пособїяхъ, представлены еще богатыя матерїалы отъ различныхъ сектъ Философїи, успѣетъ ли воздвигнуть правильное зданїе, составить систему естественнаго законоположенїя, гдѣ не было бы ни пустоты, ни существеннаго недостатка? Во первыхъ за главное основанїе полагаетъ онъ бытїе Божїе. Онъ говоритъ о семъ во многихъ мѣстахъ сочиненїй своихъ съ высокомыслїемъ и краснорѣ-

чїемъ удивительными. Но прочтите славное его разсужденїе о естествѣ боговъ; то кромѣ останка мнѣнїй, боязливыхъ догадокъ, нелѣпыхъ заключенїй, кромѣ общей неизвѣстности вы тамъ ни чего не получите, относительно къ сему существенному предмѣту.

Ученїе о первомъ Существѣ, виновникѣ и промыслителѣ вселенныя, будетъ почти безполезно въ нравственности: естьли въ тожъ время не утвердятъ, что душа человѣка есть безсмертна; что есть другая жизнь, гдѣ добродѣтель, почти всегда бѣдствующая на земли, получаетъ награды, достойныя подвиговъ ея и пожертвованїй; гдѣ порокъ, столь часто безъ наказанїя торжествующїй въ семъ мїрѣ, предается казни и должному посрамленїю. Ежели смерть есть для человѣка предѣлъ его бытїя; ежели одинакая участь ожидаетъ за гробомъ праведнаго и нечестиваго; то погибла нравственность. Ничего ужъ больше не надобно къ ободренїю порока, къ приведенїю добродѣтели въ унынїе, къ уничтоженїю всѣхъ должностей.

Сїе одно начало открываетъ уже намъ существенный недостатокъ во

всемъ томъ, что могъ сказать Цицеронъ для поддержанія нравственнаго чувства. Во первыхъ, безсмертїе души не есть для него тотъ твердый и неизвѣстный догматъ, которой бы служилъ побужденїемъ и подпорою естественному законоположенїю. Сїя главная истина въ его писанїяхъ кажется сумнительнымъ токмо и неизвѣстнымъ мнѣнїемъ; которое отъ малѣйшаго возраженїя можетъ поколебаться, которое легчайшимъ развлеченїемъ у него даже самаго похищается.

Уподобляясь путнику, застигнутому нощїю въ дремучемъ лѣсу, который мелькомъ усмотрѣвъ дорогу, паки збивается въ первыя свои неизвѣстности, онъ шествуетъ всегда на удачу. Истина для него есть мгновенной лучь свѣта, молнїя успѣвшая только блеснуть, и въ тужъ секунду исчезающая; она слегка токмо касаясь ума его, и не производя въ немъ внутренняго и продолжительнаго убѣжденїя, оставляетъ его во всегдашнемъ замѣшательствѣ и мракѣ.

Онъ приводитъ, и одобряетъ рѣчи влагаемыя Ксенофонтомъ въ уста умирающаго Кира; и это есть новое доказательство, что о суще-

ственномъ предмѣтѣ, о коемъ здѣсь идетъ разсужденіе, величайшіе мужи языческой древности имѣли о семи токмо догадки и правдоподобія. Во время жизни своей казались они въ ономъ убѣжденными; и даже съ высокопарностію о томъ говорили они въ своихъ бесѣдахъ и училищахъ. Но какъ скоро начинали чувствовать истощеніе природы и приближеніе смерти: то ужъ и не знали, что мыслить о безсмертіи души; упованіе ихъ исчезало, и оставляло мѣсто самымъ отчаяннымъ сумнѣніямъ.

Да хотя бы безсмертіе души въ очахъ Цицерона и было извѣстнымъ и непоколебимымъ началомъ; однако и тогда бы не могло оно въ его системѣ служить основаніемъ нравоученія: ибо утверждаетъ онъ, что нѣчего страшиться послѣ сея жизни Онъ въ смѣхъ обращаетъ то, что стихотворцы говорили о различныхъ мученіяхъ тартара, уготованныхъ нечестивымъ.,, Какой сектѣ ни предайся, какого мнѣнія ни держись; должно вѣрить, говоритъ онъ, что за гробомъ или верховное блаженство, или уничтоженіе и вѣчная нечувствительность. Нѣтъ средины между сими двумя положе

нїями: смерть либо въ ничтожество насъ погружаетъ, и тутъ напрасно страшишься ея послѣдствїй; либо вводитъ насъ въ приснoблаженную жизнь; и въ семъ предположенїи она не только не есть зло, но еще весьма вожделѣнна.,,

Какъ сеи важный мужъ не усмотрѣлъ, что его раздѣленїе будущаго по смерти состоянїя есть недостаточно; что его *дилемма* есть дѣтское хитрорѣчїе; что есть средина между ничтожествомъ и блаженствомъ; что весьма сбыточное дѣло, чтобъ наши души переживали разрушенїе чувственныхъ орудїй, и купно бы имѣли различную участь послѣ сей жизни; что есть награды для добродѣтели, и наказанїя для порока!

Сверхъ того не одинъ Цицеронъ утверждая, что по смерти ни чего нѣтъ кромѣ уничтоженїя или вѣчнаго покоя, предпринималъ обезпечить людей со стороны ужасовъ будущей жизни. Онъ въ етомъ есть истолкователь и прочихъ Философовъ; не только тѣхъ, которые вселенную приписывали случаю, которые утверждали, что нѣтъ Бога, или и есть, но не вмѣшивается въ

дѣла человѣческія: но и тѣхъ еще, которые вѣрили промыслу.

Здѣсь не мѣсто опровергать заблужденія языческой Философіи: довольно замѣтить, что люди, предавшіеся таковымъ заблужденіямъ, которыя разрушаютъ до основанія всю нравственность, не могли познать и утвердить должностей закономъ природы на насъ возлагаемыхъ. Естьли по смерти все равно для праведника и нечестиваго; ежели одинакая судьба ожидаетъ человѣка добродѣтельнаго, укрощавшаго свои страсти броздами разума; и порочнаго, не имѣвшаго инаго закона, кромѣ склонностей своихъ: то право естественное есть токмо сумазбродство. Едино ученіе Епикурово заслуживаетъ вниманіе; нѣтъ другаго правила кромѣ нашихъ желаній, ни мудрости, кромѣ умѣнія проживать на земли въ забавахъ и сладострастіи: честные люди суть безумцы, что борются съ своими склонностями, дѣлаютъ себѣ безпрестанное насиліе, и съ надсадою идутъ по трудному пути добродѣтели.

Тако обезоруживая нравственность, отъемля у ней первона-

чальное постановленіе, Цицеронъ предаетъ ее наглости нечестивцовъ, отворяетъ врата величайшимъ злодѣяніямъ, обращаетъ ее въ безплодное умозрѣніе. Симъ единымъ заблужденіемъ онъ испровергаетъ все то, что онъ сказалъ изящнаго о Божествѣ, промыслѣ и безсмертіи души.

Вотще отвѣтствовалъ бы онъ, что порокъ наказуется въ сей жизни угрызеніями совѣсти. Сіе мученіе не соразмѣрно многимъ беззаконіямъ оскверняющимъ землю. При томъ какъ могутъ быть угрызенія совѣсти, естьли нѣтъ убѣжденія въ нарушеніи закона естественнаго и въ прогнѣваніи Бога всемогущаго, долженствующаго нѣкогда карать неправедныхъ?

Наконецъ естьли нѣчего страшиться нечестивымъ по смерти: то чемъ кто виновнѣе, тѣмъ меньше будетъ наказанъ. Мечь закона естественнаго не поражаетъ злодѣевъ до того развращенныхъ, что заглушаютъ вопль совѣсти; толико хитрыхъ, что не проникаютъ ихъ взоры человѣческіе; толь ожесточенныхъ или сильныхъ, что пренебрегаютъ на-

родную къ нимъ ненависть и презрѣнiе. Заключенiя нелѣпыя, но неизбѣжныя въ странной оной системѣ; которой, по сказанiю Цицеронову, слѣдовали всѣ древнiе любомудры.

ЧЕНЪ ВТОРЫЙ.

Таже истина доказывается примѣромъ нѣкоторыхъ другихъ Философовъ.

Посмотримъ, могла ли Зенонова секта, кичившаяся глубиною мудрости, представить намъ о нравоученiи составъ истинъ лучше связанный и расположенный. Довольно вопросить Сенеку; онъ можетъ намъ отвѣчать за всѣхъ прочихъ. Сенека не сумнѣвается о бытiи Перваго Существа: но, кажется, сливаетъ его со вселенною, которая есть созданiе, а не часть божества. Богъ, говоритъ онъ, есть душа вселенныя, есть все. Хочешъ ли ты назвать его мiромъ? Не буду прекословить; ибо онъ дѣйствительно есть все, что ты ни видишь, разлiянный въ каждой своей части, не имѣющiй нужды

ни въ чемъ кромѣ собственной силы для существованія.

Кромѣ сей есть другая жизнь. Богъ призираетъ на дѣла человѣческія. Великая награда уготована добрымъ; нечестивецъ, которой своею довѣренностію или хитростію избѣгъ здѣсь должной мести, рано или поздно впадетъ въ руки всемощнаго и строгаго правосудія.,, Таковы суть главныя положенія Сенеки!

Послѣ сего, какое можно имѣть уваженіе къ высокопарнымъ его наставленіямъ? Во первыхъ, все сказуемое о будущей жизни и о безсмертіи души, въ очахъ его есть больше прекрасная мечта, нежели несумнительное начало. ,,Я охотно пристаю, говоритъ онъ, къ мнѣнію толь многихъ великихъ мужей, обѣщавающихъ безсмертіе нашимъ душамъ, хотя имѣютъ они о семъ простыя токмо догадки, а не твердыя доказательства. Сіе умопредставленіе, коимъ иногда занимаюсь, для меня пріятно, какъ хорошее сновидѣніе.,,

Во вторыхъ, Сенека часто вооружается противъ порока. Онъ описываетъ его отвратительнѣй-

шими красками; а добродѣтель представляетъ любезною и достопочтенною у всѣхъ людей. Но скоро, позабывая сказанное имъ о сей матерїи, утверждаетъ, что нѣтъ ничего въ будущемъ, чтобы долженствовало обезпокоить порочнаго человѣка, присоединившаго къ своимъ беззаконїямъ дерзость и ожесточенїе. Смерть равняетъ его съ добрымъ человѣкомъ; для обоихъ остается что нибудь одно изъ сихъ: ничтожество или блаженство.

Послѣ глумленїя надъ всемъ тѣмъ, что говорятъ о мукахъ адскихъ, прибавляетъ онъ: ,, смерть не можетъ надъ нами произвести ничего другаго, кромѣ возвращенїя насъ въ ничтожество, или введенїя въ лучшую жизнь. Въ послѣднемъ случаѣ мы ожидать должны благополучїя: въ первомъ, нѣчего намъ бояться; все для насъ оканчивается: нѣтъболѣе ни добра, ни зла.,, (Senecae consolat ad Mar.am C. XIX.) Сїи мысли Сенека выписалъ изъ Цицерона почти до слова.

И такъ уже ли добродѣтель и порокъ суть токмо пустое названїе; и предѣлы раздѣляющїе

первую отъ послѣдняго, вымыслъ человѣческій? Не можно, кажется, подозрѣвать Сенеку въ такой глупости. Уже ли Богъ не видитъ дѣяній творимыхъ добрыми и злыми людьми, или и смотритъ на нихъ, но пренебрежительно? Любомудръ нашъ часто говоритъ противное: онъ, кажется, вѣритъ промыслу.

И что же? беззаконія раззоряющія чинъ естественный, нападающія явно на законъ природы, оскорбляющія всевышнее Существо, нарушающія священнѣйшія должности общежитія, стремящіяся къ разрванію связей, къ испровержению основаній онаго, останутся убо безъ наказанія? Нечестивецъ, учинившійся виновнымъ въ сихъ злодѣйствахъ, коего пороки и неистовства остановлены единою смертію, ничего не долженъ страшиться ни больше ни меньше, какъ и человѣкъ добродѣтельный, почитавшій Божество, любившій сочеловѣковъ, служившій своему отечеству, укрощавшій свои страсти, и исполнявшій всѣ свои обязанности? Какое странное, нелѣпое и уродливое послѣдствіе!

Таково было во всѣ времена невѣжество и замѣшательство человѣческія мудрости оставленныя себѣ самой. Но не надобно удивляться; слабое и робкое ея зрѣніе ничего не открываетъ за гробомъ. Для сего извѣстнаго Христіанину состоянія нѣтъ у ней ни обѣщаній, ни прещеній; или естьли что нибудь она и усматривала, то ея догадки и недоразумѣнія не могутъ сообщить нравоученію никакой твердой подпоры, ниже добродѣтели побужденія ей свойственнаго.

Ежели величайшіе мужи древности въ разсужденіи толь важнаго пункта слѣпотствовали; ежели усилія и изысканія ихъ оканчивались всегда новыми и горшими заблужденіями: то нужно ли еще другое какое свидѣтельство о слабости разума, о безсиліи его въ наставленіи человѣка всему тому, что знать ему надлежитъ, въ показаніи ему конца, къ которому онъ долженъ стремиться, и пути могущаго привести его къ оному?—

ЧЛЕНЪ ТРЕТІЙ.

Нравоученіе древнихъ мудрецовъ было существенно недостаточно, поелику было отдѣлено отъ религіи.

Не тѣмъ однимъ, что выше сказали, можемъ укорять языческое нравоученіе. Въ немъ есть другой порокъ, которой ничемъ извиненъ или прикрытъ быть не можетъ. Чтобъ лучше намъ оной обнаружить, надлежитъ постановить начало не только извѣстное, но и очезрительное; то есть, что религія и нравоученіе соединены между собою естественнѣйшими и тѣснѣйшими отношеніями. Тотъ самый Богъ, которому служимъ мы въ религіи, въ тожъ время есть послѣдній нашъ конецъ и верховное благо, искомое нами въ нравственности. Такимъ образомъ всякое доброе дѣло въ своемъ существѣ есть стремленіе къ нашему концу, и благоугожденіе истинному Богу. Тамъ самая любовь, которая достодолжно чтитъ Бога, заставляетъ насъ снискивать съ пользою какъ себѣ са-

мимъ, такъ и собратіямъ нашимъ стяжаніе сего единственнаго блага, соразмѣрнаго и обширности желаній нашихъ и важности нашего назначенія.

Религія, которой существенное свойство есть приводить насъ къ Богу, соединять съ нимъ, яко послѣднимъ концемъ нашимъ, есть также начало и побужденіе всѣхъ дѣяній жизни, когда она образована по правиламъ нравоученія; религія одушевляетъ оныя, укрѣпляетъ, улучшиваетъ, освящаетъ; и всѣ добродѣтели, всѣ должности, нравоученіемъ на насъ возлагаемыя, для преодолѣнія страстей и очищенія сердца, клонятся къ тому, дабы чистѣйшими чувствованіями и небесными движеніями вѣры удостоились мы приближиться къ Богу. Сіе то взаимное соотношеніе, сей то неразлучный союзъ Религіи съ нравственностію есть одинъ изъ отличительнѣйшихъ характеровъ Христіанства.

Представлять религію одну безъ нравоученія, назначать ей извѣстныя минуты, ограничивать ее обрядами и церемоніями, значить имѣть объ ней ложное по-

нятіе. Она не столько есть особливая должность, сколько главное обязательство, простирающееся на всѣ дѣянія и на всѣ минуты жизни. Ей одной принадлежитъ освящать всего человѣка, всѣ мысли ума его, всѣ движенія сердца его, всѣ намѣренія его и предпріятія. Ибо всякое добро, творимое человѣкомъ, но не оживленное духомъ вѣры, и не управленное ею къ истинному концу, не можетъ почесться благимъ дѣйствіемъ.

Хотѣть нравоученіе учинить независимымъ отъ религіи, значитъ искажать оное, не признавать самыхъ существеннѣйшихъ его правилъ, раззорять полезнѣйшую часть. Едина Религія дѣлаетъ довольно твердымъ и священнымъ правило нравовъ, подаетъ добродѣтели и подвигамъ ея въ поддержаніи себя чистыя, повсемственныя и неизмѣняемыя побужденія. Она едина не оставляетъ праведника въ опасныхъ положеніяхъ, въ которыя можетъ впасть или по теченію произшествій, или отъ злобы людей.

Она подкрѣпляетъ его и утѣшаетъ, когда всѣ другія побуж-

денія изчезнутъ, и когда всѣ человѣческія подпоры поколеблются или испровергнутся. Въ сокровеннѣйшемъ уединеніи, гдѣ нѣчего ему ни надѣяться ни бояться отъ сочеловѣковъ; гдѣ можетъ впасть въ слабость безъ наказанія, поелику нѣтъ свидѣтеля; гдѣ слѣдовательно подлежитъ опасности предаться унынію, строгой должности предпочесть выгоды порока, религія показуетъ ему свидѣтеля, коего присутствіе должно внушить въ него больше ужаса и благоговѣнія, нежели торжественнѣйшее собраніе вселенныя; коего судъ и обличенія въ тысячу разъ несноснѣе, нежели прещенія или гнѣвъ всѣхъ владыкъ земныхъ; коего одобреніе утѣшаетъ его въ непризнательности и злорѣчіи людей. Пренебрегши сію сильную пружину религіи, ослабишъ законъ естественный, отнимешъ у добродѣтели ея пособіе.

Но лживые мудрецы язычества никогда не познали сего столь справедливаго и столь нужнаго союза религіи съ нравоученіемъ. Нераздѣлимое въ чертежѣ естественнаго законоположе-

нія раздѣлено пагубнымъ предразсудкомъ. Философы и первосвященники вмѣсто того, чтобъ соединенными силами руководить людей къ мудрости, дѣйствовали порознь, по различію ихъ видовъ; одними обладалъ духъ тщеславія, другими духъ корысти

Ученіе мудрости и благонравія изгнано было изъ храмовъ. Жрецы занимались единственно пустыми церемоніями, нелѣпыми обрядами, требами нечистыми или злочестивыми. Училища не простирали своихъ нравственныхъ умозрѣній далѣе тѣхъ отношеній, которыми люди съединяются другъ съ другомъ. Знаніе религіи всегда было для нихъ предмѣтомъ постороннимъ или неразнственнымъ; всѣ богослуженія были предмѣтомъ осмѣянія ихъ и презрѣнія.

„О чемъ вы мните, нѣкогда говорилъ имъ Лактанцій, что такъ раздѣляете религію съ Философіею? У васъ иные суть учители мудрости, которые нимало не стараются образовать учениковъ религіи, и приближать къ Богу, концу ея: иные суть служители храмовъ, которые не

почитають себя обязанными учить людей мудрости.,, Лакт. бож. наст. кн. IV. гл. III. Lact. diuin. Instit. lib. IV. C. III.

Такимъ образомъ религія и нравоученіе язычниковъ собственно ничего не имѣли общаго; что и доказываетъ пщету и лживость обѣихъ. Ибо ежели Богъ, коему покланяешся, не есть верховное благо, тобою любимое; то любишъ и почитаешъ нѣчто различное отъ Бога, который однакожъ есть единственный предмѣтъ благоговѣйнаго служенія: и въ семъ предположеніи какая странная религія! Но если въ нравоученіи предполагать себѣ иной конецъ, искать инаго блага, кромѣ истиннаго Бога; то какая пагубная ошибка! Какое превращеніе естественнаго чина! Какое униженіе для разумной твари, ограничивать свои желанія такими предмѣтами, кои посрамляютъ и дѣлаютъ нещастными прилѣпляющихся къ нимъ, и не желающихъ кромѣ ихъ ничего другаго.

Прежде, нежели вѣра разсѣяла мракъ покрывавшій землю, не было ничего столь обще незна-

емаго въ мірѣ, какъ сія главная истина. Доколѣ люди преданы были омраченію своего разума, и въ наукѣ мудрости не имѣли инаго руководителя, кромѣ обманчиваго или слабаго блеска Философіи; дотолѣ не знали они другихъ добродѣтелей, ни другихъ правилъ нравственности, кромѣ тѣхъ, которыя связывали ихъ на земли съ подобными себѣ. Они довольно разумѣли правосудіе, которое распредѣляетъ временныя блага, печется о общенародной безопасности и пользѣ: но никогда не имѣли никакого понятія о искреннемъ благочестіи, о истинномъ служеніи, подобающемъ первому Существу.

Обозри всѣ мнѣнія Философовъ, касающіяся до конца благъ и золъ, какъ говоритъ Цицеронъ; то есть касающіяся до верховнаго блага, коего должно искать, и крайняго зла, коего должно боятья. Съ тѣхъ поръ, какъ Сократъ началъ умствовать о сей важной матеріи, всѣ послѣдовавшіе ему Философы поставили оную главнымъ предмѣтомъ своихъ изслѣдованій. Они съ жаромъ объ ней состязались; въ высокія

предавались размышленія и глубокія испытанія. Но изъ всѣхъ сихъ великихъ умовъ, употребившихъ цѣлую жизнь на стысканіе перво-основныя сея истины, нѣтъ ни единаго, которой бы позналъ ее, или бы къ ней приближился. Усиліе ихъ и споры заваждали токмо системы и новыя заблужденія.

Пусть прочтутъ сіе славное сочиненіе, въ которомъ Цицеронъ собралъ ихъ мнѣнія, плодъ трудовъ ихъ и прѣній; и тотчасъ всякъ увѣрится въ безсиліи Философіи открыть предѣлъ, къ которому человѣкъ долженъ стремиться. Тамо узрятъ весь родъ человѣческій погруженный въ густѣйшую тьму; простой народъ безъ размышленія и угрызенія совѣсти, предающійся без честнѣйшимъ порокамъ, Философовъ къ древнимъ и всеобщимъ заблужденіямъ, присовокупляющихъ гордость и нечестіе. Каждой изъ нихъ пролагаетъ себѣ новыя стези къ странѣ мудрости и благополучія; и всѣ уклонились отъ единственнаго пути, могущаго привести ихъ къ онымъ. Скотское плотоугодіе обезславило секту или систему Епикурову. Чувственныя удовольствія, грубыя сладострастія были бла

гомъ ея и удѣломъ. Какая обида для души безсмертной! Какое посрамленїе для разума отъ таковой системы; ежели можно только называть системою подлыя склонности, одобренныя еще мерзостнѣйшими правилами!

Съ перваго взгляду встрѣчается нѣчто блистательное въ Философїи Стоической. Она говоритъ токмо о добродѣтеляхъ; честность есть верховное ея благо. Но за сею обманчивою завѣсою таится одно ужасное высокомѣрїе, которое довершаетъ наши нещастїя своею притворною нечувствительностїю къ онымъ. Сїи лживые мудрецы никогда не познавали обязанчости человѣка, вся относить къ Богу, а паче еще добродѣтель. Они не хотятъ быть ею должными, какъ развѣ подвигамъ своимъ и мужеству. Себя поставляютъ концемъ ея; себѣ восписуютъ всю ея славу; они смѣшиваютъ ее съ разумомъ своимъ и мнимою мудростїю. Они наповѣрку хвалили, и обожали собственное токмо превосходство: такъ что громкїя слова, коими секта Зенонова оглушала мїръ, заключали въ себѣ одинъ обманъ смѣшнаго тщеславїя,

и несправедливость гнусной гордости.

На конецъ созерцаніе мудрости, которое Аристотель выдаетъ намъ за верховное благополучіе, въ самомъ существѣ есть одна токмо забава любопытства. Ибо сей Философь возводитъ очи и мысли наши не къ превѣчной премудрости, не къ Богу живому для полученія отъ него познанія истины, совершенства правды и всякихъ благъ, могущихъ насъ сотворить блаженными; слава сія предоставлена Христіанству.

Такимъ то образомъ три главныя секты, на которыя раздѣлялись всѣ языки и всѣ Философы, поставляли блаженство въ удовлетвореніи какой нибудь одной изъ тѣхъ похотей, яже воюютъ на душу, и суть растлѣніе и бѣдность человѣка; ни едина изъ нихъ не учила, ниже познала, что Богъ, яко первое наше начало, долженъ быть и послѣднимъ нашимъ концемъ; что онъ единъ, яко безконечное и вѣчное благо, соотвѣтствуетъ нашимъ безсмертнымъ и безпредѣльнымъ желаніямъ; и слѣдовательно къ наслажденію симъ высочайшимъ благомъ, должны

мы стремиться всѣми силами нашей природы.

ЧЛЕНЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ужасные пороки оскверняли нравоученіе язычниковъ.

Ежели отъ сихъ общихъ разсужденій о нравоученіи язычниковъ снидемъ къ частнымъ наблюденіямъ; то удивимся, узрѣвъ разумъ чрезъ толикій рядъ вѣковъ погруженный въ густѣйшей тьмѣ, тщетно усиливающійся изыти изъ сея бездны, ежеминутно претыкающійся въ существеннѣйшихъ началахъ естественнаго закона. Первое Существо, не могущее имѣть ни совмѣстника, ни равнаго себѣ, должно быть единственнымъ предмѣтомъ нашего служенія. Онъ есть первое наше начало и послѣдній нашъ конецъ. Убо не можемъ, безъ нечестія и безъ несправедливости, преносить къ другому поклоненіе наше и благоговѣніе. Ибо ежели человѣческія законы не могутъ терпѣть, что бы подданные воздавали дани свои, или оказывали повиновеніе законному Государю, и вмѣстѣ

хищнику престола: то какимъ окомъ долженъ Творецъ и Господь вселенныя взирать на нечестивыхъ и безумныхъ человѣковъ, водружающихъ жертвенники подобнымъ себѣ, дерзающихъ пріобщать къ Богу живому божества нечистыя или мечтательныя?

Однако ктожъ не знаетъ, что сія первая естественнаго закона обязанность была не познана и не уважена, доколѣ люди, кромѣ своего разума, не имѣли другаго путеводителя? Любомудръ наравнѣ съ чернію покланяется древу и камню. Имя Божіе отдано на поруганіе самымъ низкимъ предмѣтамъ. Столь же постыдное, сколь и беззаконное идолослуженіе, долгое время всю оскверняло землю, и сей разумъ выхваляемый намъ Философіею, которой она съ кичливостію противополагаетъ Откровенію, никогда не могъ предохранить, не говорю, ни единаго царства, ни единой области, ни единаго града, но ни единаго даже человѣка отъ заблужденія столь грубаго, отъ нечестія столь противнаго первымъ началамъ естественнаго права.

Ни единаго не нашлось мудреца, которой бы отважился возвысить гласъ свой противу всероднаго нечестія, суевѣрій и заблужденій наводнявшихъ вселенную, вывести изъ обмана своихъ современниковъ, засвидѣтельствовать всенародно единство истиннаго Бога: одинъ изъ нихъ былъ обвиняемъ въ отверженіи сихъ нечистыхъ и нелѣпыхъ боговъ, выдуманныхъ невѣжествомъ и развращеніемъ: и, малодушный! отдаляетъ отъ себя подозрѣніе, защищается отъ онаго какъ бы отъ злодѣянія; клянется, что всегда чтилъ боговъ страны своея; на послѣдокъ дѣйствіемъ идолослуженія оканчиваетъ жизнь свою!

Въ оправданіе малодушія лживыхъ мудрецовъ да не говорятъ сего, что они знали тщету идоловъ; вѣрили, что единъ есть Богъ; но опасались, дабы не подвергнуть сію высокую истину народному о ней глумленію, возвѣстя объ ней глупой черни, которой слабыя глаза не могли терпѣть живаго свѣта.

Какъ! притворство и обманъ, столь праведно ненавистныя въ обыкновенномъ житейскомъ обра-

щеніи и въ дѣлахъ маловажныхъ, будутъ ли законными или неразнственными разположеніями въ дѣлахъ касающихся до вѣры? Какъ! Поелику народъ презираемый гордымъ Философомъ есть слабъ, управляется своими предразсудками, склоненъ къ суевѣрію; надобно ли, чтобъ и тѣ, которыхъ оный почитаетъ за своихъ учителей, правилами и примѣрами своими способствовали къ утвержденію его въ заблужденіяхъ?

Ежели есть Богъ, источникъ всякой правды и всякаго блага; ежели человѣкъ есть его созданіе; ежели сей живетъ въ безпрестанной зависимости отъ его промысла; ежели онъ все, что ни имѣетъ, получилъ отъ щедрой десницы его: то онъ долженъ имѣть глубочайшее смиреніе предъ симъ безконечнымъ величествомъ, покланяться его всемогуществу, молить его благость о помощи, отвѣтствовать ей искреннимъ благодареніемъ, жертвовать ему его дарами, посвящать оные его славѣ. Вотъ общія и всенародныя правила. Самъ разумъ нынѣ ихъ одоб-

рястъ; но прежде нежели былъ просвѣщенъ свѣтомъ Откровенія, какимъ предразсудкамъ, какому нечестію не вдавался по сей существенной части естественнаго закона? Извѣстно, что нѣкоторые изъ древнихъ Философовъ отличавшихся честностію жизни, сравнивали себя съ Богомъ или даже дерзали поставлять себя выше его; потому что они дѣлались праведными и мудрыми, говорили они по собственному своему выбору и усиліямъ; а Богъ де напротивъ правдою своею и мудростію обязанъ необходимости своей природы.

Сіи неистовыя Богохуленія обыкновенны у всѣхъ мнимыхъ мудрецовъ язычества. Самый Цицеронъ свидѣтельствуетъ именемъ человѣчества, что ни одинъ разсудливый мужъ никогда не приноситъ жертвы богамъ за добродѣтель свою и мудрость; что въ разсужденіи сего человѣкъ ни отъ кого не зависитъ; что онъ самъ себѣ есть правило и конецъ; что какъ отъ себя самаго, а не отъ Бога получилъ сіи драгоцѣнныя блага: то также ни къ кому кромѣ

себя не долженъ относить оныхъ славы. Цицеронъ о естествѣ боговъ. стр 253. издан. 1565.

Во всемъ естественномъ законѣ естьли какая должность справедливѣе, сладостнѣе, необходимѣе, какъ сїя, которая намъ вновь предписана законодателемъ Христїанскимъ: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего?* Что суть предъ симъ простымъ но столь высокимъ изреченїемъ напыщенныя поученїя Философовъ? Какъ можетъ быть система нравственности безъ сей великой истины?...Однако же какой мудрецъ, не имѣя инаго свѣтильника кромѣ разума, что нибудь подобное сказалъ? Какой иной Законодатель, кромѣ Іисуса Христа и Моисея, когдалибо положилъ въ основанїе своихъ завоновъ единство Бога, Творца человѣковъ и Владыки вселенныя, и что сей Богъ хочетъ быть любимъ отъ всего нашего сердца? Сїя существенная часть нравоученїя всегда была неизвѣстна безъ Откровенїя.

Мы не имѣемъ власти располагать жизнїю нашею по своимъ сумазброднымъ прихотямъ. Она есть залогъ ввѣренный намъ про-

мысломъ: дотолѣ должны тщательно хранить его, доколѣ обратно отъ насъ не потребованъ будетъ. Творецъ природы, изведя насъ изъ ничтожества, назначилъ каждому дѣла, которыя исправлять, путь, по которому шествовать надлежитъ, и предѣлъ теченія. Никому не позволено оставлять прежде времени назначенную чреду; и ярость самоубійства оскорбляетъ Бога, обиждаетъ общество, отъемля у него членовъ: она есть величайшее преступленіе естественнаго закона.

Однако философы защищаютъ самоубійство. Сіе яростное и подлое дѣйствіе въ очахъ ихъ есть геройство достойное великихъ похвалъ. Причина приводимая Цицерономъ къ оправданію Катона доказываетъ, что сіи важныя особы не имѣли о нравственности ни справедливыхъ понятій, ни началъ твердыхъ. У каждаго, говоритъ, есть свое особенное свойство, которое иногда такъ владычествуетъ; что въ одномъ человѣкѣ дѣлаетъ похвальнымъ поступокъ, которой въ другихъ былъ бы хулы достоинъ

На примѣръ, Катонъ не могъ смотрѣть на лице побѣдителя. Сія твердая душа долженствовала избавиться отъ таковаго безчестія: надобно было ему умереть. Столь насильственное рѣшеніе было бы можетъ быть въ другихъ предосудительно: но въ Катонѣ оно было законнымъ, поелику было необходимо. Оно сходствовало съ суровостію его нравовъ и съ непреклонностію его характера.

Странное защищеніе! Аки бы нравственный законъ, право обязывать людей заимствовалъ отъ различныхъ ихъ характеровъ; или самоубійство, сіе гнусное беззаконіе, противное самой природѣ, дѣлалось чрезъ то справедливымъ, что душа Катонова не могла снести стыда при видѣ побѣдителя! Не значитъ ли сіе поставлять *темпераментъ* на мѣсто естественнаго права; подчинять законъ страстямъ, оправдывать порочныя склонности потому токмо, что они бываютъ сильны и почти не укротимы?

Мы краснѣемъ отъ стыда, слушая повѣствованіе о праздникахъ, каковые Греки и Римляне

въ честь Бахуса, Венеры и прочихъ симъ подобныхъ боговъ отправляли; гдѣ законы воздержанія и цѣломудрія столь позорно были нарушаемы. Съ ужасомъ читаемъ въ ихъ исторіи о безчеловѣчномъ закаланіи людей въ жертву злотворнымъ божествамъ, и о сихъ кровопролитныхъ зрѣлищахъ, гдѣ видъ убійственныхъ дракъ между сочеловѣками рѣжущими другъ друга составлялъ потѣху и увеселеніе для Римскаго гражданина. Но сіи непотребныя или лютыя обыкновенія, почитаемыя нами испровер женіемъ нравственности, были уполномочены законами, и даже освящены религіею! Вельможи также какъ и народъ, Философы также какъ и жрецы стекались на сіи мерскія позорища.

Въ какое приводитъ насъ содроганіе Платонъ, предписывая имѣть женъ общихъ! Возможно ли, чтобъ столь знаменитый Философъ восхотѣлъ утверждать таковую вольность? Не значитъ ли сіе, говоритъ одинъ древній защитникъ Религіи, цѣлый градъ дѣлать мѣстомъ распутства, и

подъ сѣнію законовъ вводить въ гражданское общество нестроенія, въ лѣсахъ и у дикихъ звѣрей незнаемыя? Мудрѣйшій изъ Философовъ на престолѣ предпринялъ бы исполнить то; чего не приходило въ голову самонравнѣйшему деспоту, и самому гнуснѣйшему тиранну!!!

Не надобно ли отвергнуть всю стыдливость, чтобъ быть на пиру Платоновомъ; или чтобъ не закраснѣвшись слушать повѣсть о чинимыхъ тамо студодѣяніяхъ? Правда, стараются прикрыть мерзость оныхъ красивыми, пышными словами. Но ето, говоритъ самъ Филонъ, который былъ, великій почитатель сего начальника Философовъ, есть токмо обманчивое покрывало. Распутство, разкрашенное таинственными и иносказательными выраженіями, не перестаетъ быть распутствомъ.

Платонъ не только одобряетъ нечестіе идолопоклонства, но предписываетъ еще въ честь боговъ язычества творить дѣла самыя противныя естественному закону. На примѣръ хочетъ, чтобъ люди непремѣнно упивались въ

праздники Бахусовы. Вводитъ кулашный бой между обѣимъ поломъ, отъемля у нихъ то, что служитъ покровомъ цѣломудрїю, и охраненїемъ добродѣтели. Что же благонравїю противнѣе сихъ студныхъ сраженїй, на которыхъ совершенная нагота и короткое обращенїе истребляя стыдливость, прїуготовляютъ путь къ величайшимъ безчинїямъ?

Какое безумїе въ сихъ мнимыхъ мудрецахъ, выхваляемыхъ намъ Философїею! Одинъ изъ нихъ охуждаетъ безчестныя изображенїя, коихъ видъ оскорбителенъ и соблазнителенъ для добродѣтели. Но изключаетъ изъ сего правила изображенїя боговъ; поелику, говоритъ онъ, соизволяютъ боги чествоваться сими безстудїями. Безумный! Сїе злочинїе, распространившееся по всей Грецїи, не тѣмъ ли заразительнѣе и укоризненнѣе; что предразсудокъ представлялъ оное прїятнымъ божеству, и освященнымъ религїею?

Желаетъ ли кто новаго доказательства безсилїю разума въ познанїи должностей предписанныхъ естественнымъ правомъ?

Пусть тотъ приведетъ себѣ на мысль нелѣпые и лютые законы, повелѣвающїе умерщвлять дѣтей рожденныхъ съ нѣкоторымъ наружнымъ безобразїемъ; аки бы душа правая, возвышенная, благородная, исполненная благости, и мудрости, была существо непотребное для земли; или аки бы природа никогда не ущедряла своими дарами тѣхъ, которымъ она не дала крѣпкаго и красиваго тѣла: однако извѣстно, что сїи безумныя и жестокїя приказанїя осквернили уложенїе Солоново и Ликургово. Они даже нашли себѣ защитниковъ въ славнѣйшихъ Философахъ.

Аристотель не только одобряетъ оныя, но еще присовокупляетъ къ нимъ новыя ужасы. Онъ требуетъ, чтобъ каждый ограничивалъ число дѣтей возможностїю воспитывать ихъ. Но природа, будучи полновластнѣе и щедродательнѣе, смотритъ ли на сїи самопроизвольныя ограничиванїя? Позволительно, говоритъ онъ, преждевременными родами отвращать невыгоды съ лишкомъ умножающагося народа. Только смотрѣть надобно, чтобъ женщины производили порчу надъ утробою

своею до оживотворенія плода; ибо, присовокупляетъ сей странный законодатель, грѣшно бы было дѣлать сіе тогда, когда младенцы уже образованы, и получили жизнь въ ложеснахъ матерей своихъ.

Не одинъ Аристотель впалъ въ сіе постыдное заблужденіе. Законодатель Критскій, сей толико прославленный мудрецъ, о семъ же предмѣтѣ издалъ богомерзскіе и лютые законы. Столь же несвѣдущъ въ политикѣ, какъ и въ нравственности, онъ боялся великаго размноженія народа. Чтобъ удалить отъ Государства своего сію мнимую опасность, онъ сочетавшіяся бракомъ лица, лишаетъ того, что природа содѣлала для нихъ необходимымъ; и замѣняетъ сіе тѣмъ, отъ чего она имѣетъ ужасное отвращеніе. И сей ли есть тотъ отмѣнный человѣкъ, котораго выдаютъ намъ за ближайшаго собесѣдника съ божествомъ; которому Юпитеръ сообщалъ всѣ тайны, всѣ сокровища мудрости?

ЧЛЕНЪ ПЯТЫЙ.

Языческая Философія истины, служащія основаніемъ нравоученію, превратила въ нерѣшимыя задачи.

Ежели какія нибудь истины и оставались послѣ всеобщаго почти растлѣнія нравовъ; но они были превращены въ нерѣшимыя задачи. Отъ непрестанной борьбы противныхъ мнѣній вмѣстѣ съ извѣстностію лишались они дѣятельности и красоты своей.

Вопросите мудрецовъ Египетскихъ и Вавилонскихъ. Войдите въ знаменитѣйшія во вселенной училища Аѳинейскія и Римскія: полюбопытствуйте у сихъ великихъ мужей, отъ всего ученаго свѣта признанныхъ прорицалищами: какой естъ путь къ правдѣ и блаженству? Вы удивитесь, найдя столькожъ мнѣній о томъ; сколько есть Философовъ

Каждая секта будетъ выхвалять вамъ познанія свои и открытія въ странѣ просвѣщенія, свои способы сообщать ихъ людямъ. Но нерѣшимыя ихъ споры, всегдашнія противорѣчія, грубыя заблужденія скоро заставятъ васъ почувствовать тще-

ту ихъ обѣщаній. Такимъ образомъ ни одинъ разсудливый не былъ отъ нихъ обманутъ. Ихъ разногласія ежедневно разпространяли новый мракъ на пути истины, и дѣлали доступъ къ ней труднѣйшимъ. Существеннѣйшіе предмѣты, весьма тѣсно сопряженные съ должностями нашими, выгодами и надеждами, были упражненіемъ любопытства и тщеславія Философовъ. Всегда колеблясь между истиною и прелестію чувствъ, или мечтами воображенія, разумъ ихъ ни на чемъ не можетъ утвердиться. Потокъ владычествующихъ мнѣній увлекаетъ ихъ то въ ту, то въ другую сторону. Сего дня трогаются такимъ доводомъ, а заутра другимъ; и не могутъ остановить легкомыслія своего, ниже соединиться между собою твердымъ и прочнымъ образомъ.

Одинъ силится утвердить то, что другой опровергаетъ. Что одно училище пріемлетъ за истину, то другія оспориваютъ яко заблужденіе. Каждый изъ нихъ въ особенности столь же мало съ самимъ собою согласенъ, какъ и съ своими соперниками. Отрицаетъ или утверждаетъ, созидаетъ или

разоряетъ, слѣдуя выгодѣ или минутному своенравію; поелику единой истинѣ принадлежитъ шествовать всегда одинакою и твердою поступью. Ложь неизбѣжно осуждена на перемѣнчивости и непостоянство.

Они откровенно признаются, что истина для нихъ есть такой блескъ свѣта, которой лишъ появится, и тотчасъ опять ихъ оставляетъ въ безднѣ неизвѣстностей и мрака; гдѣ слабой и робкій разумъ ничего разпознать не можетъ. Посмотрите на сего славнаго мужа, который почитается главнѣйшимъ мудрецомъ свѣта. При кончинѣ все то забываетъ, что во время жизни сказалъ о единствѣ Бога. Презрѣвъ первую и важнѣйшую должность естественнаго закона, приказываетъ принести жертву Ескулапію. Заключаетъ подвигъ свой идолослуженіемъ: до послѣдняго издыханія не снимаетъ съ себя личины притворства, съ которымъ онъ всенародно чтилъ мнимыхъ боговъ, ругаяся имъ во глубинѣ сердца и между своими друзьями. И такъ для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ оставляетъ ощутительное

доказательство, что важнѣйшія истины Религіи и нравоученія у языческихъ Философовъ были безплодными токмо умозрѣніями, не имѣвшими ни малаго участія въ ихъ поведеніи.

Сократъ часто бесѣдовалъ съ своими учениками, и съ своими пріятелями о безсмертіи души. Онъ по видимому говорилъ съ ними о томъ такъ, какъ бы объ извѣстномъ и не сомнительномъ догматѣ. Какъ скоро близокъ сталъ къ смерти: тотъ часъ упованіе его оставляетъ, и онъ въ сей главной истинѣ зритъ неизвѣстное мнѣніе.,, Я иду на смерть, сказалъ онъ окружающимъ его; и вы друзья мои! долго еще жить будете. Что изъ двухъ лучше? Ни вы, ни я о томъ не знаемъ. Сію тайну для себя хранятъ боги. Надѣюсь, что смерть скоро соединитъ меня со всѣми честными людьми отшедшими отъ сея жизни: но надежда моя не совсѣмъ извѣстна; и не могу совершенно утверждать того, что я говорилъ о блаженствѣ меня ожидающемъ. Естьли сіе правда, что я буду существовать по разрушеніи моего тѣла;

то пріятно вѣрить столь утѣшительной и высокой истинѣ. Естьли чаяніе мое тщетно и нѣтъ ничего по смерти; то усладительное мечтаніе лучшей жизни по крайнѣй мѣрѣ поможетъ мнѣ перенести здѣшнія нещастія, и умягчить ихъ жестокость,,

Такимъ образомъ мужи восхваляемые ихъ современниками и потомствомъ, при всей ихъ величавости были истые слѣпцы и младенцы. Столь великоважная истина о безсмертіи души и о будущей жизни для сихъ ложныхъ мудрецовъ всегда была такимъ мнѣніемъ, которое равно можно утверждать и опровергать. Она между ними имѣла славныхъ защитниковъ и противниковъ; и ни одна секта не могла мнѣнія своего довести до извѣстности, ниже доказать лжи противнаго.

Послѣ сего какая могла быть нравственность сихъ людей, жившихъ и умиравшихъ въ сумнѣніи о столь важныхъ пунктахъ, и въ недоумѣніи: не все ли оканчивается смертію? Не естьли наша душа игра чувственныхъ орудій?

Древніе Философы не только

о частныхъ правилахъ нравственности впадали въ заблужденїе, или колебались всегдашнею неизвѣстностїю: но и первыя начала правды часто казались имъ одною только вѣроятностїю. И потому малѣйшее возраженїе помрачаетъ ихъ ясность. Цицеронъ есть разительный тому примѣръ. Всему свѣту извѣстно превосходное его творенїе о законахъ. Онъ въ основанїе положилъ, что находится естественный порядокъ, правда не зависящая отъ учрежденїй человѣческихъ, должности извѣстныя и непремѣнныя; дѣянїя благїя и праведныя по своей сущности, другїя такъ же существенно злыя и беззаконныя: что тѣ надлежитъ исполнять, а сихъ избѣгать, не потому токмо, что мы живемъ въ обществѣ, гдѣ положительныя законы предписываютъ первыя и запрещаютъ послѣднїя; но и для того, что такова есть воля превѣчнаго закона. Цицеронъ присовокупляетъ, что безъ сего перваго основанїя, вотще силятся воздвигнуть зданїе законоположенїя, образовать систему нравственности.

Но не смѣетъ ласкаться тѣмъ,

что бы начала его одобряемы были всѣмъ свѣтомъ. Вѣдаетъ онъ, что училище Епикурово мыслитъ о семъ совсѣмъ противное. Онъ страшится нападенїй новыхъ Академиковъ. Онъ не дерзаетъ ручаться, что бы воздвигнутое имъ зданїе могло противостоять ихъ ударамъ. Доводы ихъ, говоритъ онъ, много отнимутъ у онаго крѣпости. Я не ощущаю въ себѣ столько силы, чтобъ могъ отразить ихъ стрѣлы. Пусть убо останутся они при своемъ о важнѣйшихъ истинахъ сумнѣнїи, поелику оно имъ нравится; но да отстанутъ отъ желанїя погрузить насъ въ оное. Да позволятъ намъ спокойно наслаждаться нашими мнѣнїями.

Теперь очевидно, что всѣ усилїя Философїи не могли насъ ввести въ храмъ мудрости; и что ежели бы кромѣ ея не имѣли мы другаго руководства и пособїя, то бы жили и умерли въ невѣденїи нужнѣйшихъ истинъ. Можно даже заставить ее въ семъ признаться. Стоитъ только каждую въ особенности секту предоставить разсмотрѣнїю всѣхъ прочихъ сектъ; тогда она общимъ судомъ будетъ обвине-

на, и обличена въ заблужденіи о безуміи; разумѣя при томъ, что каждая изъ нихъ произнесши приговоръ, подпадетъ въ свою очередь тому же поруганію, такъ что отзыву своихъ соперницъ ничего не можетъ противупоставить, кромѣ собственнаго о самой себѣ свидѣтельства. Они другъ друга низлагаютъ и истребляютъ; имѣютъ мечь на пораженіе, но нѣтъ у нихъ щита для обороны.

И такъ хочешъ ли зрѣть всю человѣческую мудрость въ крайнемъ замѣшательствѣ: спусти Философовъ въ схватку другъ съ другомъ; что нѣкогда учинилъ основатель одной знаменитой секты. Въ етомъ было странное его намѣреніе; ибо онъ не предполагалъ торжества истины, но хотѣлъ отнять у людей надежду дойти до оной. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ причину издѣваться надъ тщеславіемъ и безуміемъ своихъ современниковъ, кичившихся мнимымъ своимъ просвѣщеніемъ, принимавшихъ за истинное знаніе собраніе нетвердыхъ и сомнительныхъ мнѣній. Для чего же утверждать, что истина якобы не постижима нашему уму, и такимъ образомъ ввергать въ уныніе и отчаяніе умы, коихъ Философія

не могла просвѣтить, ниже успокоить? дерзость его подлинно не извинительна; но онъ можетъ торжествовать не иначе, какъ чрезъ свое паденіе. Надобно, что бы на себя самаго обратилъ онъ тѣ стрѣлы, коими поразилъ другія секты; что бы на передъ самъ низринулся въ ужасную бездну недоумѣнія о всемъ, дабы вовлещи туда и прочихъ.

И такъ безполезно прибѣгать къ Философамъ, дабы научиться отъ нихъ тому, что знать намъ надлежитъ. Подобясь кораблю, бурею сокрушенному, и гониму противными вѣтрами, отдавшись на произволъ волнамъ блуждаютъ они на пространномъ морѣ мнѣній человѣческихъ, и не могутъ ни остановиться, ниже держаться вѣрнаго пути. Истина завсегда имъ чужда и не приступна. Имѣютъ объ ней нѣкоторое предчувствіе; ощущаютъ въ себѣ тайную нѣкую и сильную ея привлекательность: бросаются за ней, но не могутъ ни схватить ее, ни постигнуть. Даже не въ состояніи разсмотрѣть, откуда произходитъ сія пріятность, и сія, такъ сказать, воня мудрости; которой изліяніе, хотя еще несовершенное, сообщаетъ умамъ столь

усладительное и чистое ощущенїе. Гордость любомудровъ за всегда была непреодолимою преградою между ними и истиною.

ЧЛЕНЪ ШЕСТЫЙ.

Вотще противополагаютъ примѣръ Епиктета и М. Аврелїя.

Таково было состоянїе человѣка во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ вѣкахъ, не имѣвшаго инаго свѣтильника кромѣ разума. Онъ былъ преданъ грубымъ заблужденїямъ. Безъ стыда и угрызенїя совѣсти позволялъ себѣ тысящу излишествъ, отметаемыхъ закономъ природы. Нѣсколько истинъ, кои едва могъ провидѣть, не имѣли въ умѣ его ни начала, ни основанїя; единовременнымъ отступленїемъ часто терялъ плодъ всего своего познанїя.

Противополагаютъ ему примѣръ Епиктета и Марка Аврелїя, коихъ чистыя и высокїя истины заслуживаютъ, какъ говорятъ, величайшее удивленїе. Въ самой вещи надобно согласиться; что нравоученїе ихъ имѣетъ нѣчто блистательнѣйшее, нежели наста-

вленія всѣхъ мудрецовъ имъ предшествовавшихъ. Но во первыхъ, хотя бы оба сіи писатели, о различныхъ статьяхъ естественнаго закона изложили начала гораздо точнѣе и справедливѣе, нежели древніе любомудры; то не должно быть сіе удивительно. Когда явились Епиктетъ и Маркъ Аврелій: тогда свѣтъ Евангелія сіялъ уже во всѣхъ областяхъ Имперіи. Его простому и высокому нравоученію удивлялись даже гонители Христіанства. Принуждены были сознаться, что правила столь достойныя Бога, столь приспособленныя къ нуждамъ и состоянію человѣка, столь сообразныя съ чистѣйшими понятіями разума, безконечно превышали всѣ тонкости умозрѣній человѣческой мудрости.

Философы устыдившись тогда еще господствовавшихъ суевѣрій, употребляли всѣ ухищренія разума и способы иносказанія; дабы прикрыть, или отрещись отъ того, что въ язычествѣ болѣе отличалось гнусностію. Частію они очистили нравственность свою отъ заблужденій и пороковъ; кои противоположность Евангелія дѣлала при-

мѣтнѣе и отвратительнѣе. Меньше колебались въ своихъ началахъ: глубокомысленнѣе разсуждали о истинахъ, коихъ древнїе никогда не знали, или едва ихъ провидѣли. Въ дарованїяхъ и остротѣ ума уступая многимъ своимъ предшественникамъ, превосходили ихъ въ свѣденїяхъ и просвѣщенїи. Но извѣстно, откуда они получили таковое надъ ними превосходство: и они весьма несправедливы, когда дерзаютъ противу Религїи обращать преимущество, коимъ одной только ей обязаны.

Во вторыхъ ни кто да не ослѣпляется пышнымъ отзывомъ о сихъ ирояхъ философїи. Епиктетъ и Маркъ Аврелїй, при всемъ ихъ велерѣчїи и мнимой мудрости, служатъ новымъ примѣромъ плачевнаго состоянїя, въ которое низвергся умъ человѣческїй; и изъ коего сїи, въ чудо свѣту поставляемые мудрецы, не могли извлечь его.

Была ли когда нибудь истина разительнѣе или нужнѣе, какъ единство Бога создателя и правителя вселенныя? Потребны ли длинныя разсужденїя для знанїя того, что высочайшее служенїе подобаетъ токмо Богу, яко единому по существу своему, и не имѣющему ни совмѣ-

стника, ни равнаго себѣ? Однакожъ кому не извѣстно, что два любомудра, коихъ примѣръ и начала намъ съ гордостію противопоставляютъ, не познали сего народнаго догмата, и попрали сію первую должность естественнаго закона? Поступками своими и правилами они подкрѣпили злочестіе и суевѣріе здѣлавшіяся всенародными. Покланялись древу и каменію. Въ невѣденіи, съ каковымъ понимали истиннаго Бога, благоговѣли къ ложнымъ и мерзскимъ божествамъ. До послѣдняго своего издыханія не преставали поддерживать идолослуженіе, сіе гнусное преступленіе отметаемое естественнымъ правомъ; сіе безумное заблужденіе, постыдное для человѣческаго разума.

Что Философъ малодушный и робкій, при всей своей надмѣнности, не смѣетъ явно опровергать господствующихъ предразсудковъ; что слѣдуетъ онъ въ капища за тою же толпою черни, которую въ своихъ училищахъ презираетъ, или оплакиваетъ; что Божескія почести преноситъ къ нѣмымъ и безчувственнымъ идоламъ, коихъ втайнѣ стыдится: то сіе притворство его возбуждаетъ него-

дованіе, и подлость души доказываетъ. Для чего бы пустымъ краснобаямъ, не знавши, есть ли добродѣтель что нибудь существенное, или только тщетное названіе; будетъ ли ей возмездіе послѣ сей жизни, или смерть должна разсѣять мечту и обаяніе; для чего бы, сказую, подвергать себя строгости законовъ или ругательствамъ народа, за свидѣтельство истины, которое могло быть для нихъ пагубно? Нѣтъ: не отъ лжемудра можно ожидать таковаго безкорыстія, и столь великаго мужества.

Чегожъ Маркъ Аврелій на престолѣ имѣлъ беречься, или страшиться? Уже ли не позналъ онъ истиннаго Бога? Уже ли чистосердечно вѣрилъ не лѣпымъ, кровопролитнымъ и мерзскимъ богослуженіямъ столицы своей и всей имперіи? Естьли онъ могъ впасть въ сіе ужасное заблужденіе; то да постыдится Философія расточать столько похвалъ ему. Когда же зналъ, что вселенная есть твореніе Премудраго, всеблагаго и всемогущаго Бога; что величество перваго сего Существа есть не раздѣлимо и

несообщительно; что Религїи, распространившїяся и принятыя во всѣхъ мѣстахъ его имперїи, суть постыдныя суевѣрствїя, противныя разуму и природѣ: то возможно ли, что бы онъ до конца своей жизни, поученїями и примѣрами утверждалъ людей въ сихъ гнусныхъ заблужденїяхъ?

Вооруженный высочайшею властїю, онъ не хощетъ всенародно объявить себя поклонникомъ истиннаго Бога. Не только не сокрушаетъ кумировъ, но по возможности своей еще утверждаетъ срамное идолослуженїе. Не въ сихъ только однихъ безчинїяхъ законъ естественный укоряетъ Марка Аврелїя. Недостойная его супруга ободряетъ порокъ своимъ примѣромъ; развращенїе нравовъ своихъ выставляетъ на показъ всему Государству: безславитъ престолъ распутствомъ и соблазномъ: а онъ симъ ни мало не трогается! Что я говорю! По смерти сея непотребной, воздвигаетъ въ честь ея олтари, строитъ капища, освящаетъ ея студодѣянїя. И сихъ то мудрецовъ Философїя съ гордостїю предлагаетъ намъ за образцы и картины, достойно изображающїя человѣчество!

ЧЛЕНЪ СЕДЬМЫЙ

Ложные Философы нашихъ временъ предаются постыднѣйшимъ заблужденiямъ, касательно нравственности.

Естьли мнимые мудрецы древности о важнѣйшихъ статьяхъ, и весьма тѣсно сопряженныхъ съ должностями нашими и судьбою, представляютъ намъ одни не опредѣленныя мысли, противорѣчащiя системы, пагубныя и постыдныя заблужденiя: то ложные Философы нашихъ временъ не больше заслуживаютъ вниманiя, или не лучшими служатъ намъ руководителями въ наученiи нравственности. Дабы разсудительнымъ умамъ возчувствовать навсегда отвращенiе ко всѣмъ суетнымъ нашихъ знатоковъ системамъ о естественномъ законоположенiи; довольно замѣтить, что они изключили Бога изъ своего нравоученiя. Не столь безумные и нечестивые изъ нихъ; должности человѣка относительно къ первому Существу, ограничиваютъ безплоднымъ при-

знанїемъ бытїя его и величїя. Впрочемъ сей великїй предмѣтъ ничего не значитъ въ правилахъ, которыя они хвалятся преподать человѣческому роду. Онъ ни во что не втекаетъ, ни въ побужденїя ихъ, ни въ поступки. Пребывая въ величественной безпечности, въ вѣчной праздности, не имѣетъ ни награды для добродѣтели, ни наказанїя для порока; не знаетъ или презираетъ то, что происходитъ на земли: тщетно ожидать намъ отъ него или мудрости, или вѣнца, опредѣленнаго ей въ лучшей жизни. Какова же должна быть нравственность, оскверненная столь грубыми заблужденїями? Будучи гораздо надмѣннѣе и несмысленнѣе самыхъ даже идолопоклонниковъ, наши мнимые мудрецы преступили предѣлы уважаемыя язычествомъ.

Человѣкъ, по ихъ сказанїю, въ состоянїи самъ собою достигнуть мудрости и посредствомъ ея блаженства. Но вѣчные ихъ споры, всегдашнее ихъ безсилїе поставить что нибудь основательное на мѣсто религїи ими отвергаемой, ихъ гибельныя или

нелѣпыя системы, на конецъ должны были вразумить всю вселенную, что въ умѣ человѣческомъ ничто такъ не примѣтно, какъ его высокомѣріе и отсутствіе здраваго смысла; что онъ предавшись заблужденіямъ своимъ и непостоянству, есть корабль безъ кормила и кормчаго, низвергающійся изъ бездны въ бездну, и подлежащій неминуемому сокрушенію и гибели: естьли заблаговременно не утвердится якоремъ Откровенія.

Величавые любомудры, чествующіе себя наставниками человѣческаго рода, вождями слѣпыхъ! вы отмѣнные мужи, коихъ истина, естьли надлежитъ вамъ вѣрить, изведя рукою своею изъ глупой толпы, препоручила вамъ свои сокровища, поставила васъ охранителями правъ своихъ, и истолкователями таинственныхъ прорицаній; ревностные проповѣдники разума, презирающаго пособія представляемыя религіею: пожалуйте скажите намъ, сей разумъ, которому, какъ вы хвалитесь, послѣдуете, на конецъ соединилъ ли васъ въ существенномъ и нужномъ пунктѣ? Ахъ! Нѣтъ; слова ваши и писанія излагаютъ

одни токмо пустыя догадки, смѣшныя мнѣнія, ужасныя системы *ученіе гибельное.* Свидѣтельствуетъ о семъ человѣкъ, довольно упоенный вашими мыслями, и человѣкъ неподозрительный. Къ заблужденіямъ вашимъ присовокупляя свои собственныя, къ сомнѣніямъ противорѣчія, онъ подтверждаетъ примѣромъ истину словъ своихъ.

,,Я справлялся съ Философами; прочелъ ихъ сочиненія, разсмотрѣлъ различныя ихъ мнѣнія: нашелъ всѣхъ ихъ величавыми, упорными, поучительными, даже и въ самомъ мнимомъ ихъ *сцептицизмѣ*; хотя впрочемъ ничего не знаютъ, ничего не доказываютъ, а издѣваются токмо одни надъ другими. И сія всѣмъ имъ общая статья показалась мнѣ одна, по которой они всѣ справедливы. Торжествуя при нападеніи, бываютъ не сильны при защищеніи себя. Естьли извѣсите ихъ доводы, то они имѣютъ ихъ токмо для опроверженія другихъ. Естьли исчислите голоса, то каждый опирается на своемъ; они въ томъ только согласны, что спорятъ; слушая ихъ, не было бы

средства выдти мнѣ изъ неизвѣстности.,, Емил. кн. 4.

Мы не будемъ здѣсь въ подробности представлять читателю всѣ студныя пороки, въ защищеніе коихъ мнимые наши мудрецы возстали противъ естественнаго закона. Всему міру извѣстно, съ какою дерзостію они оспоривали бытіе или свойства перваго Существа, свободу человѣка, духовность и безсмертіе души своей, существенное различіе праведныхъ и нечестивцевъ. Они не уважали ни единаго начала, служащаго основаніемъ религіи и нравственности. Они всѣми силами старались уничтожить добродѣтель, или привести ее въ уныніе, ободрить страсти, оправдать всѣ пороки, разорвать всѣ узы связующіе человѣковъ.

Ежели между новѣйшими любомудрами, востающими противъ Христіанства, еще находятся такіе, которые вопіютъ противу пороковъ, имѣютъ уваженіе и ревность къ естественному закону: то какъ они не усмотрѣли того, что пренебрегая подпору и свѣтъ Религіи, доставляли нечестивцамъ удобность нападать на самое нравоученіе? Мы уже замѣтили, что все зданіе

нравственности потрясется, законъ естественный будетъ безъ силы, безъ защиты, безъ привлекательности; естьли нарушенѣе онаго должно оставаться безъ наказанія, и исполненіе безъ награды.

Вотъ еще другая истина не меньше ощутительная, что здѣсь на земли нечестивый часто увѣнчавается славою, утопаетъ въ утѣхахъ; между тѣмъ какъ праведный живетъ въ неизвѣстности и презрѣніи, проливаетъ слезы безутѣшно, бываетъ жертвою щастливцовъ вѣка, предмѣтомъ ихъ издѣвокъ и насилій; и наконецъ многотрудное свое теченіе совершаетъ въ уничиженіи и бѣдности. Ежели все оканчивается смертію; то нѣтъ уже ни должностей, ни нравственности. Ежели отнимешъ у добродѣтели сію двойственную пружину, страхъ будущихъ мученій, и чаяніе лучшей жизни; то она скоро падетъ въ уныніе и отчаяніе. Естественный законъ будетъ въ очахъ людей токмо безполезнымъ игомъ, лютымъ правительствомъ. Почто честному человѣку упорно защищать добродѣтель и неослабно шествовать по труднымъ стезямъ ея, ежели гладкій путь

порока долженъ приводить его къ той цѣли? Какая польза ему при всякомъ случаѣ бороться съ порочными своими склонностями, жертвовать разуму своими навыками и пристрастiями, и правду предпочитать всѣмъ другимъ благамъ; ежели различiе между добрымъ человѣкомъ и злобнымъ замыкается токмо въ тѣсномъ пространствѣ сея жизни?

Пусть убо гордые презиратели религiи скажутъ намъ, но скажутъ съ увѣрительностiю, есть ли что нибудь по смерти, чего намъ должно надѣяться или страшиться? Предоставлены ли какiя блага человѣку праведному и злополучному въ семъ мiрѣ? Какую награду предлагаютъ они его трудамъ? Какой вѣнецъ его подвигамъ: Какое возмездiе его пожертвованiямъ? Какой жизни долженъ ожидать порочный, до самой смерти спокойно наслаждавшiйся плодомъ своихъ злодѣянiй? При разсужденiи о сей матерiи, толь близко до насъ касающейся, заблужденiе есть ужасное несчастiе, сомнѣнiе есть отчаянное положенiе, равнодушiе непонятное окаянство и безумiе.

И кто же безъ помощи Религiи

узналъ, какъ должно, будущую судьбу человѣка? Въ продолженіи четыредесяти столѣтій мудрость человѣческая истощилась въ безполезныхъ усиліяхъ. Розысканія ея оканчивались токмо слабыми догадками, или несносными заблужденіями. Ученые мужи нашихъ временъ предавались одинакимъ неизвѣстностямъ и мраку; ихъ безплодныя умозрѣнія ничего не представляютъ достойнаго добродѣтели, или могущаго порокъ привести въ трепетъ.

Они видятъ въ человѣкѣ подлую токмо смѣсь земляныхъ и влажныхъ частей; Существо слабое и маловременное, коего близкое разрушеніе погрузитъ въ вѣчную безчувственность. Утѣшительная ихъ Философія утѣсненному здѣсь и злополучному кромѣ ничтожества не представляетъ инаго прибѣжища послѣ смерти, ниже другой отрады: ученіе низкое и безнадежное, съ негодованіемъ отметаемое разумомъ и природою, которое могло родиться въ подломъ токмо и развращенномъ сердцѣ! Другіе хотя ласкаютъ насъ надеждою будущаго благополучія; но кто поручится въ истинѣ ихъ обѣщаній? То, что говорятъ они о семъ, походитъ болѣе на скоропре-

ходящія мечты спящаго человѣка, нежели на твердое и продолжительное увѣреніе здравомыслящаго мудреца. Одинъ изъ сихъ краснобаевъ не знаетъ; будутъ ли послѣ сей краткой жизни другіе источники благополучія и мученія кромѣ чистаго удовольствія, раждающагося отъ воззрѣнія на свои совершенства, и горестнаго раскаянія въ своихъ порокахъ. Емил. томъ III. стр. 78.

Другое примѣчаніе не меньше важное открываетъ намъ недостатокъ и несовершенство всякой системы нравственности, гдѣ только руководствуются слабымъ свѣтомъ разума. Это есть начало принятое отъ всѣхъ Философовъ, что первое правило нравоученія долженствуетъ вразумить человѣка знать себя самаго: *познай себя самаго*. Всякая Философія, не имѣющая сего конца, или не могущая достигнуть, есть только суесловіе, которое можетъ забавлять, или ослѣпить лжемудра, но безполезно для человѣчества, и недостойно чествоваться именемъ философіи.

Что пользы человѣку знать все прочее, ежели онъ въ столь важномъ пунктѣ слѣпотствуетъ, или заблуждаетъ? Менѣе ли онъ будетъ

нещастенъ, ежели испытавъ всѣ таинства природы, усовершивъ художества и науки, просвѣтивъ народъ, предписавъ законы мїру, не знаетъ своего начала, своея природы, наслѣдственной порчи ея и врачевства отъ оной, своего послѣдняго конца и средствъ, могущихъ привести къ оному?

Но откуда почерпнетъ онъ столь нужное познанїе, когда не знаетъ или презираетъ свѣтъ Религїи? Онъ будетъ жить на удачу, скотски слѣдуя одной слѣпой склонности. Онъ окончитъ нещастное теченїе жизни, не вѣдая ни начала своего, ни предопредѣленїя. Ежели стыдяся таковаго безумїя, онъ отстанетъ отъ внѣшнихъ предмѣтовъ, дабы заглянуть въ себя самаго, и вопросить свое сердце: то ничего не увидитъ кромѣ бездны, неприступной разуму; погрузится въ ужасную мрачность. Онъ никогда не будетъ достаточенъ изъяснить сїю мучительную борьбу чувствованїй, волнующихъ его сердце: сїи противности, которыя дѣлаютъ его состоянїе столь ужаснымъ и столь жалостнымъ; которыя суть драгоцѣнныя останки прошедшей

знаменитости и богатства, и купно ощутительные опыты настоящаго паденія и бѣдности; сію чудовищную смѣсь свѣта со мракомъ, величія съ низкостію, изящества съ порчею; сіе естественное и непреоборимое желаніе долговременнаго и безконечнаго щастія, и пристрастіе къ суетнымъ, или скоропреходящимъ благамъ, которыя всегда обманываютъ его надежду; сію наклонность одной части его существа влекущей его ко злу, между тѣмъ какъ другая въ томъ его укоряетъ, и заставляетъ краснѣть; сію безпрерывную войну между разумомъ и страстями, между движеніями сердца, и напоминаніями совѣсти; сіе удивительное несходство между желаніями его и благими окружающими; сей внутренній раздоръ, который дѣлаетъ его противнымъ самому себѣ, терзаетъ его, и дѣлитъ на части.

Онъ не можетъ разпознать, откуда происходитъ въ немъ, влеченіе къ умосозерцаніямъ и любовь къ нравственному совершенству. Чувствуя, что созданъ для познанія истины, желаетъ ее съ жаромъ, ищетъ неусыпно; но истина почти всегда скрывается

отъ его желаній и исканія. Онъ стремится къ щастію по внушенію самой природы; и осужденъ быть нещастнымъ. Онъ стыдится порока, и слѣдуетъ его приманкамъ, удивляется добродѣтели, и не имѣетъ мужества объявить себя ея подвижникомъ; осуждаетъ порокъ, и предается ему.

Тысящекратно съ нимъ случается, что страстей своихъ не отличаетъ отъ впечатлѣній благороднѣйшаго начала; законныхъ наклонностей, отъ склонностей порочныхъ, коимъ обязанъ противиться. Онъ находится въ безпрерывной опасности употребить во зло или остатки своего величія пожертвованіемъ собою тщеславію, или познаніе всеродънаго растлѣнія оправданіемъ своихъ слабостей; и такимъ образомъ не иначе избѣгать гордости, какъ чрезъ отчаяніе, или возбуждаться отъ унынія суетнымъ киченіемъ.

Вотъ чего не можетъ человѣкъ изъяснить, основываясь на своемъ или другихъ разумѣ! Онъ истощился въ своихъ усиліяхъ, и ни сколько не могъ открыть сего существеннаго пункта, отъ незнанія коего правила человѣческой

мудрости всегда оставались безполезными, или даже опасными. Онъ довершаетъ наши бѣдствія, оболщая насъ мнимымъ здоровьемъ, или отъемля и надежду исцѣленія.

Такъ уже ли человѣкъ дѣлается нещастенъ, входя въ себя самаго? Его открытія служатъ только къ возмущенію покоя, и изслѣдованія мучатъ его безконечно и безутѣшно. Ложныя или недостаточныя свѣденія ввергаютъ его въ уныніе и отчаяніе, дая ему чувствовать, что между нимъ и истиною стоитъ непреоборимая преграда. Но отъ унынія до нечестія и буйства одинъ только шагъ. И такъ онъ не укоснитъ порицать благость и премудрость своего Создателя. Онъ припишетъ ему свои нещастія; онъ здѣлаетъ его отвѣтчикомъ за свои безчинія, и дабы свободнѣе предаться страстямъ, онъ заглушитъ докучливые вопли добродѣтели и мудрости.

Предположимъ, что онъ избѣгнетъ сей опасности, что встрепещетъ при видѣ сей разверзающейся подъ нимъ пропасти, и среди сомнѣній, колеблющихъ его и

мрака окружающаго, сохранитъ сіи первоосновныя истины: что существуетъ Богъ Премудрый, Всемогущій, Всесовершенный; что вселенная есть дѣло рукъ его; что человѣкъ долженъ исполнять обязанности; что сіи обязанности ни сомнительны, ни произвольны. Предположимъ еще, что онъ восхощетъ прилѣпиться къ добродѣтели, предпочесть ее обманчивымъ прелестямъ порока, покорить разуму всѣ вооружающіяся противъ него склонности. Ктожъ поддержитъ его въ семъ мужественномъ намѣреніи? Что можетъ ему сказать, или обѣщать разумъ, дабы онъ рѣшился побѣждать огорченія и препятствія, имѣющія воспрѣтить его на пути добродѣтели, дабы рѣшился жертвовать ей чувственными удовольствіями, всѣмъ тѣмъ, что питаетъ и воспламеняетъ похоть? Для приведенія сего въ дѣйство надобно прежде тронуть сердце человѣческое: одно чаяніе блаженства трогаетъ его и поощряетъ.

Но мудрость человѣческая ничего не можетъ обѣщать. Чести, удовольствія, богатство не состоятъ въ ея власти; и хотя бы она была средствомъ или источ-

никомъ оныхъ, такія блага не достойны добродѣтели. Она страшится ихъ и презираетъ; поелику не могутъ удовлетворить ея желаніямъ, ослабляютъ ея мужество, и растлѣваютъ ея невинность. Сей ужасной склонности нашего сердца къ подлымъ и недостойнымъ насъ предмѣтамъ надлежитъ противоположить чаяніе лучшей жизни, удовольствій продолжительнѣйшихъ, благъ совершеннѣйшихъ, которыя соотвѣтствуютъ и нашей природѣ и пространству нашихъ желаній. Но Философія не можетъ ни открыть ихъ, ни достигнуть.

Сіе важное дѣло предоставлено Религіи. Ей одной принадлежитъ снять покровъ, разсѣять наши сомнѣнія, показать намъ истинное благо, наши должности, слабости отвращающія насъ отъ закона, врачевство могущее исцѣлить немощи наши, и средство къ полученію сего врачевства. Она едина могла насъ увѣрить, что есть Богъ, котораго мы должны любить; что наше истинное щастіе состоитъ въ совершенной ему преданности, а зло въ удаленіи отъ него; что

мы исполнены заблужденій и страстей, препятствующихъ намъ познавать его и любить. Для нея не довольно того, что бы показать намъ источникъ сихъ удивительныхъ противностей, которыя суть доказательствомъ нашего поврежденія и вмѣстѣ превосходства. Она доставляетъ намъ также средство, прекратить сію внутреннюю войну между разумомъ и страстями.

Ктожъ можетъ хотя минуту колебаться между религіею и горделивою Филсософіею. Сія всегда оставляетъ насъ въ нашихъ заблужденіяхъ и слабости; а та напротивъ научаетъ насъ всему нужному. Она освобождаетъ насъ какъ отъ нашей порчи, такъ и отъ заблужденій. Она приводитъ въ совершенство наши слабыя и несовершенныя познанія. Она утверждаетъ въ умѣ нашемъ не большое число истинъ; которыя хотя спаслись отъ всероднаго поврежденія, но представлялись въ образѣ неизвѣстныхъ и сумнительныхъ положеній.

Она открываетъ и потерянныя нами изъ виду, незнаніе коихъ составляло наше нещастіе. Она

показуетъ съ полнымъ удостовѣреніемъ конецъ, къ которому мы должны стремиться, и путь, по которому можемъ достигнуть онаго. Она къ симъ свѣденіямъ присовокупляетъ всю важность Божеской власти. Она свои поученія покрѣпляетъ побужденіями сильнѣйшими, надеждою богатѣйшей награды, страхомъ наказанія извѣстнѣйшаго и ужаснѣйшаго. Она представляетъ намъ по ту сторону гроба предмѣтъ утѣшительный или ужасный, но весьма величественный; воспоминаніе коего можетъ служить уздою страстямъ и поощреніемъ къ добродѣтели.

Но наипаче торжествуетъ она внутреннимъ ощущеніемъ благодати Божіей надъ пылкими страстями. Она не скрываетъ отъ насъ нашего нещастія и нашей низкости; но и то и другое обращаетъ къ возстановленію нашего величія. Такимъ образомъ предохраняя насъ отъ двухъ опасностей, то есть, гордости и отчаянія, на конецъ приводитъ туда, гдѣ мы должны содѣлаться и мудрыми и щастливыми. Мыс. *Паскал*.

ЧЛЕНЪ ОСЬМЫЙ.

Нравоученіе, основанное на религіи, безконечно превосходитъ безплодныя умствованія Философіи.

Начала, изложенныя въ предидущемъ членѣ, показали намъ отъ части превосходство и красоту нравственности на вѣрѣ основанной. Но толико важная задача требуетъ большаго разсмотрѣнія: необходимо нужно войти въ нѣкоторыя подробности о матеріи толь тѣсно соединенной съ нашими должностями, съ нашими выгодами; особливо въ настоящія времена своевольства, защищаемаго многолюдною и опасною сектою, которая всемѣрно силится опорочить религію, и на развалинахъ ея утвердить лживую Философію. Дабы заградить ей уста, и смирить ея гордость, довольно сличить ученіе и пособія оной съ ученіемъ и пособіями Христіанства ею презираемаго.

Законовѣденіе весьма различествуетъ отъ сихъ безполезныхъ умозрѣній, въ праздные часы за-

бавляющихъ и ласкающихъ тщеславїю не многихъ мудрецовъ, но ни мало не спосп̂ѣшествующихъ совершенству и щастїю рода человѣческаго. Польза нравоученїя гораздо благороднѣе, назначенїе его несравненно важнѣе. Оно должно освящать всѣхъ смертныхъ, просвѣщать ихъ разумъ, исправлять сердце, врачевать страсти. И здѣсь то мудрость человѣческая за всегда безуспѣшна бываетъ. Безполезныя ея усилїя доказали важность предпрїятїя и слабость пособїй заимствуемыхъ отъ Философїи

Слава исполненїя была предоставлена нравоученїю сильнѣе дѣйствующему и вышнему. Должности человѣка неразрывно соединены съ его началомъ, съ его природою и первымъ его опредѣленїемъ; а разумъ, оставленный самому себѣ, почти вовсе несвѣдущъ въ сихъ столь важныхъ предмѣтахъ, незнанїе коихъ пагубно. Онъ представляетъ намъ несвязныя токмо системы, сумнительныя или противурѣчущїя мнѣнїя, глупыя или безбожныя погрѣшности.

Но религїя въ книгѣ Евангельской представляетъ намъ цѣлый составъ нравоученїя, въ совершен-

ствѣ, безъ погрѣшностей. Она предъ очами нашими раскрываетъ удивительную картину, выразительностію чертъ своихъ и плѣнительностію красокъ поражающую зрѣніе какъ невѣждъ, такъ и ученыхъ. Нѣтъ нужды ни въ глубокихъ изслѣдованіяхъ, ни въ продолжительныхъ разсужденіяхъ, для отъисканія въ ней всего того, что можетъ образовать наши нравы, уврачевать бѣдствія. Самые краткозрячіе съ перваго взгляду усматриваютъ въ ней отношенія человѣка къ Богу, отношенія людей къ ближнимъ; чего Богъ требуетъ отъ человѣка, и чѣмъ человѣкъ можетъ служить своему Богу; величіе человѣка и низкость его; паденіе и нещастныя сего слѣдствія; уничиженіе и возстановленіе; что посрамило человѣка, и что должно возвратить ему прежнюю славу, и воззвать къ первобытному состоянію невинности. Кромѣ главныхъ правилъ и общихъ всѣмъ людямъ должностей, они видятъ тамъ правила свойственныя каждому въ особенности состоянію земнаго общежитія. Нѣтъ ни одного человѣка, въ какомъ бы ни былъ положеніи, которой въ сей священной книгѣ и въ примѣрахъ Боже-

ственнаго Творца ея не нашелъ бы точныхъ правилъ, сильныхъ побужденій къ почитанію Бога, къ обновленію сердца своего, къ люблeнію подобныхъ себѣ. Супругъ и супруга, дѣвы и вдовицы, сынъ и отецъ, рабъ и господинъ, старецъ и юноша, богатые и убогіе, подданные и Государи, всѣ оттуда почерпаютъ свѣденія о должностяхъ своихъ, свѣденія легчайшія, обильныя и безпогрѣшительныя.

Нравоученіе Евангельское не одною только твердостію началъ и обиліемъ истинъ безконечно превышаетъ мудрость человѣческую: превосходство его основывается еще на другихъ правахъ, колико неоспоримыхъ, толико важныхъ. Можно ли сколько нибудь колебаться между ними, принявъ въ разсужденіе высокую цѣль Евангелія? Философія со всею своею пышностію, ни чего не представляетъ намъ кромѣ малости и низкости. Ея попеченія и усилія не простираются за предѣлъ жизни сея. Она тщеславится своими положеніями и правилами: съ надмѣнностію говоритъ о порокахъ и добродѣтеляхъ; манитъ къ себѣ людей огромными обѣщаніями: но вся сія величавость заключается

въ весьма тѣсномъ кругѣ. За предѣлами гроба у ней одна ничтожность, или по крайней мѣрѣ страна неизвѣстная, въ которой слабый и дрожащій взоръ ея ничего не находитъ могущаго служить предмѣтомъ ея умозрѣній, или подкрѣпленіемъ надежды: она не любитъ слишкомъ заниматься сими предмѣтами, мечтательными въ очахъ ея, или отъ ней утаенными.

И такъ она думаетъ, что оказала важную услугу человѣчеству, и со славою исполнила свой долгъ; когда успѣла содѣлать насъ на земли праведными и счастливыми. Но и сего благодѣянія не можетъ оказать людямъ: поелику ложныя или недостаточныя имѣетъ понятія о главныхъ ихъ должностяхъ, разсуждаетъ объ оныхъ по такимъ отношеніямъ; кои на время только съединяютъ людей между собою. Она еще болѣе имѣетъ недостатка въ побужденіяхъ и средствахъ заставить любить открываемыя ею обязанности: такимъ образомъ не видно еще мудреца, какого она намъ обѣщаетъ съ весьма давнихъ временъ?

Хотя бы она имѣла довольно средствъ воцарить на земли миръ и благоденствїе, истребить неустроенія оскверняющія и мятущія человѣковъ, удержать похищенія и насилія; но всю еще была бы недостойна сравниться съ религїею. Ея средства не имѣли бы никакой соразмѣрности съ нашими желаніями и нуждами; поелику она изчезаетъ при смерти, и не можетъ за нами слѣдовать туда, куда всѣ племена переселяются съ удивительною скоростїю.

Содѣлать насъ праведными и блаженными навсегда предоставлено Христіанскому ученїю. Оно желанія наши, надежды простираетъ за предѣлы сея жизни. Оно правду нашу и благїя дѣянія печатлѣетъ безсмертїемъ.

Пресловутые опыты мудрости человѣческой блистаютъ только на одно мгновеніе. Самыя благородныя ея усилїя, чудеса, коими она ослѣпила или изумила свѣтъ, оставили по себѣ одно тщетное воспоминаніе. Постыдныя разногласія и непростительныя погрѣшности хотя и не изгладили бы прежде смерти того, что есть

разительнаго въ сихъ ирояхъ Философіи, въ сихъ изящныхъ душахъ, въ коихъ разумъ съ удовольствіемъ выказываетъ всю свою дѣятельность и остроту, однако всѣ сіи пышныя качества изчезнутъ въ одну минуту. Смерть на вѣки помрачаетъ славу сихъ ложныхъ или кратковременныхъ добродѣтелей. Она въ нихъ открываетъ пустоту и ничтожность. Тогда душа мудреца совлекши сіе суетное украшеніе, и лишась сего мнимаго богатства, зритъ себя въ срамной наготѣ и вѣчномъ убожествѣ.

Нравоученіе, основанное на религіи, совсѣмъ иначе дѣйствуетъ. Оно есть благоплодный корень, насажденный рукою безсмертія. Раждающіеся отъ него плоды участвуютъ въ превосходствѣ своего начала и въ вѣчномъ его существованіи. Добродѣтели, коихъ началомъ, побужденіемъ и концемъ есть религія, и тогда существуютъ, когда изчезнутъ всѣ обаянія вѣка сего. Понеже они украшаютъ не только внѣшность нашего существа, но и самую внутренность освящаютъ; то и не могутъ страшиться ни пре-

вращенія вѣковъ, ни прихотей молвы, ни несправедливости людей. Они имѣли начало высшее усилій человѣческихъ, побужденія благороднѣйшія, нежели рукоплесканія и удивленіе современниковъ, или потомства: они останутся также невредимы по разрушеніи всея природы. Они суть сокровище остающееся мудрому послѣ того, какъ все прочее исчезаетъ. Самая смерть, сей роковый камень, о которой сокрушаются ложныя добродѣтели, начало и побужденія взимающія отъ Философіи, для добродѣтелей внушаемыхъ религїею, есть горнило, гдѣ они становятся блистательнѣе и чище; они теряютъ только прахъ, затмѣвающій блескъ ихъ и уменьшающій цѣну, между тѣмъ какъ все прочее, аки плевы, горитъ тамъ, и сожигается.

Философія весьма старается вдохнуть мудрецу презрѣніе къ грубымъ предмѣтамъ, забавляющимъ и развращающимъ низкія души; но не можетъ она вознести его превыше самаго себя. Онъ, такъ скажемъ, презираетъ роскошъ; но есть рабъ гордости, онъ попираетъ ногами богатство; но вмѣсто сребролюбія

обладаетъ имъ тщеславіе. Онъ превозмогаетъ грубую и низкую суетность, ищущую народныхъ одобреній. Онъ гнушается человѣческими похвалами и удивленіемъ. Онъ доволенъ однимъ своимъ свидѣтельствомъ; онъ любуется своею добродѣтелію. Зрѣлище собственнаго превосходства замѣняетъ ему все прочее. Онъ не желаетъ другихъ очевидцевъ своей славы, кромѣ собственной своей совѣсти. Но сколь онъ низокъ со всѣмъ своимъ высокомѣріемъ! Не смотря на всю его дѣятельность, и на всѣ усилія онъ не можетъ даже на одну минуту выступить изъ тѣснаго круга самолюбія: онъ повидимому презираетъ все лучшее на земли, но всегда по ней пресмыкается. На крылахъ гордости не можетъ вознестись превыше человѣчества; и слѣдственно остается въ посрамленіи и бѣдности. Нѣтъ ни чего презрѣннѣе и нещастнѣе ослѣпленнаго человѣка, который мнитъ быть доволенъ самимъ собою, лишившись даже чувствованія собственной бѣдности. Это есть невольникъ премѣняющій господина, но остающійся въ томже рабствѣ. Онъ вмѣсто оковъ влачимыхъ несмысленною чернію, носитъ узы по видимому не

столь безчестныя; но всегда остается съ гнуснымъ пятномъ рабства.

Единой только вѣрѣ свойственно возносить человѣка выше человѣчества. Она открываетъ ему непостоянство и ничтожность всего скоропреходящаго; она за предѣлами времени показуетъ ему безконечное и непремѣняемое благо, предлагая вмѣстѣ и средство къ полученiю онаго. Она вводитъ его въ неизреченное общенiе съ живымъ и истиннымъ Богомъ. Съ сей только высоты прилично человѣку съ благороднымъ безпристрастiемъ смотрѣть на все земное. Онъ покаряется Богу; и сею покорностiю прiобрѣтаетъ блаженную независимость отъ всего того, что не есть высочайшее благо.

И такъ нѣтъ ничего величественнѣе Евангельскаго нравоученiя. Его наставленiя и обѣтованiя, по сужденiю даже разума, несказанно превосходятъ все то, что древняя и нынѣшняя Философiя могла изобрѣсть блистательнѣйшаго и величественнѣйшаго, лаская человѣческой гордости. Подкрѣпленный Религiею возносится до небесъ, съединяется съ

Богомъ, живетъ въ немъ. Іоан. 6. 58. Но здѣсь не мѣсто открывать сіи высокія истины. Довольно приподнять часть завѣсы, дабы возродить въ умѣ желаніе проникнуть во святилище религіи, и узнать отъ нея дивности; предъ коими высочайшія умствованія любомудровъ суть не иное что, какъ низкія и дѣтскія понятія.

Отсюда раждается новое примѣчаніе: сердце человѣческое не можетъ обойтись безъ пищи. Неутомимыя и алчныя его желанія непрестанно побуждаютъ человѣка искать внѣ себя блага, коего онъ не находитъ уже въ самомъ себѣ. Не позволительно, и не можно потушить сея склонности, влекущей его къ щастію; надлежитъ только содержать ее въ границахъ, и предохранять отъ ошибокъ. Не должно говорить человѣку: не люби ничего, не желай болѣе щастія; онъ не будетъ разумѣть сего языка; а надлежитъ показать ему такое добро, которое совершенно бы утолило его голодъ, установило колебанія, и положило предѣлъ взысканіямъ.

Но гдѣ взять такое благо, достойное человѣка, соотвѣтствующее его желаніямъ, и могущее ихъ насытить? для отысканія предмѣта съ таковыми свойствами надлежитъ вознестись превыше времени. Но Философія или не смѣла покуситься на сіе, или и покушалась, но безуспѣшно. Она изъ настоящихъ благъ избирала тѣ, которыя предъ прочими казались ей соотвѣтственнѣе нашимъ нуждамъ и нашимъ желаніямъ: но въ жизни сей нѣтъ ничего достойнаго человѣка, ничего, что бы не унижало его; ежели онъ полагаетъ въ ней конецъ своихъ желаній и предмѣтъ наслажденія. Такимъ образомъ состояніе человѣка бѣдственно, доколѣ онъ не имѣетъ другаго вождя, кромѣ суетной Философіи. Онъ колеблется между верховнымъ благомъ, которое ему не извѣстно, или коего онъ не можетъ достигнуть; и сими низшими и грубыми благами, ласкающими чувствамъ, но умъ и сердце растлѣвающими. Чтожъ ему скажетъ тогда мудрость человѣческая? остановись на себѣ самомъ; ищи щастія въ собственномъ тво-

емъ сердцѣ; добродѣтель, плодъ твоихъ усилій и исканія, все должна замѣнить тебѣ; наслаждайся твоимъ превосходствомъ; будь самъ для себя благомъ, а отъ другаго не ожидай онаго.

Сіи гордыя мысли могли бы на минуту усладить его тщеславіе, но не могли бы удовлетворить его желаніямъ. Ибо войдя въ самихъ себя можемъ ли не чувствовать сихъ неограниченныхъ хотѣній, которыхъ никакое сотворенное благо не можетъ ни оставить, ни удовольствовать; сея безконечныя нужды, которой мы не можемъ скрыть отъ самихъ себя, которая не отстаетъ отъ насъ среди увеселительнѣйшихъ разсѣяній, которая дѣлаетъ насъ злополучными въ самомъ нѣдрѣ удовольствій и щастія? Вѣдаемъ мы, что таковое расположеніе не есть какое либо исключительное свойство; всѣ люди внутрь себя ощущаютъ оное какъ и мы, и столько же имѣютъ невозможности удовлетворить оному. Но какое есть его начало? какой его конецъ? сего то и не можетъ намъ открыть мудрость человѣческая. Глубина нашей при-

роды всегда была непроницаемою для нея бездною.

Христіанскому нравоученію предоставлено истолковать сіе неопредѣленное и сбивчивое чувствованіе, которое ни чемъ не удовлетворяется. Оно признаетъ его за драгоцѣнный остатокъ прежняго нашего величія. Оно даетъ волю сему тайному впечатлѣнію природы, которое гнушаясь видимыми и скоропреходящими вещами, непрестанно стремится къ вышнему и продолжительнѣйшему благу. Оно присоединяетъ даже новую степень дѣятельности, разсѣвая наши страхи и сомнѣнія, превращая въ полную ясность робкія гаданія, относительно къ высокому души назначенію. Оно внятно намъ говоритъ, что мы созданы для блага безпредѣльнаго и вѣчнаго, соотвѣтствующаго величію превѣчнаго Бога и чаянію человѣка.

Философія никогда не познала истины столь рѣшительной и столь необходимой. Она ввергла насъ въ печальнѣйшія заблужденія, сей край желаній нашихъ подмѣняя суетными предмѣтами, немогущими насъ облагополучить.

Не довольно того, что сіи ложныя блага обольщаютъ чаяніе человѣка; наслажденіе оными унижаетъ превосходство его природы, оскверняетъ его душу, и творитъ нещастною, Совершенство человѣка, его истинное щастіе состоитъ въ соединеніи съ Богомъ, въ предпочтеніи его всему, въ совершенной любви къ нему. И такъ великая несправедливость, ужасное превращеніе естественнаго чина, предпочитать тварь Творцу, низкіе и несовершенные предмѣты высочайшему благу. Но слѣпая и несчастная наклонность къ онымъ есть всеродная болѣзнь, угнѣтающая человѣчество.

Но прежде нежели религія открыла намъ истину столь тѣсно соединенную съ нашими должностями, какой мудрецъ позналъ когда либо сію всеродную и столь закоренѣлую болѣзнь? философія стыдилась иногда весьма явныхъ заблужденій сердца и разума; но не дано ей простирать взоръ свой и охранительныя средства до самаго начала, изъ коего они происшекали; она старалась изсушить частныя ручьи; но никогда не

здѣлала такогожъ опыта надъ самымъ исходищемъ, откуда пороки шумными волнами изливались на лице земли. Она отсѣкала коекакія вѣтьви; но вовсе не касалась до ядовитаго корня, который непрестанно произращалъ плоды смерти.

Ни одинъ изъ мнимыхъ мудрецовъ древности не зналъ, что прямое добро человѣка не существуетъ на земли; что за предѣлами времени надлежитъ отъискивать сокровище, довлѣющее нашимъ нуждамъ; что никакая созданная вещь не имѣетъ свойствъ сродныхъ нашимъ желаніямъ, кои суть поистиннѣ безпредѣльны и безсмертны; что едино благо достойно насъ, и сіе благо есть въ Богѣ, или точнѣе сказать, самъ Богъ. Такимъ образомъ когда Богъ есть единое благо, которое мы обязаны любить для него самаго; то все прочее есть только средство, коимъ дозволено пользоваться мимоходомъ, а не конецъ нашъ. Сія важная должность, скрывавшаяся отъ свѣдѣнія любомудровъ, есть первѣйшая въ книгѣ Евангельской. Ею то Законодатель Христіанскій начи-

наетъ свои наставленія. Любить Бога для него самаго, а все прочее для Бога, есть сокращеніе сего высокаго нравоученія, сшедшаго съ небесъ для освященія человѣковъ, и очищенія земли.

Таковъ есть главный догматъ Христіанства, что человѣкъ не состоитъ единственно изъ глыбы земли, а кромѣ сего вещественнаго покрова, поражающаго наши чувства, есть въ немъ начало высшее, которое не страшится ни болѣзней, ни смерти; что за призраками и превратностями жизни сея должно послѣдовать вѣчное благоустройство; порокъ будетъ низвергнутъ и наказанъ, добродѣтель увѣнчана блаженствомъ и славою. Высокая истина, которая для насъ есть предвозвѣстница некончаемаго царства, основа превыспреннихъ надеждъ, источникъ главнѣйшихъ должностей.

Когда душа наша безсмертна, когда настоящая жизнь есть одна только минута въ безконечномъ продолженіи нашего бытія; то нѣтъ ничего справедливѣе и нужнѣе, какъ возводить взоръ и мысли къ тому вѣчному жилищу, гдѣ будемъ имѣть всегдашнее

пребыванїе. Когда все здѣсь на земли, обольщающее наши чувства и воображенїе, есть такое зрѣлище, которое весьма скоро оканчивается, дабы уступить мѣсто новому и неизмѣнному порядку вещей; то самой разумъ требуетъ отъ насъ, чтобъ горячность сердца нашего блюли для сего величественнаго предмѣта насъ ожидающаго: слѣдовательно, благополучїе или злополучїе, возвышенїе или уничиженїе, богатство или бѣдность, добро или зло жизни сея, не заслуживаютъ уваженїя. Скорыми шагами приближающаяся вѣчность въ одну минуту поглотитъ всѣ сїи предмѣты, своимъ присутствїемъ помрачитъ всѣ временныя отличїя. Ежели тѣло наше должно разрушиться, и смѣситься съ прахомъ; а душа напротивъ, яко непричастная смерти, остаться въ живыхъ по разрушенїи чувственныхъ орудїй: то достойно и праведно быть ей предмѣтомъ особенныхъ нашихъ заботъ и попеченїй; кратко рещи, когда настоящая жизнь есть только мѣсто странствованїя и искуса, то мы должны относить все къ

будущей жизни, яко цѣли сихъ предуготовленій.

Сіи толико справедливыя и столь естественныя послѣдствія сокрыты были отъ свѣденія всѣхъ мудрецовъ, не имѣвшихъ другаго вождя кромѣ разума. Сія столь важная и столь нужная истина не влекала ни въ поведенія ихъ, ни въ нравоученіе. Она служила только предмѣтомъ ихъ любопытства и пищею любопрительныхъ умовъ. Ихъ низкая и изуродованная система нравственности, намѣренія, правила, угрозы или награды ограничиваетъ только временемъ. Вѣчность для нея есть страна незнаемая. Знаменитѣйшіе мужи, коихъ философія выдаетъ намъ за чудо, мысли свои, надежду простираютъ не далѣе земли. Имѣющее предѣлы замѣняетъ имъ все; а безпредѣльное за ничто считаютъ. Какое странное заблужденіе! Какое поруганіе вѣчному закону! Какое превращеніе естественнаго чина!

Довольно сего одного замѣчанія для показанія несовершенства и безполезности нравоученія собственно человѣческаго, для посрамленія гордости новѣйшихъ

нашихъ лжемудровъ, дерзающихъ утверждать, что разумъ самъ собою могъ облагонравствовать людей, просвѣтить ихъ и ощастливить. Сiе дѣло предоставлено религiи. Она одна можетъ вознаградить недостатки разума, исправить его погрѣшности, заставить его стыдиться собственныхъ заблужденiй, уничтожить предразсудки, коихъ впечатлѣнiе, природная порча и слѣпота человѣческая содѣлали столь общимъ и столь дѣйствительнымъ. Христiанское нравоученiе возстановляетъ порядокъ и въ склонностяхъ нашихъ и мысляхъ. Оно все поставляетъ на приличномъ мѣстѣ. Оно громкимъ и сильнымъ гласомъ вѣщаетъ намъ, что время есть ничто, а вѣчность все; что блага, текущiя яко вода, не могутъ быть нашимъ сокровищемъ; что толикожъ несправедливо, какъ и подло, видимыя и кратковременныя вещи предпочитать благамъ невидимымъ и вѣчнымъ.

Мудрецъ, наставленный въ началахъ сего божественнаго нравоученiя, есть предварительно гражданинъ неба; его мысли, намѣренiя, дѣйствiя соотвѣтствуютъ превосходству существа его и безсмертнаго бытiя; знаетъ онъ, что земное щастiе есть

минутное, и яко тѣнь исчезаетъ; и что величайшія бѣдствія маловажны, ежели относятся только къ сей жизни. Добродѣтель не дѣлаетъ его ни жестокимъ, ни нечувствительнымъ къ благополучію и злополучію: но онъ слегка трогается ими, восторги свои и уныніе блюдя для благъ и золъ существеннѣйшихъ. Вѣчность за всегда присуща его памяти и сердцу. Безпрерывное умопредставленіе сего величественнаго зрѣлища отвлекаетъ его, или дѣлаетъ безпристрастнымъ къ тысящи вещамъ, ослѣпляющимъ обыкновеннаго человѣка.

Ето не значитъ, яко бы онъ не исполнялъ въ точности всѣхъ обязанностей общежитія. Онъ все то дѣлаетъ, что дѣлаютъ люди, коимъ самъ міръ чудится; но дѣлаетъ съ намѣреніемъ чистѣйшимъ и безусловнымъ доброжелательствомъ; онъ справедливъ, благотворителенъ, непороченъ, неустрашимъ, великодушенъ; но всѣ сіи добродѣтели ему кажутся суетнымъ украшеніемъ, ежели не освящены религіею. Онъ не можетъ не жалѣть о малодушіи и слѣпотѣ тѣхъ людей, кои честь свою поставляютъ въ самоугодіи или удивленіи подобныхъ себѣ.

Таковая награда не можетъ удовлетворить его любочестію; онъ уважаетъ себя болѣе всего представляющагося здѣсь очамъ его. Онъ ставитъ себя выше всего того, что удержать навсегда не можетъ, и что теряется въ безднѣ ничтожества.

Истинная мудрость состоитъ въ искуствѣ различать послѣдній конецъ, и путь могущій насъ привести къ оному. Во всемъ слѣпотствуютъ, когда не достаетъ сего искуства, безъ котораго всѣ прочія свѣденія дѣлаются или пагубными или безполезными. Пусть будетъ Государь искуснымъ геометромъ; ему извѣстны отвлеченныя и глубокія истины, но не умѣетъ управлять народомъ. Слѣдовательно и не льзя назвать его мудрымъ; ибо разумъ его и свѣденія ни мало не служатъ ему къ достиженію конца, которой должна предполагать себѣ высочайшая власть. Кормчій славится стихотвореніемъ: онъ разумѣетъ иностранные языки, но не знаетъ науки мореплаванія, и печальное кораблекрушеніе всегда бываетъ плодомъ его безразсудности и неопытности. И такъ сей кормчій

глупъ; ибо его ученость никакой не имѣетъ связи съ его званїемъ, и не ведетъ его къ цѣли, которую онъ долженъ имѣть въ виду.

По сему правилу пусть судятъ, какое должно имѣть понятїе о мудрости прямо человѣческой. Она ограничиваетъ свои усилїя и поученїя настоящею только жизнїю. Она хвалится открытїемъ нѣкоторыхъ истинъ: но польза сихъ драгоцѣнныхъ отрывковъ ей неизвѣстна. Она предпрїемлетъ иногда благоразумныя мѣры для полученїя временныхъ пользъ; но никакихъ не предпрїемлетъ для достиженїя главнаго конца, которому надлежало бы быть побужденїемъ и цѣлїю всего прочаго. И такъ она при всей своей величавости есть только заблужденїе и буйство.

ЧЛЕНЪ ДЕВЯТЫЙ.

Нравоученїе, основанное на религїи, есть толико же непреложно, колико превосходно.

Мудрость Евангельская имѣетъ другое преимущество, котораго

философія не можетъ ни восхитить у нея, ни участвовать въ ономъ, а имянно: она толикожъ дѣйствительна, колико высока. Невѣрцы, у коихъ остается еще нѣсколько стыда, принуждены сознаться, что Христіанское нравоученіе поражаетъ всѣ умы блистаніемъ и красотою. Но отъ ея же совершенства заимствуютъ оружіе на опроверженіе; она, говорятъ, съ лишкомъ превосходитъ нашу слабость, и есть не другое что, какъ красивое умосозерцаніе, котораго никогда не льзя осуществить.

Таковое нареканіе можно здѣлать не небесной, а земной мудрости; и причина сему весьма ощутительна. *Первое*, всѣ философы, выдающіе себя за наставниковъ рода человѣческаго, суть самозванцы, посланники безъ довѣренности, и никѣмъ не уполномоченные. Они не имѣютъ права заставить слушать себя. Нѣсколько времени удивлялись ихъ уму, или краснорѣчію; но никогда не слѣдовали ихъ правиламъ. Училища оглашаемы были изрядными разсужденіями о нравственности; но родъ человѣческій соображалъ

свои дѣйствія съ другими началами. Онъ почиталъ Философовъ за увеселительныхъ обманщиковъ; а отнюдь не за учителей, которымъ бы надлежало слѣдовать.

Второе, къ сумнительности своихъ мнѣній, сіи лживые мудрецы присовокупляли не связность своего поведенія, которая разрушала весь плодъ ихъ ученія. Примѣръ только трогаетъ и движетъ сердце; безъ него напыщенныя слова скользятъ по поверхности сердца, и оставляютъ его хладнымъ, какъ и было; или хотя и производятъ въ немъ нѣкоторое сотрясеніе, но сотрясеніе минутное, и ничего непремѣняющее въ ихъ мысляхъ и поступкахъ. Такъ удивительно ли, что правила Философіи не могли облагонравствовать родъ человѣческій? мудрецы вѣка сего высокопарностію своихъ разсужденій удивляютъ насъ; а распутствомъ и подлостію поведенія почти всегда краснѣть заставляютъ. ,,Ты мнѣ повелѣваешъ, (могъ бы сказать кичливому Философу человѣкъ предавшійся своимъ страстямъ) ты мнѣ повелѣваешъ быть справедливымъ, воздержнымъ, некорысто-

любивымъ, презирать удовольствїя, предпочитать какую то мысль о добродѣтели наслажденїямъ порока; но твои дѣла измѣняютъ словамъ, и твоимъ поведенїемъ оправдывается мой образъ жизни; и такъ не внемлю твоимъ наставленїямъ, а послѣдую твоимъ примѣрамъ; наблюденїе правилъ тобою мнѣ выхваляемыхъ почитаю совершенствомъ мысленнымъ или невозможнымъ.,. Что еще потребно для загражденїя устъ противорѣчущему краснобаю?

Дабы избрать одинъ изъ тысящи примѣръ, какого плода отъ своихъ наставленїй долженъ ожидать сей порочный ласкатель, которой важность Философа умѣлъ соединить со всею подлостїю придворнаго? Онъ съ надмѣнностїю говоритъ о безполезности богатства. А между тѣмъ снѣдается жаждою тѣхъ благъ, которыя по видимому презираетъ; между тѣмъ предъ очи раздраженнаго народа выставляетъ соблазнительное изобилїе, купленное цѣною законопреступнаго угожденїя.

Ни что сравнится не можетъ съ его гордостїю, когда онъ говоритъ о независимости мудраго,

о возвышеніи его надъ всѣмъ тѣмъ, что ослѣпляетъ или порабощаетъ прочихъ людей. Всегда находясь въ безопасномъ и почтенномъ убѣжищѣ, онъ неприступенъ коловратности щастія. Онъ не страшится ни болѣзней, ни смерти. Никакія нещастія не могутъ его тронуть; поелику добродѣтель, единственное его сокровище, все ему замѣняетъ, и не можетъ быть у него похищена, ни коварствомъ, ни насиліемъ злобныхъ.

Кто бы повѣрилъ, что бы сей человѣкъ, столь не устрашимый и столь кичливый въ своихъ сочиненіяхъ, оказалъ въ поведеніи своемъ безчестную робость? малѣйшія неудобства изгнанія ослабляютъ его мужество. Онъ для возвращенія утѣхъ отечества унижается до постыднѣйшихъ прошеній. Одинъ страхъ лишиться благоволенія тиранна заставляетъ его отдать на позоръ и умъ свой и дарованія. Онъ отваживается защищать гнуснѣйшее изъ злодѣяній, когда либо осквернявшихъ престолъ.

Третіе, на конецъ, хотя бы философія представила намъ полную систему нравоученія, весьма

связную и порядочную; хотя бы наставники и проповѣдники оной, для исполненія столь знаменитаго служенія были уполномочены всею потребною довѣренностію и властію; хотя бы безпорочная, совершенно согласная съ ихъ правилами жизнь украшала ихъ характеръ, и придавала силы поученіямъ ихъ: однако чрезъ то не больше бы получили они успѣха въ своемъ предпріятіи. Они оставались бы въ подозрѣніи, что или сами обманываются мечтою, или другихъ обманываютъ своимъ лицемѣріемъ. Пусть никто не будетъ изобличать ихъ ни въ притворствѣ, ни въ глупости; какоежъ побужденіе отрещись отъ своихъ склонностей, дабы учиниться ихъ послѣдователемъ?

Сказанное здѣсь не есть пустая догадка; кто знаетъ сердце человѣческое, тотъ легко ощутитъ истину онаго. Отъ сердца нашего не льзя ожидать жертвы совершенно чистой и безпримѣсной; не льзя ожидать, чтобъ оно настоящимъ благомъ не воспользовалось, когда въ будущности не зритъ ни возмездія,

ни награды. Философія является съ пышностію существамъ упоеннымъ любовію къ чувственной области. Предположимъ, что она представляетъ предъ очи ихъ законы справедливѣйшіе и благовиднѣйшіе; но къ чему послужатъ безполезныя для нихъ правила?,, Какую награду предложишъ мнѣ за мою вѣрность, вопроситъ ее плотоугодный человѣкъ? Ты похищаешъ у меня то, что доселѣ составляло мое щастіе; чемъ же вознаградишъ сіе? Ты хочешъ, чтобъ я упустилъ изъ рукъ моихъ блага, которыя по крайней мѣрѣ увеселяютъ меня, ежели не могутъ удовольствовать; они по крайней мѣрѣ облегчаютъ мои бѣдствія, прогоняютъ скуку, ежели не могутъ насытить моихъ желаній; ты почитаешъ ихъ суетными и недостойными меня: пусть такъ, но представь мнѣ блага существеннѣе и прочнѣе оныхъ. Ты ничего не видишь, ничего не обѣщаешь мнѣ извѣстнаго по смерти. И такъ всего благоразумнѣе кажется мнѣ пользоваться настоящимъ, поелику оно есть единая моя награда; стараться жизнь сію содѣлать,

елико возможно, продолжительнѣе и прїятнѣе, ибо нѣчего полагаться на загадочную будущность; презирать добродѣтель, какъ скоро будетъ она лишать свободы мои склонности, ибо она ничего не можетъ намъ воздать за наши жертвы „ Такимъ образомъ философїя при всей глубокомысленности своихъ умозрѣнїй, при всей высокопарности витїйства, оставила человѣчество въ таковомъ же положенїи, въ каковомъ и нашла его. Неизвѣстность ея обѣщанїй отъемлетъ всю силу у наставленїй.

Но Евангельское нравоученїе въ превосходнѣйшемъ степени соединяетъ всѣ отличительныя свойства; недостатокъ коихъ усилїя мудрости человѣческой содѣлалъ недѣйствительными, и наставленїя ея безплодными. Во первыхъ Законодатель Евангельскїй не есть человѣкъ одержимый слабостями и недоразумѣнїями, коего бы власть можно было презирать, или поученїя опровергать его примѣрами; онъ есть самая истина: его есть воплощенная Мудрость, пришедшая просвѣтить

и исправить вселенную. Она посредѣ своея церкви открываетъ священнѣйшее училище, куда приглашаетъ всѣхъ людей. Она внятно тамъ проповѣдуетъ свои истины; она во всѣ послушные умы, во всѣ правыя сердца внѣдряетъ тамъ неизмѣнныя правила, твердыя положенія, подробныя рѣшенія, относительно ко всѣмъ должностямъ и ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни.

Во вторыхъ, дабы впечатлѣніе истины содѣлать глубже, увѣреніе любезнѣе сердцу и трогательнѣе: то сей учитель къ своимъ наставленіямъ прекрасно присоединяетъ всю силу высочайшей власти; и нравоученіе утверждаетъ собственными примѣрами. Все въ жизни его велико, все управлено истиною, все дышетъ мудростію. Стоитъ только шествовать по проложенной имъ стези, дабы достигнуть высочайшаго совершенства. Святость его дѣяній совершенно подкрѣпляетъ чистоту ученія его. Предъ таковымъ образцомъ всякое распутство посрамляется, всякая неправда нѣмѣетъ,

всякой порокъ безгласенъ и беззащитенъ.

Третіе на конецъ, онъ совершенно знаетъ сердце человѣческое. Хотя онъ и отъемлетъ у него приторныя блага, сію подслащенную пищу или отраву, усугубляющую голодъ, и на послѣдокъ смерть ему причиняющую; но сіе для того, дабы дать ему въ замѣну блага прочныя, брашно изобильное и вкусное, щастіе существенное и неизмѣнное. Онъ подкрѣпляетъ свои правила надеждою великолѣпнѣйшихъ наградъ. Онъ открываетъ очамъ нашимъ дивности грядущей жизни: гдѣ добродѣтель пострадавшая на земли увѣнчается блаженствомъ, безконечно превышающимъ и наше удивленіе и нашу благодарность.

Онъ также для уполномоченія своихъ повелѣній не прибѣгаетъ, по примѣру смертныхъ законодателей, къ единымъ токмо внѣшнимъ и ломкимъ подпорамъ. Не однимъ токмо обѣщаніемъ наградъ призываетъ людей къ добродѣтели, или не однимъ токмо страхомъ наказаній отвращаетъ ихъ отъ порока; силь-

нѣйшія у него есть средства исправлять ихъ заблужденія, исцѣлять ихъ страсти, пробуждать совѣсть. Онъ умами и сердцами располагаетъ яко созданіемъ своимъ. Однихъ просвѣщаетъ свѣтомъ истины, другихъ воспламеняетъ любовію къ правдѣ; сужденія ихъ и мысли преобразуетъ; вкусы ихъ и склонности премѣняетъ.

Евангельское нравоученіе таковое чудо произвело не надъ малымъ числомъ мудрецовъ, но надъ безчисленнымъ множествомъ людей всякаго возраста, всякаго пола, всякаго чина; обильнѣйшіе и спасительнѣйшіе во вселенной имъ произращены плоды. Міръ до того бывшій позорищемъ заблужденій, страстей и беззаконій человѣческихъ, обращенъ имъ во святилище истины и правды.

Оно благородныя и удивительныя внушаетъ чувствованія. Оно токмо содѣлать можетъ человѣка мирнымъ и блаженнымъ. „Правда ли то, говорилъ нѣкогда одинъ знаменитый мужъ отъ лица всѣхъ учениковъ Евангелія, чтобъ мы должны были провождать жизнь прискорбную и го-

рестную; мы, которые даже умираемъ съ удовольствіемъ? Не говоря о утѣшеніи, которое подаетъ надежда будущихъ благъ, есть ли въ настоящей жизни радость чувствительнѣе сей, каковую раждаетъ въ насъ примиреніе наше съ Богомъ, полученное отъ него познаніе и любленіе истины, освобожденіе отъ древнихъ заблужденій, очищеніе отъ сквернъ протекшей жизни? Есть ли какое удовольствіе сладостнѣе сего, которое вкушаемъ, попирая грубыя и земныя, унижающія человѣка, веселія? Есть ли какая пріятность больше сей, которую доставляетъ чувствованіе истинной свободы, совершенной независимости отъ чувственнаго міра и отъ всего того, что можетъ онъ имѣть прелестнаго и страшнаго; наслажденіе чистой совѣсти, житіе безъ страха, безъ честолюбія, безъ корыстолюбія? *Тертул.* кн. о зрѣл. глава 28. и слѣ.

Человѣкъ будучи подверженъ безчисленнымъ приключеніямъ, возмущающимъ покой его, и жизнь отравляющимъ, гдѣ обрящетъ утѣшеніе и пособія въ злополучіи, коего часто ни отвратить, ни предусмотрѣть не можетъ? Здѣсь

що наипаче открывается суетность и ничтожность философскаго нравоученія. Возми человѣка, которой кромѣ правилъ философіи не знаетъ другаго прибѣжища; и поставь его въ нещастномъ положеніи. Да предстанетъ сія гордомечтающая о себѣ философія, подкрѣпитъ немощи, и отеретъ слезы страждущаго. Доведенному внезапнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, или злобою враговъ до крайняго убожества, уповательно скажетъ она, что вся наша благая ограничиваются землею; нещастливцу зельными болѣзнями раздираему, что нѣтъ другихъ удовольствій кромѣ чувственныхъ; что все повѣствуемое о чистыхъ невинности утѣхахъ и о будущей жизни есть одна мечта; находящемуся въ хладныхъ объятіяхъ смерти, и изъ собственнаго опыта начинающему узнавать, что всѣ твари скрываются, и вселенная утекаетъ на вѣки, она покажетъ убѣжище въ ничтожествѣ. И все сіе заключитъ еще тѣмъ, что жизнь есть временный даръ природы. Что тѣлесныя орудія созданы не для всегдашняго пребыванія; что надобно уступить по-

шоку, дѣла человѣческія съ бытіемъ нашимъ такъ, какъ и все прочее увлекающему въ неизмѣримую бездну забвенія. Унизительное и пагубное ученіе! Которое не только не облегчаетъ унынія моего и отчаянія, но еще тяжесть оныхъ увеличиваетъ. Сердце мое вѣщаетъ, что я сотворенъ для вѣчности; во глубинѣ души ощущаемое желаніе блаженства увѣряетъ меня о важности моего назначенія, и отвергаетъ срамныя утѣшенія слѣпотствующей Философіи.

Ежели она, поелику не можетъ отречся отъ сихъ чувствованій величія, ниже изгладить впечатлѣнія оныхъ, признается, что краткое продолженіе жизни сея не соразмѣрно съ желаніями моими; то что можетъ при послѣдней минутѣ сказать мнѣ для разсѣянія сомнѣній и смущеній? что зритъ она въ будущности могущее служить предѣломъ желаній моихъ и подпорою надежды? чѣмъ можетъ утѣшить меня въ потерѣ всего похищаемаго у меня смертію? Откуда получитъ средства къ успокоенію справедливыхъ ужасовъ, причиняемыхъ мнѣ без-

численными явными или тайными закона естественнаго нарушенiями, и злоупотребленiемъ даровъ Творца моего? Чемъ увѣритъ меня, что раскаянiе мое укротило гнѣвъ его, что примиренiе мое съ нимъ свершилось; и что умирая могу чаять вожделѣннаго лицезрѣнiя его, и сопричастiя въ его блаженствѣ?

На всѣ сiи дѣйствительно весьма важныя вопросы философiя отвѣтствуетъ молчанiемъ и недоумѣнiемъ. Она льстила гордости моей во время жизни: а при смерти меня покидаетъ, или никакой не обрѣтаю въ ней помощи. Она совѣтуетъ мнѣ едину токмо притворную бодрость духа, ужасное отчаянiе скрывающую; или скотское безстрастiе, которое не только не вознаграждаетъ лишенiй, и не облегчаетъ скорби, но, ежели бы могло статься, испровергло бы самое основанiе существа моего.

Вотъ какъ мудрость человѣческая, прежде толь гордо о себѣ мечтавшая, и толь высокомѣрная, въ одну минуту забываетъ твердость и неустрашимость свою. Когда наступающая

смерть повелитъ молчать страстямъ, отниметъ средства удовлетворять онымъ; тогда смутившись и возтрепетавши философія, являетъ единый стыдъ свой и слабость. Примѣры сему не рѣдки. Посмотрите на сего начальника новѣйшихъ нашихъ лжемудровъ, на сего писателя больше злоупотребленіемъ дарованій, нежели превосходствомъ оныхъ прославившагося; на сего отмѣннаго человѣка, который премногихъ своихъ современниковъ привелъ въ изумленіе, и котораго потомство въ своемъ негодованіи низринетъ нѣкогда съ сей ложной высоты, куда вознесло его поврежденіе вкуса и нравовъ. Всю жизнь провелъ онъ, не преставая ругаться вѣрою, догматами ея, таинствами, Богомъ. Сказали бы, что на конецъ въ своей философіи нашелъ онъ твердую оборону противъ ужасовъ вѣры: но при видѣ роковой косы страхъ отвергнулъ его начала; тогда изчезла храбрость его, и онъ не однократно впадалъ въ уныніе и отчаяніе.

Г. Волтеръ, что ни говорятъ объ немъ ревностные его почита-

тели, никогда къ превосходнѣйшимъ мужамъ не причислится. Славолюбивъ до безумія, онъ всѣми мѣрами старался изгладить то, что есть великаго какъ у древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей. Но посредственность ума его всегда творила преткновеніе злодѣйскимъ покушеніямъ его самолюбія; и заставила его противъ воли остаться во второмъ розрядѣ. Въ одномъ только превзошелъ онъ современниковъ своихъ и предшественниковъ: то есть, въ дерзости, съ каковою нападалъ на святѣйшія установленія. Ни кто такого, какъ онъ, не оказалъ неистовства и успѣховъ въ поруганіи религіи, въ растлѣніи нравовъ, въ ободреніи вольнодумства. Въ нечестіи не будетъ имѣть себѣ соперника, такъ какъ и образца не имѣлъ. Ужасное сіе преимущество и впредь для него останется не отъемлемымъ.

При томъ не должны быть удивительны таковыя нелѣпости: онѣ во всякой нечестивой системѣ неизбѣжны; и лжемудръ нашего времени развѣ чрезъ одно лицемѣрство можетъ выпутаться изъ оныхъ. Это не есть мой

собственной вымыслъ или подозрѣніе; но откровенное признаніе человѣка весьма свѣдущаго въ началахъ мнимой философіи. Никто столько не углублялся въ средства и извороты безвѣрія, и никто лучше не позналъ ихъ, какъ *Баилъ*. Онъ и самъ ничего не упустилъ, что могло служить безвѣрію новыми укрѣпленіями. Однако не взирая на всѣ его усилія и изслѣдованія, никакого не открылъ твердаго начала въ предположеніяхъ крѣпкихъ умовъ. Принужденъ былъ сознаться, что кто совращается съ пути благочестія и вѣры, тотъ живетъ на удачу; что можно брать себѣ въ голову всякія сумнѣнія и умножать споры; но никогда не льзя дойти до точной извѣстности. Изъ чего заключаетъ, что большая часть отмещущихъ религію, суть безбожники болѣе по тщеславію и гордости, нежели по истинному увѣренію.

Но когда философія едину токмо немощь свою или недоумѣнія намъ показываетъ, совершенно оставляя насъ въ заблужденіи нашемъ и отчаяніи; тогда

религія ободряетъ насъ, и оживляетъ наши надежды. Здѣсь то открываетъ она силу свою и пособія. Она снимаетъ завѣсу, и въ будущности указуетъ новое отечество, гдѣ правда и блаженство царствуютъ. И когда истощеніе бреннаго состава нашего возвѣститъ намъ о времени исхода изъ сея жизни; тогда она емлетъ насъ за руку, и безбѣдно провождаетъ чрезъ сей мрачный путь, столь ужасный для чувствъ, но утѣшительный для души; который уже не бываетъ жилищемъ смерти, какъ скоро вѣра освѣтитъ оный лучемъ своихъ обѣтованій.

Она едина ожиданіемъ по смерти за всѣ пожертвованія въ сей жизни несумнѣнной награды и безконечнаго воздаянія, можетъ производить въ человѣкѣ отреченіе отъ всего, непоколебимую твердость. То и другое основано на семъ важномъ Христіанскаго нравоученія началѣ, что человѣку собственно ни что не нужно, кромѣ Бога; поелику истинное его благо состоитъ токмо въ Богѣ. Человѣкъ столь великъ, что для своего благополучія въ

единомъ токмо Богѣ имѣетъ нужду.

Какое великодушїе, какое благородство чувствованїй, какая свобода можетъ сравниться съ великодушїемъ, благородствомъ и свободою, внушаемыми столь чистымъ и высокимъ нравоученїемъ? Имѣютъ ли какое сходство слабыя подпоры философїи съ оными правилами толико способными къ поддержанїю души во искушенїяхъ, къ укрѣпленїю ея противъ напастей? Какая потеря можетъ привести въ отчаянїе того, кто среди величайшихъ нещастїй всегда слышитъ во глубинѣ сердца своего сей утѣшительный гласъ: не могутъ у меня похитить моего сокровища; Какая власть можетъ устрашить того, кто въ Богѣ полагаетъ свое щастїе, а прочее все за уметы вмѣняетъ? Онъ съ благородною неустрашимостїю вѣщаетъ сильнѣйшему и злѣйшему врагу своему: не боюсь ни угрозъ твоихъ, ни гнѣва твоего; что во власти твоей, то не составляетъ блага моего. Сокровище мое внѣ всякой опасности; рука крѣпльшая твоей охраняетъ оное;

оно неприступно ни усилїямъ гоненія, ни замысламъ мучителей.

Ирои философіи иногда хотѣли подражать сему языку; но Евангельскому токмо мудрецу свойственно оправдывать искренность онаго дѣлами. Твердость и независимость отъ другихъ всегда была суетнымъ токмо тщеславіемъ. Благо ихъ и сокровище было отъ міра сего, слѣдовательно оно зависѣло отъ власти людей и случаевъ. Какоежъ могло быть ихъ постоянство? правда, славное нѣкоторое училище обѣщало здѣлать человѣка непроницаемымъ для стрѣлъ щастія. Мудрый, говорило оно, доволенъ самъ собою. Въ сердцѣ своемъ обрѣтаетъ онъ все то, что теряетъ внѣ себя. Самыя жестокія мученія, раздирающія его члены, не поколеблютъ души его, не коснутся ея.

Сіи надмѣнныя правила льстили гордости учителя и учениковъ; но ничего не премѣняли въ чувствованіяхъ природы. Средство, укрѣпляющее человѣка противъ потрясеній щастія, безкорыстіе и мужество въ него вдыхающее; словомъ сказать, дѣлаю-

щее его благополучнымъ, не состоитъ въ томъ, чтобъ отдѣлить его отъ общежитія, вселить въ него презрѣніе къ сочеловѣкамъ, сосредоточить его, и, такъ сказать, закупорить въ немъ самомъ чрезъ отщепенническое и дикое нѣкоторое расположеніе. Таковыя поученія могутъ токмо завести его въ заблужденіе и содѣлать тщеславнымъ и злополучнымъ.

Причина сему ощутительна; но едина токмо вѣра дѣлаетъ насъ къ оной внимательными. Человѣкъ не есть самъ себѣ конецъ, могъ такъ какъ не онъ своимъ быть началомъ. Онъ самъ по себѣ есть неизмѣримая пустота и неограниченная скудость: великъ по своимъ токмо желаніямъ и по вмѣстительности всего удобопріемлемаго. Мыслить убо, что можетъ онъ самъ собою замѣнить высочайшее имъ желаемое добро, есть заблужденіе сколь безумное, столь же и мучительное. Ежели онъ столько ослѣпленъ, что кромѣ сей печальной пажити другой лучшей не находитъ, то учинится снѣдію собственныхъ своихъ же-

ланій: скрывая убожество свое и отчаяніе, онъ со временемъ утомится, нося личину столь противную чувствованіямъ природы. Признаетъ свою скудость, и проклянетъ философію. Избѣжать сего стоическаго лицемѣрія не иначе можно, какъ недовѣрчивостію къ земной мудрости и покореніемъ себя религіи. Она то руководствуетъ насъ ко Творцу бытія нашего, дабы пріять отъ него то, чего бы мы тщетно искали въ самихъ себѣ и въ окружающемъ насъ.

И такъ не въ твореніяхъ философіи, но въ памятникахъ вѣры обрящемъ достойное Бога, и примѣненное къ нуждамъ человѣческимъ, нравоученіе. Въ семъ то священномъ залогѣ оно представляется намъ съ такою особенностію и разительностію, что не возможно, по крайней мѣрѣ не потерявъ весь разсудокъ, не удивлятся оному. Правила нравовъ, во всѣхъ другихъ писаніяхъ коекакъ разбросанныя и искаженныя, здѣсь являются въ совершенствѣ своемъ и въ природной цѣлости. Здѣсь усматриваемъ оныя въ такомъ величіи, что не льзя не возчувствовать къ нимъ благоговѣнія; въ такой силѣ и

очевидности, что покаряютъ и непреклоннѣйшія сердца; столь привлекательными, что восхищаются ими всѣ еще не пришедшіе во глубину золъ. Такимъ образомъ Божественное сіе нравоученіе врагами своими имѣло умы токмо своевольныя или легкомысленныя, людей слѣпыхъ и развратныхъ; которые по тому токмо вооружаются противъ закона, что онъ возмущаетъ совѣсть ихъ страхомъ будущаго суда, и дабы ненаказанно удовлетворять страстямъ, которыя законъ осуждаетъ. *Всякой нечестивецъ лучше желаетъ проклинать законъ, нежели исправлять душу; лучше желаетъ правила ненавидѣть, нежели пороки.*

Конецъ

Четвертаго и послѣдняго Тома.

